

СЕВА НОВГОРОДЦЕВ

НА СТАРОМ “МЕРСЕДЕСЕ” ПО ДРЕВНЕЙ
ЕВРОПЕ

Оглавление

Старый “Мерседес”	2
Реймс	5
Лион	11
Турин	16
Генуя	27
Специя	33
Пьомбино	42
Рим	47
Сорренто	65
Бари	70
Албания	79
Черногория	87
Греция	107
Приехали	116
Болгарский уран	128
Орфей и Эвридика	132
Читая Любена Каравелова	136
Потомство жеребца Асуана	140
Марков и Живков	148
Фетиваль “Перелик” на соломе	150
Мрамор острова Тасос	153

Старый “мерседес”

Почему "мерседес", да к тому же – старый?

Кое кто, быть может, помнит душераздирающую историю о том, как я отправил на свалку свою чудесную машину "Ровер 75" бирюзового цвета, имитировавшего знаменитый веджвудский фарфор

Ровер 75 на берегах Темзы

Автомобиль однажды забулькал мотором и встал посреди улицы. Пришлось буксировать его в гараж, где мне пояснили, что с "роверами" такое бывает – вода из системы охлаждения затекла в цилиндры. Прокладка головки цилиндров слабая, конструкторский недочет.

Первый раз я согласился на дорогую починку, но когда то же самое произошло чуть более года спустя, пришлось махнуть рукой и продать авто акулам металлолома за гроши.

Поздно вечером приехал эвакуатор, веселый шотландский парень, поднял, зацепил, пошутил на прощанье... Эх! А ведь машина без единого пятнышка, всего 47 тысяч миль на

спидометре. Ей бы ездить да ездить. А деталь, которая ее сгубила, – тьфу! Тридцатки не стоит!

Так мне пришлось забыть про свой британский патриотизм и обратить взор на то, что народы считают самым надежным.

Долго рыскал по интернету, читал отзывы, записывал на бумажку, шевелил губами, подсчитывая свой бюджет.

Для себя я придумал теорию – машина должна быть похожей на водителя, как хозяин на свою собаку. По этой теории в мои годы ездить на абсолютно новом автомобиле было бы стилистически неверно. Нужно было подобрать машину под себя – нечто основательное, с репутацией и благородной сединой.

Так в нашей жизни появился серебряный "мерседес" 15 лет от роду, S-class 320. В нем вода в цилиндры уж конечно не затечет, но у немецкого авто свои болезни, а лечение их – еще дороже.

К моменту переезда на континент, в приобретенную квартиру в Родопских горах, встал вопрос: что делать? Отправлять машину как груз, а самим лететь самолетом, или ехать на ней? Бюджет выходил примерно одинаковый, но если ехать самим, то получается интереснее.

Так и случилось, что 26 сентября мы вышли из дома ранним утром, чтобы утрамбовать в багажник "13-й кубометр". Все наши пожитки, отправленные накануне большим грузовиком – в основном мои бумаги и коллекции одежды Лелика, разложенные по коробкам, плюс картины и всякая всячина, о которой только и вспоминаешь во время переезда, – составила, по экспертным оценкам перевозчиков, 12 кубических метров.

Цифра эта далась им нелегко. Англичане еще к метрической системе не привыкли и поначалу называли нам какие-то фантастические цифры в кубических футах. (Доложу вам, на всякий случай, что в одном кубическом футе содержится 0,0283168 кубометра, а наш родной кубометр – это 35,3147 кубофутов).

В последний момент из всех щелей, как водится, выползли какие-то сапоги с утюгами, подушки и одеяла, трехэтажная электрическая пароварка, купленная в трудные дни, когда мы целый месяц жили без кухни (это – отдельная история). Тоже ведь не вычеркнешь из жизни.

Короче, тем ранним утром мы распихивали по задним сиденьям и багажнику пресловутый "13-й кубометр". Тут во двор въехал белый микроавтобус, из него вышел мой свояк, Бежан, и его друг Юра, владелец русского продуктового магазина, давний фан и постоянный слушатель. Ребята приехали помочь и привезли нам в дорогу 6 литров "Боржоми" и "Ессентуки №18" в больших зеленых бутылках. Этот подарок мы потом много раз вспоминали с благодарностью.

Полный вперед

На 10 утра был заказан паром (билет в один конец) из Дувра в Кале. До Дувра домчались быстро, гладко. Старый "мерседес" прошел полную проверку–починку в родном гараже в Дартфорде и всеми своими трубочками и лампочками источал этакий немецкий "васисдас".

В Дуврском порту получилась путаница. Две конкурирующие фирмы, каждая по отдельности, вели к своим паромам самым замысловатым образом. Добавьте к этому огромные грузовые фуры, выстроившиеся в очередь и перекрывавшие пути. Когда мы, наконец, добрались до нужного причала, наш паром весело крутил кормой, удаляясь в морской дымке Ла–Манша.

Дежурный офицер, вежливый и доброжелательный мужчина спортивного вида, утешил нас, сказав безо всякого укора и надрыва, что нам найдется место на следующем пароме в 12 часов, то есть на два часа позже, но этот паром пойдет уже не в Кале, а в Дюнкерк.

Делать нечего, мы согласились, хотя у первого автомобильного перегона были строгие рамки. Нас ждали к определенному часу во французском городе Реймсе.

Задолго до отъезда приемная дочь Анастасия, которая по большей части жила в интернете, рассказывала нам о замечательном сетевом сообществе владельцев квартир и домов, которые сдают свою площадь приличным людям, вроде нас.

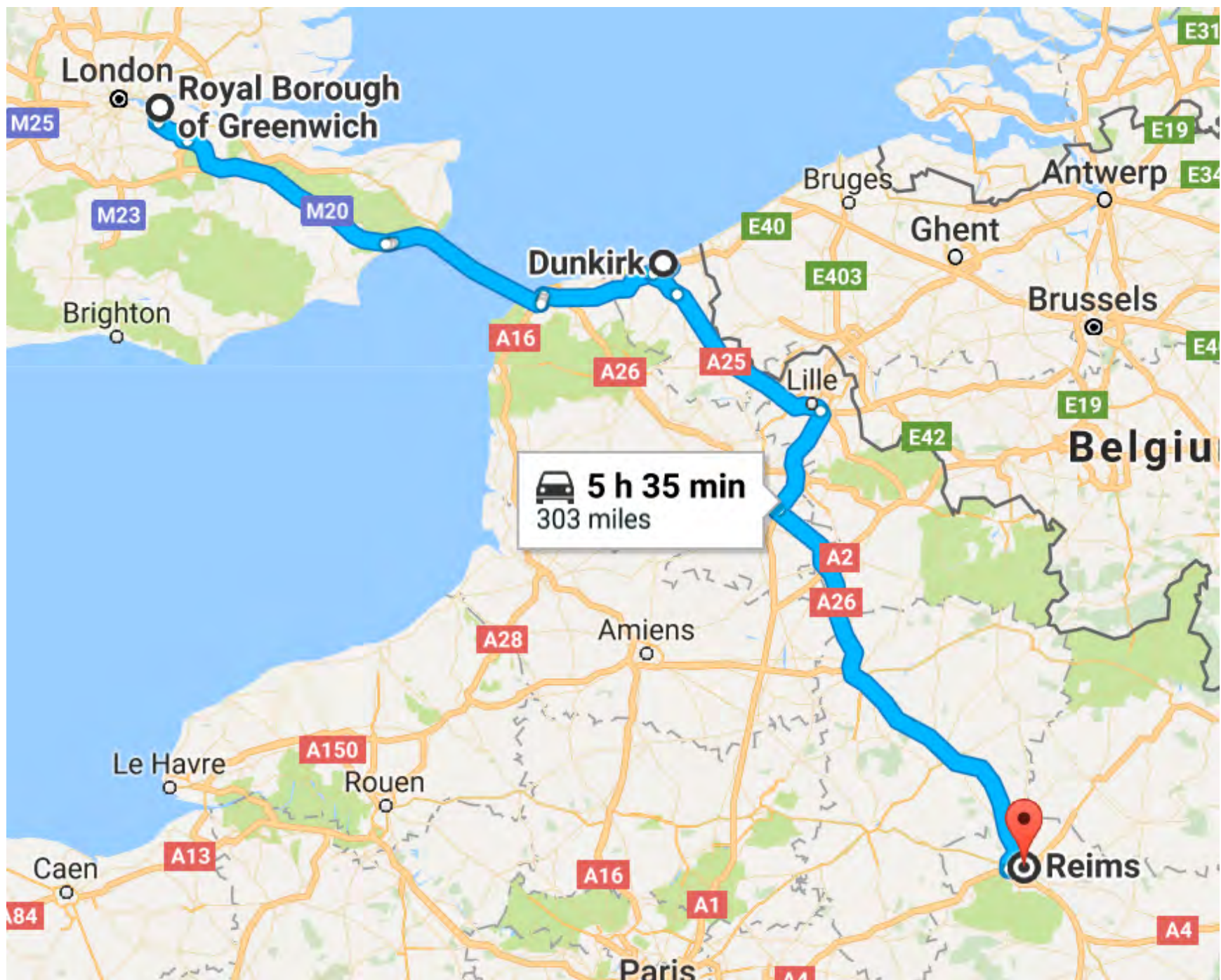
Собственно, статус приличного человека в этой системе надо заработать. Гости дают отзывы о жилье и ставят свои оценочные звезды, но и хозяева тоже пишут на своих гостей характеристики.

Первые две ночевки я забронировал именно в таких местах. С одной стороны, получается как–то душевно, персонально и недорого, но с другой – есть строгий час свидания, оговоренный заранее.

В обычной гостинице всегда есть приемная, а в ней круглые сутки сидит дежурный администратор, умеющий говорить на английском. Можно появиться в любое время, и с легкостью объясниться.

Здесь же мы ехали в неизвестное место, в некую квартиру, ключ от которой был у незнакомого нам человека. Мы были представлены через интернет, заочно, я знал, что его зовут Пьер, и что по–английски он не говорит (как и я – по–французски).

Передо мной, как перед водителем и организатором, стояла задача – попасть на ночлег, то есть, очутиться в нужном месте, в нужное время в незнакомом городе, на неведомой улице, и встретиться с Пьером, которого я в лицо не знал.

Реймс

Не представляю – как люди раньше путешествовали без спутникового навигатора. Водителю по карте все время сверяться невозможно, приходится просить спутницу, жену. Моя жена – художник, в топографии она отмечает прежде всего переливы цвета, разнообразие форм, контрастные пятна. Для того, чтобы попасть куда надо этого не всегда бывает достаточно.

Водитель нервничает, изо всех сил старается не повышать голос. Он по опыту знает – так ведь и разругаться недолго. А мой девиз это – мир в семье, любой ценой. Слава Богу, есть верный Том–Том, он стоит на страже мира.

Но тут навигатор капризничал. На запрос «26 Rue Alain Colas, Betheny, Reims» аппарат отвечал, что на данной улице такого дома нет. Тогда я запросил дом 24, который у него точно был.

Подъехали на место в сумерках. Улица в пригороде Реймса, с легким индустриальным налетом. Две фигуры поодаль замахали нам руками.

Это был Пьер, он взял с собой приятеля, Жака, говорившего по-английски. Пьер оказался скромным и приятным молодым человеком, он достал ключи и повел нас под вывеску, где большими буквами было написано “DIAPASON”.

Вид строения особого восторга не вызывал. Скорее всего, какой то бывший склад. “Ну все, – подумал я, – картина Репина “Попали”. Доигрался со своими экспериментами!”

Мы вошли внутрь и увидели новый танцевальный зал с паркетным полом и небольшой сценой. Тут же были музыкальные комнаты для занятий и репетиций. “Это школа танго, – пояснил Жак, а Пьер тут музыкальный руководитель, он аккордеонист”.

Из зала, за дверью, вверх шла лестница. На втором этаже нам открылась очаровательная квартира – большая гостиная, совмещенная с кухней и две спальни. Все новое, чистое.

Потом, на досуге, разглядывая наше жилье, мы не нашли в нем ни одной заграничной наклейки. Все в квартире было французское – от бокалов до часов на стене с вилкой и ложкой вместо часовых стрелок, от мебели до постельного белья.

“Лелик, – сказал я супруге, – мы попали к настоящим патриотам. Посмотри – они добились у себя полного импортозамещения!”

Было еще не поздно, навигатор показывал, что до центра города меньше 3-х километров.

Готовясь к поездке, я кое что почитал. Реймс – это столица района по производству шампанского, но главное в нем – это знаменитый готический Реймский собор, в котором короновали почти всех французских королей.

Непонятно – зачем монархам было ехать (а в средние века – тащиться гужевым транспортом по ухабам) в неблизкий Реймс, когда и в Париже есть немало достойных мест?

Символика. Когда то, еще во времена Римской Империи, на этом месте были римские бани. В 400 году, когда римляне ушли, Никасий, 11–й епископ Реймса, воздвиг собор Пресвятой Богородицы

Никасий считается священномучеником. В 407 году вандалы (по некоторым историям – гунны) ворвались в собор, где он молился, читая 119 псалом.

“Избавь мою душу, Господи, от лгущих уст и обманчивого языка!” – только и успел проговорить Никасий, как меч варвара отсек ему голову.

Но обезглавленное тело Никасия продолжало жить. Он поднял собственную голову, которая неумолчно продолжала молитву “Душа моя долго жила с ненавидящими мир...”

Гунны в страхе покинули храм.

Эпизод это и поныне запечатлен на фронтоне собора.

Символика, однако, не только в этом. В 496 году, почти 90 лет спустя, святой Реми, епископ Реймский, крестил здесь первого короля франков Хлодвига, а с ним – 3000 воинов и приближенных.

Имя Хлодвига – германское, состоит из двух частей: “хлод” (слава) и “виг” (битва). Германский Хлодвиг потом превратился во французского Людовика и стал считаться основателем Франции.

Сами понимаете – все последующие короли просто обязаны были получить помазание на царство именно в этом месте.

Реймский собор связан с отечественной историей. 19 мая 1051 года французский король Генрих Первый венчался с Анной, дочерью Великого Князя Киевского и Новгородского, Ярослава Мудрого.

Королевское посольство поехало за невестой в далекий Киев, поскольку в Европе не нашлось других принцесс, достаточно удаленных по родству с Генрихом. Церковь раннего средневековья, ничего еще не зная о генетике, интуитивно боролась с кровосмесительными браками.

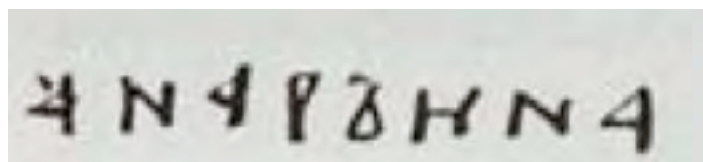
Собор в Реймсе

Св. Никасий держит свою голову

Анна была девицей образованной и достойно проявила себя на троне. После смерти супруга она оставалась регентшей при своем сыне, малолетнем наследнике Филипе. Все последующие короли Франции были ее потомками.

Сохранился диплом от 1063 года, подписанный Анной, из которого видно, что дочь Ярослава Мудрого в чужеземье не забыла родную глаголицу. Начертанные ею буквы: Аз, Нашъ, Аз, Рцы, Еръ, Иже, Наш, Аз – АНА РЪИНА –АННА РЕГИНА – АННА КОРОЛЕВА.

С чувством глубокой историчности приближались мы к собору. Подойти, однако, не удалось. Соборная площадь была огорожена, издали раздавалось мощное буханье бас-гитары. “Рок-концерт в пользу французского Красного Креста” – прочитали мы на афише.

Ага. Нам только французского рока не хватало.

Пошли по центральной Rue de Univercite. Движение на ней было перекрыто, улицу целиком предоставили пешеходным гражданам, судя по всему, студентам ближайшего университета. Несмотря на вечернюю прохладу, жизнь кипела. Кафе и бары были полны.

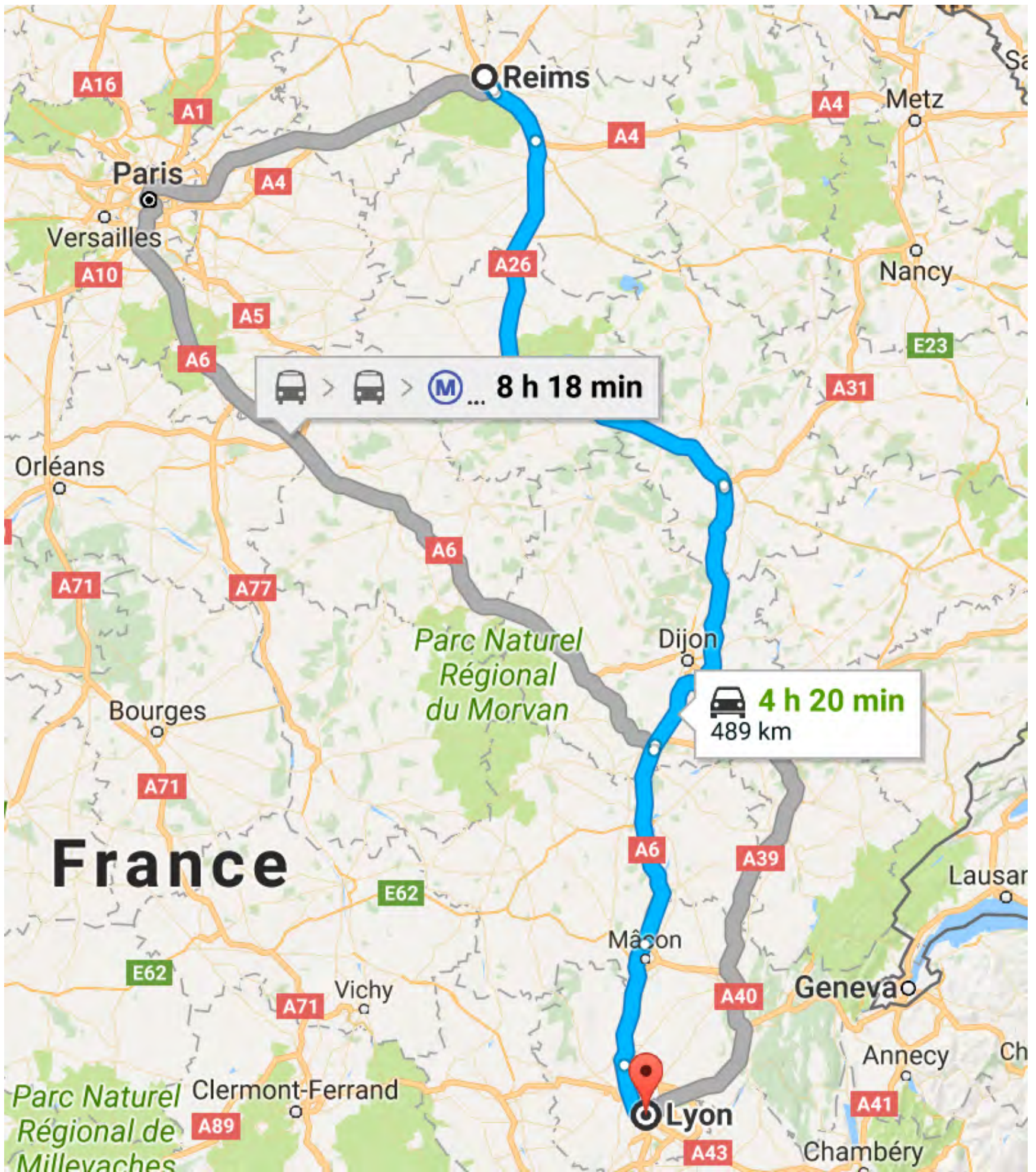
Неподалеку завязалась потасовка, откуда ни возьмись, с особым громким кряканьем возникла полицейская машина. Виновника беспорядка быстро положили лицом на старинные благородные камни мостовой и увезли. Ночная жизнь Реймса продолжалась.

На улочке в Реймсе. Древние камни мостовой исшарканы до блеска.

Мы погуляли, пощелкали фотографий на телефон и отправились домой, в свою школу танго.

Назавтра предстоял самый длинный запланированный перегон Реймс–Лион. 489 километров.

Лион

Еще до большого европейского перегона примерял свои силы, спрашивал у бывалых дальнобойщиков — сколько они могут за день проехать?

Планировать решил осторожно, в пределах 300-350 км. Я боялся не за себя, а за Лелика. У нее слух, как у чуткой серны, нюх, как у ночной бабочки и чувствительность к тряске, как у ящерицы. Ей жить трудно. Мне тоже порой нелегко.

Лелик — героиня сказки Андерсена, принцесса, которая чувствует горошину сквозь 26 матрасов так, что у нее наутро остаются синяки.

На этом перегоне я нашел, наконец, ответ на риторический вопрос Н.В. Гоголя — «и какой же русский не любит быстрой езды?»

Ответ — Лелик. Лелик — русский, и она не любит быстрой езды, особенно во время обгона, когда перестраиваясь из ряда в ряд наш «Мерседес» обходил какую-нибудь фуру или грузовик.

«Пожалуйста, потише», — говорила она трагическим тихим голосом. Я пытался объяснить, что наш автомобиль рассчитан на максимальную скорость в 205 километров в час, что тащиться на такой ласточке со скоростью каракатицы просто неприлично. Тогда Лелик коротко вздохнула, отчего я чувствовал себя эгоистом и лихачом.

Так родилась стратегия под названием «езда за бензовозом». Я пристраивался за большим попутным танкером, который ехал по медленной полосе с положенной ему скоростью в 80 км/ч и не обгонял, как бы давая понять галльским лихачам что могу, конечно, нажать на газ, но не хочу. Мы никуда не торопимся.

Сайт autoroutes.fr показал: расстояние до Лиона 481 км, время следования 4 часа 47 мин., стоимость проезда по платным автострадам (peage) — 40,5 евро.

Хочу здесь воспеть французские peage. На вид неказисты, всего две полосы в одну сторону. Разрешенная скорость — 130 км в час, хотя многие едут быстрее, благо контроля нет. Во всяком случае, французская ГИБДД нам не разу не попала.

Каждые километров 10-15 — знак 'aires de services', зоны отдыха в лесистых районах. Оборудованы туалетами, столами для пикника, игровыми площадками для детей.

Есть зоны с кафе и магазинами, банкоматами, бесплатным интернетом. Везде идеальный порядок. «Смотри, Лелик, — каждый раз говорил я голосом почвенника, с надрывом напирая на «о» — как люди здесь родину-то любят!»

Так, с прибаутками, доехали до предместьев Лиона. Там нас ожидало нечто неведомое с шикарным французским названием *Dependence du jardin*, буквально — «зависимость от сада». Фотографии этой самой «зависимости», хозяйка по имени Мэри-Джо, почему-то не поместила. Однако дом ее по улице *Rue Francois Mermet* я отыскал в интернете и несколько раз даже виртуально проехал мимо него в режиме *Street View*.

Навигатор привел нас прямо к калитке. Мы позвонили, дверь открыла сама Мэри-Джо, женщина средних лет с приятным добрым лицом и фигурой, которая нередко встречается на продуктовых рынках Симферополя или Херсона.

Загадочная «зависимость от сада» оказалась пристройкой к гаражу. Внутри была широкая складная кровать, крохотная кухонька в углу и душ с туалетом. Для гостей с детьми были еще полати, возвышение, куда надо было подниматься по стальной стремянке. Там под низким потолком был еще один матрас.

Мэри-Джо провела нас в сад, показала свой виноград, клубнику, кабачки и тыкву. Пожаловалась на жаркое лето — в июле было за 40 градусов, а в тихом углу под стеной дома, куда бьет солнце, градусник показывал под 60.

На задней веранде сушилось белье. Войдя в свою садовую «зависимость» мы тут же отметили про себя, что хозяйка любит кондиционеры для белья, а главное — она их отмеряет щедрой рукой, «не жалеючи», как сказал бы Некрасов.

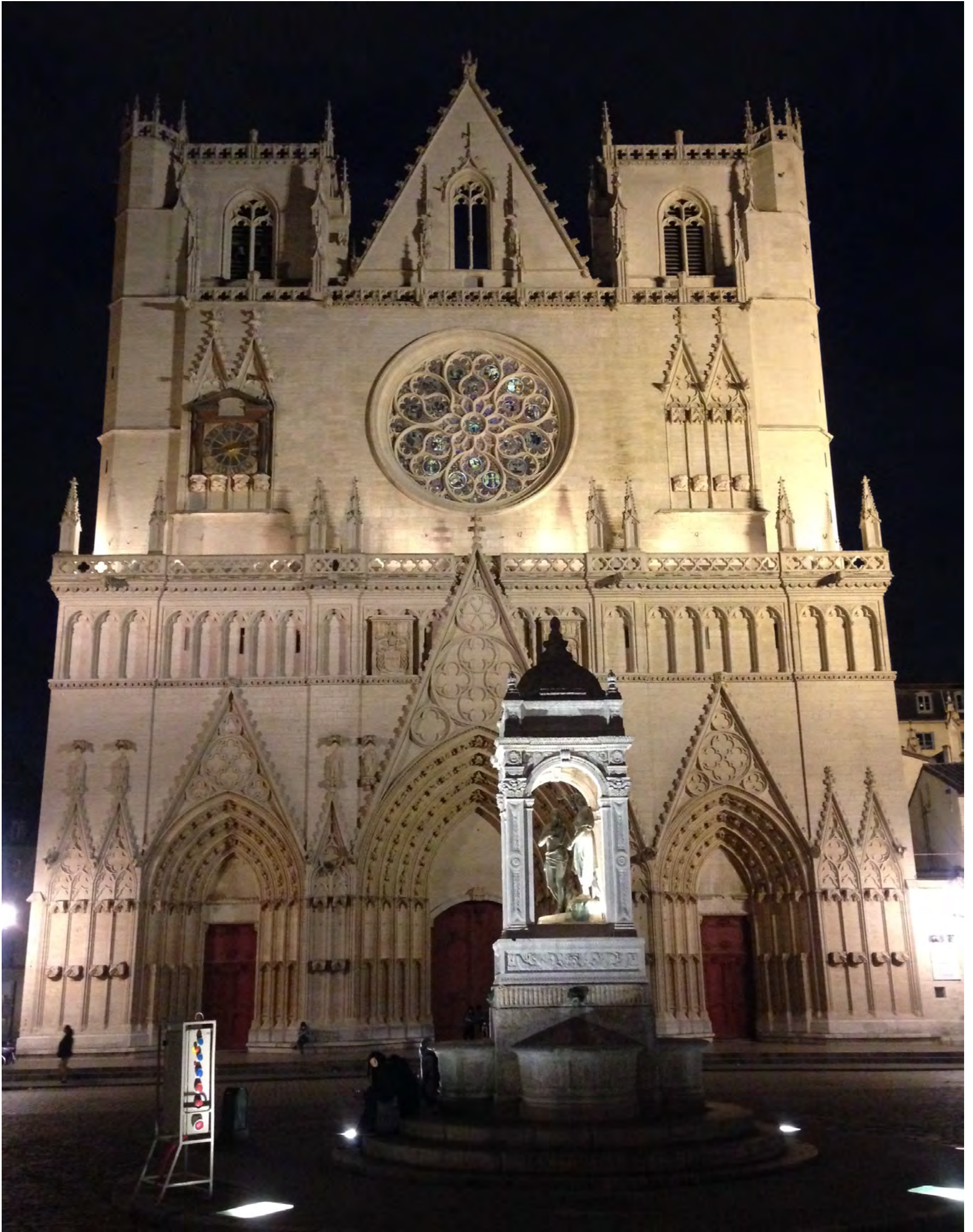
В воздухе стоял сильный запах сирени и жасмина (как я выяснил потом — химический букет А-терпинеола и бензилового спирта, а также пентана, этилацетата, хлороформа и линалоола).

Отдыхать с дороги как-то расхотелось, и мы отправились в город. На машине уже накатались вдоволь, потому пошли пешком. Марш-бросок в центр города.

В басне Крылова «Две собаки» дворovýй, «верный пес Барбос, который барскую усердно службу нес, увидел старую свою знакомку, Жужу, кудрявую болонку», в окне на шелковых подушках.

Если перенести крыловские категории на города, то Париж, несомненно, — это Жужу, а Лион, по нашему наблюдению, тяготеет более к Барбосу. Это рабочий город, без болоночьих кудрей и туристических хождений на задних лапках.

Любопытно, что основали его в 43 году до нашей эры два генерала из свиты Юлия Цезаря, по решению римского Сената. Уже тогда была проблема беженцев, которых теснили из соседних городов воинственные кельты племени Аллоброгов.

Лион. Собор Сен-Жан

Тут родились римские императоры Клавдий и Каракалла, город был столицей Галлов, позже стал центром шелкопрядельного дела, здесь напечатали первую французскую книгу.

Из Лиона вышли писатели Франсуа Рабле и Антуан де Сент-Экзюпери

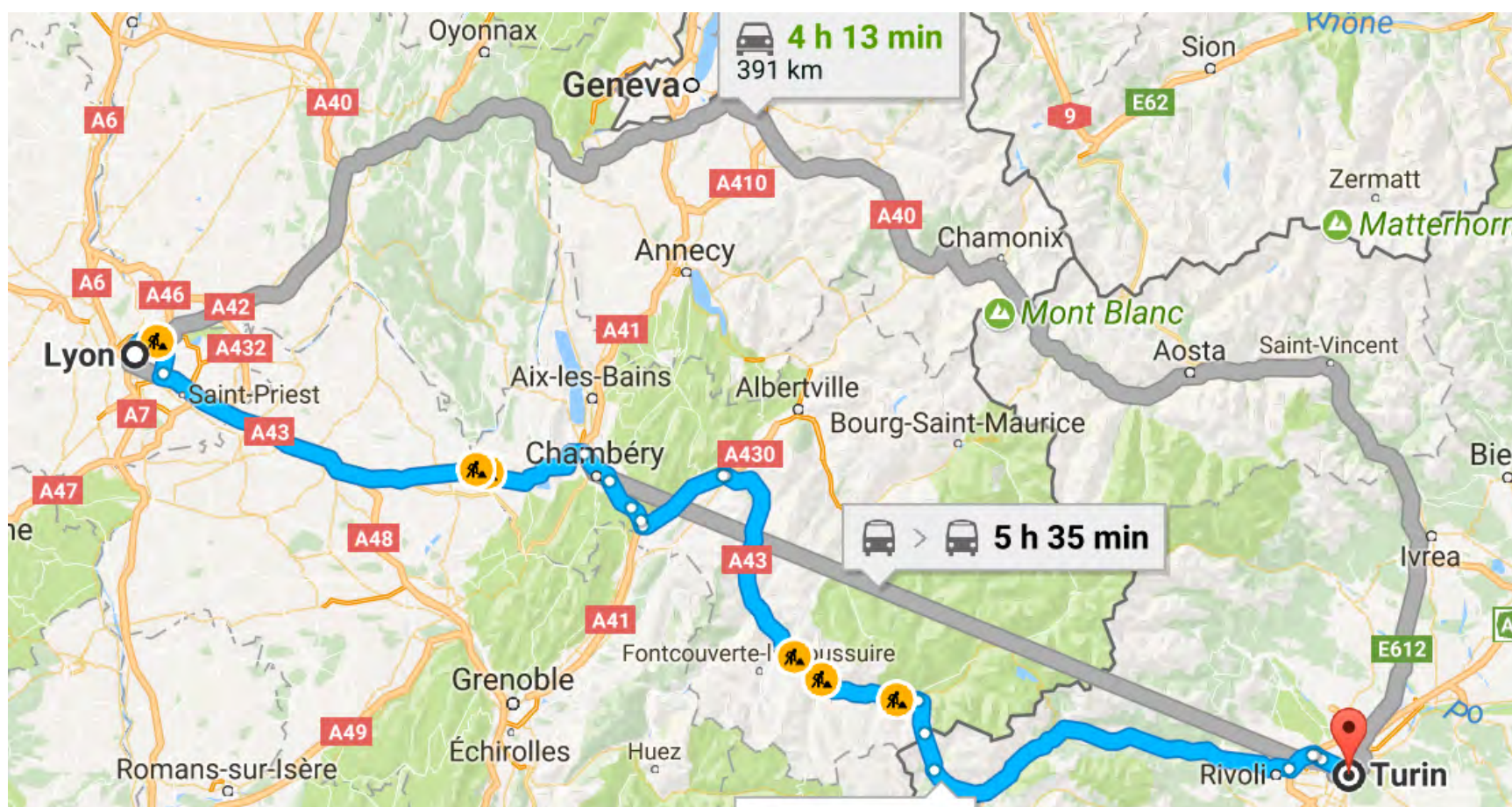
В 1895 году братья Люмьер изобрели здесь кинематограф, что ежегодно отмечают на кинофестивале в «люмьеровские дни».

Мы держали путь на главную городскую достопримечательность, Собор Сен-Жан или Собор Иоанна Крестителя. Строить его начали в XII веке, закончили в XV. «Проект», как сейчас говорят, занял 316 лет, то есть примерно 12 поколений каменотесов ходили сюда на работу.

Работы не прекращаются до сего дня. Фасад поразил нас своей новизной. Желтый древний камень выглядел так, будто с него только вчера сняли леса.

Вечерело, пора было отправляться в обратный путь, в свою «зависимость от сада».

Впереди, по расписанию, ждал итальянский Турин.

Турин

После Лиона эксперименты с ночлегами решено было прекратить. «Школы танго» и «зависимости от сада» для поиска приключений показалось вполне достаточно.

Пожалуйста, что-нибудь попроще. Недорого, но с достоинством. В центре города. Скажем, гостиница в три звезды, с местом для машины.

Признаюсь, имею слабость к звучным итальянским названиям. Судите сами: отель «Артуа и Сольферино» на Виа Бروفферио. Иным устоять трудно, а мне так и вообще невозможно.

Навигатор вел нас кругами. Когда знакомые улицы и здания поплыли за окном машины по третьему разу, стало ясно — пора включать интуицию.

Я, вообще, к себе отношусь критично, но есть вещи, которые все же приходится уважать. Например, сны. Приснилось однажды, что я с Леликом всю ночь сочинял мюзикл «Дорогой мой крокодил». Уверяю вас, днем мне такое в голову прийти не может. Приснилась как-то бабка, которая истово крестилась, повторяя «Вымя, имя, знамя, пламя, бремя, стремя!»

Еще был сон, будто я прихожу в гости к Владимиру Рецепттеру, имя которого было знакомо по театральным афишам Ленинграда 70-х годов.

В момент сна Рецепттера я знал только как актера. Во сне же он вдруг стал читать мне свои стихи удивительной пронзительности, образности, глубины и таланта, и я поражался: до чего же гениальный поэт! Проснулся и понял, — ведь Рецепттер стихов не пишет! И если это не он, то кто все гениальное сочинил? Этот случай я однажды упомянул в эфире, и выяснилось, что Рецепттер, действительно, поэт. Услышав про этот сон по радио, он прислал мне потом книгу своих стихов с автографом.

Другими словами, в глубинах моего подсознания кроются некие резервы. Так и здесь — интуиция не подвела и непостижимым образом мы подкатили прямо к воротам «Артуа и Сольферино».

На стене номера висела карта городского центра, в раме. Приглядевшись, я увидел, что весь район расчерчен на ровные клеточки и состоит из маленьких кварталов одинакового размера. Кое-как разобрал подпись на итальянском — старый Турин повторяет размеры и очертания Augusta Taurinorum, античного военного поселения римских легионов.

Представьте — 25 год до нашей эры. Крещение Руси будет через 1013 лет, распятие Христа — через полвека. А военная машина Римской Империи работает как часы.

По четко разработанному стандартному плану, за считанные дни, армейские Architecti на берегу реки По строят «каструм», прямоугольное поселение размером 700×800 метров, огороженное высокой стеной с воротами по четырем сторонам. Возвышаются сторожевые вышки — «президиумы».

Место выбрано на холме, для стратегического обзора и обороны. Построены казармы, в которых строго по уставу размещаются «контубернии» (по 10 солдат), «центурии» (до 100 человек), «манипулы» (до 200) и так далее. Есть солдатские столовые, питьевая вода подается по акведуку, канализация отводится по особым траншеям с проточной водой (у высшего комсостава — отдельные туалеты). Работают плотники, кузнецы, кожевенники, портные, раненых в госпитале лечат обученные *medici ordinarii*. Музыканты-трубачи подают сигналы на смену вахты.

Срок службы — 25 лет. Со временем солдаты вступали в контакты с женщинами местных племён (кельты, даки, бессы, мёзы, иберы), мужчины которых погибли в войнах с Римом. Смешанное потомство оседало по соседству с каструмом.

Возникали новые гражданские и торговые кварталы. Даже если легион уходил, на его месте оставался город (колония, муниципиум, вилла). Так шел процесс романизации провинций. После выхода в отставку ветераны из иноземцев получали право на римское гражданство и селились недалеко от каструма на розданных им землях.

В этих исторических дебрях, видимо, и запутался наш навигатор.

Отправляясь на прогулку по городу, мы невольно ощутили немое присутствие всех предыдущих поколений Турина, толщу традиций и культур. На нашей площади Piazza Solferino, рядом с гостиницей, стоит памятник Фердинанду Савойскому (герцог Генуэзский, итальянский военачальник).

Он изображен в разгаре битвы с австрияками за независимость, долговязая фигура почти свалилась с умирающего коня, усы топорщатся, шпага разит врага.

На этой шпаге любят отдыхать местные воробьи и сороки.

Любопытно, что провозглашение итальянского королевства произошло двумя неделями позже отмены крепостного права в России, в марте 1861 года, а первой столицей Королевства был Турин. Отсюда и памятник.

Святая Реликвия.

Если из существительного «Турин» сделать прилагательное «туринский» или, лучше — «туринская», то следующее слово появится в голове автоматически. Плащаница.

Туринская Плащаница.

Кусок льняной материи размером четыре с половиной на метр десять, который более пяти веков хранится в Туринском Соборе Св. Иоанна Крестителя.

Для одних это — высочайшая христианская святыня, достойная самого трепетного поклонения, для других — средневековая подделка для рынка святых мощей.

На шпаге Фердинанда Савойского любят отдыхать воробьи и сороки

Споры идут уже более ста лет, пишутся научные статьи, снимаются фильмы, печатаются книги. Только в английском сетевом магазине «Амазон» на запрос «Turin Shroud» у меня выскочило 538 разных наименований.

Но и это не предел — создано специальное приложение для айфонов и айпадов, Shroud 2.0, которое я себе приобрел и загрузил на семейный планшет.

Оно позволяет рассматривать Плащаницу в мельчайших деталях, читать о ее истории, структуре, реставрации и так далее, но главное — на экран можно вывести крупным планом лицо человека, который, по всем признакам, был распят на кресте.

Для верующих — это и есть сам Христос и его лик в твоём мобильном устройстве — не рисованный, не выдуманный кем то, а таинственным образом запечатлевшийся на древней ткани — может стать спутником и утешением в жизни.

В трудную минуту с Самим можно поговорить. Лицом к лицу.

Впервые увидеть этот образ удалось в 1898 году. В Турине намечались празднества, отмечали 400-летнюю годовщину кафедрального собора и 50 лет конституции, дарованной Савойской династией.

Монарх есть Помазанник Божий, поэтому главную святую реликвию решили показать народу.

Барон Манно, глава праздничной комиссии обратился к королю Умберто I, которому тогда принадлежала Плащаница, за разрешением сфотографировать ее для рекламы готовившейся выставки.

Его Величество всемилостивейше согласился, и главным фотографом назначили адвоката и члена городского совета, господина Секондо Пиа (он к тому времени более 9 лет состоял в Туринском Клубе Любителей Фотографии).

Секондо Пиа был продвинутым фотографом, он имел две электрические лампочки по 1000 свечей каждая, электрический ток к ним поступал от специального генератора.

25 мая 1898 года, днем, когда собор был закрыт на дневную сиесту, Секондо Пиа, в сопровождении священника, отца Санно Саларо и главы церковной охраны, лейтенанта Феличе Фино, принялся за работу.

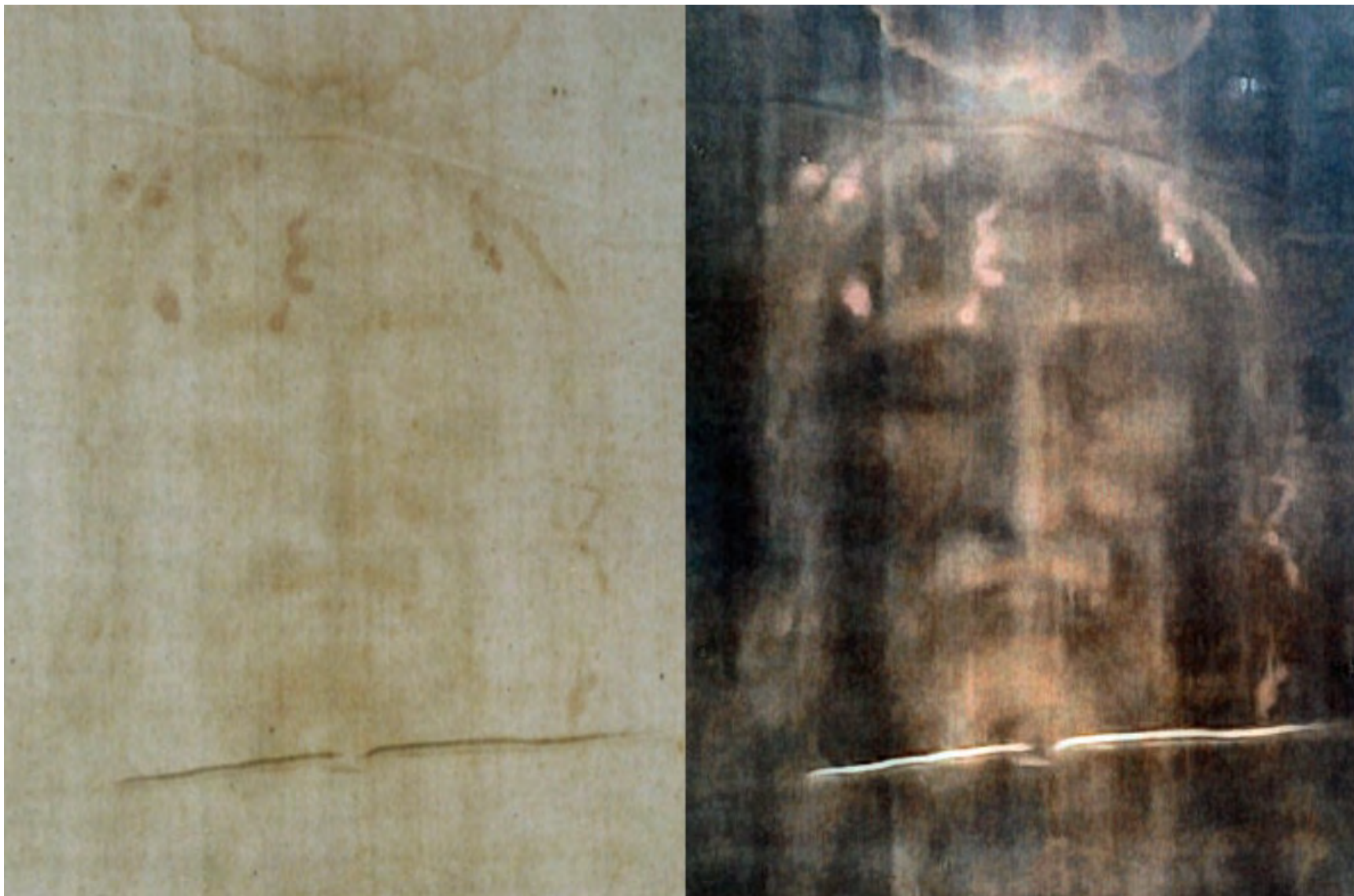
Времени не хватило, сиеста кончилась, надо было открывать двери. Секондо Пиа вернулся домой, проявил фото пластины и был жестоко разочарован.

Через три дня, 28 мая, в половину десятого вечера, предприняли вторую попытку, учли просчеты. Пиа пробовал разные варианты со светом и выдержкой. К полночи все трое пошли в лабораторию.

В затемненной комнате, освещенной тусклым красным фонарем, фотопластину положили в проявитель.

Мальчиком, в середине 1950 годов, я увлекался фотографией и помню тот магический момент, когда на темной пластине или на белой фотобумаге начинает проступать изображение. Оно появляется постепенно и как бы ниоткуда, набирая силу в растворе гидрохинона.

У Секондо Пиа сотоварищи ситуация была куда драматичнее — с затемненной пластины на них устремил свой лик Христос.

Пиа потом рассказывал, что был так потрясен, что чуть не выронил из рук драгоценную пластину.

На Плащанице лицо и фигура распятого были чуть обозначены бледными пятнами охристого цвета, но на черно-белом негативе эти пятна ожили в четкой и доселе невиданной картине.

2 июня выставка закончилась, Плащаницу снова уложили в серебряный саркофаг, подвешенный высоко под церковными сводами. Она покоилась там четыре века, Плащаницу вынимали для показа очень редко, примерно раз в 10 лет.

Изображение, полученное Секондо Пиа, произвело фурор. 13 июня его опубликовала генуэзская газета *Il Cittadino*, на следующий день она появилась в центральной газете *Corriere Nazionale*, а 15 июня Ватиканское издание *Osservatore Romano* поместило пространную статью.

Позитив и негатив

Казалось бы — прорыв, откровение, полученное с помощью современной техники. Однако мнения разделились.

На голову несчастного Секондо Пиа посыпались обвинения в непрофессионализме, жульнической подделке, в то время как правоверные католики, вздымая палец к небу, возвещали о сверхъестественной силе Иисуса, проявленной почти две тысячи лет после своей кончины и Вознесения.

Эти два ветви, два мнения за последнее столетие накопили немало доводов в свою пользу. Назовем эти две ветви условно — апологеты и скептики.

Сначала — слово скептикам.

Во-первых, говорят они, в евангелии от Иоанна описаны множественные куски материи, в которые оборачивали тело Иисуса, а также 100 фунтов погребальных благовоний. На плащанице следов этих благовоний нет.

Туринская плащаница соткана «елочкой», тогда как в I веке плетение нитей было перекрестным.

До 14 века нет никаких свидетельств о плащанице, затем она внезапно возникает в руках человека, который так и не смог объяснить, как у него оказалось эта самая Святая Реликвия христианства.

Первое письменное упоминание о Плащанице содержится в отчете епископа Пьера Д'Арси (Pierre d'Arcis) папе Клименту VII.

Документ датирован 1389 годом, в нем епископ сообщает, что плащаница была рассчитана на одурачивание паломников, что его предшественник разоблачил подделку и что художник изготовивший ее, в этом признался

Далее, Святой Августин в IV веке сожалел, что внешность Христа совершенно неизвестна.

Внешность человека на плащанице неестественно вытянута (как то принято в средневековом готическом искусстве). В изображении нет никаких искажений, которые бы следовало ожидать, если бы тело было обернуто в материю.

Так называемые «пятна крови» выглядят ненатурально, как на картине. Они стекают по лбу, не задерживаясь в волосах, а кровь окрашена в ярко красный цвет (хотя настоящая кровь со временем чернеет).

В 1973 году международная группа медицинских экспертов подвергла эти следы крови тщательным анализам, они исследовали химические свойства, группу крови принадлежность к биологическому виду и так далее.

Вывод — свойств крови не обнаружено вместо этого в пятнах нашли подозрительные красноватые гранулы.

В 1988 году небольшой образец плащаницы подвергли радиоуглеродному анализу. В радиоизотопной датировке участвовали три лаборатории: в Цюрихе, Оксфорде и в университете Аризоны.

Результаты оказались схожими, возраст плащаницы отнесли к периоду 1260 — 1390 года. Это совпадает с признанием художника, изготовителя подделки, в 1355 году.

На основе научных заключений и объективных свидетельств мы приходим к выводу: Туринская плащаница — дело рук средневекового мастера.

Теперь дадим слово апологетам.

До 1969 года научные исследования Плащаницы ограничивались исследованиями ее фотографий. Прямые научные исследования Туринской плащаницы проводились лишь дважды: в 1973 и в 1978 годах. В 1978 году группой из тридцати ученых руководил физик д-р Джексон, возглавляющий сейчас американский Центр Туринской Плащаницы.

Научные исследования 1978 года ставили перед собой три задачи. Первая — выяснить природу изображения, вторая — определить происхождение пятен крови, и третья — объяснить механизм возникновения образа на Туринской Плащанице.

Спектроскопию Плащаницы проводили в диапазоне от инфракрасного спектра до ультрафиолета, делали флюоресценцию в рентгеновском спектре, проводились микронаблюдения и микрофотографирования.

Результаты можно подытожить.

Во-первых, образ на Плащанице не является результатом внесения в ткань каких-либо красителей. Это исключает возможность участия художника.

Во-вторых, физические и химические исследования подтвердили, что пятна на Плащанице — кровяные. Спектроскопия этих пятен кардинально отличается от спектроскопии в области лица. Кровь проникает вглубь ткани, тогда как изменения ткани при возникновении на ней образа происходят лишь в тонком поверхностном слое Плащаницы.

Еще одна замечательная деталь, которую открыли исследователи 1978 года: пятна крови появились на Плащанице до возникновения на ней образа. В тех местах, где оставалась кровь, она как бы экранировала ткань от изменения ее химической структуры.

Кровь была человеческой, а ее группа — четвертая.

В-третьих, исследования микронитей обнаружили на них пыльцу растений, характерных только для Палестины, Турции и Центральной Европы, то есть как раз тех стран, где, как предполагалось, проходил исторический путь Плащаницы.

Четвертое важное открытие связано опять с именем д-ра Джексона. Джексон, в прошлом военный летчик и физик-оптик, применил для исследования Плащаницы программы, разработанные для анализа аэрофотоснимков и восстановления по ним трехмерных форм объектов.

Он обнаружил, что интенсивность цвета на Плащанице находится в функциональной зависимости от расстояния между ней и поверхностью тела. На Плащанице языком интенсивности цвета передано расстояние между телом и Плащаницей. Зная эту зависимость, Джексон смог по Плащанице восстановить трехмерную форму человеческого тела.

Он показал, что контактные механизмы позволяют передать детали поверхности объекта, но они не способны создать образ, который интенсивностью цвета передавал бы расстояние между тканью и объектом.

Проблемой, которая встала перед учеными, стала датировка Плащаницы XIV веком с помощью радиоуглеродного метода.

Возможно, что изменение изотопного состава углерода в Плащанице возникло за счет химического присоединения более «молодого» углерода из атмосферы молекулами целлюлозы, из которой состоит ткань Плащаницы. Это могло произойти в 1532 году, когда Плащаница сильно пострадала от пожара в соборе французского города Шамбэри.

Серебряный ковчег, где она хранилась, расплавился, помещение храма было сильно задымлено — и в этих условиях Плащаница находилась несколько часов.

В 1993-1994 годах были проведены исследования воздействия углерода в атмосфере на молекулы целлюлозы в ткани. Они показали, что целлюлоза в условиях пожара 1532 года действительно химически присоединяет углерод из атмосферы.

Группа итальянских ученых недавно опубликовала статью, в которой описан процесс облучения льняной ткани пульсами ультрафиолетового лазера. Результат по своей структуре очень схож с изображением на Плащанице.

В преданиях Православной Церкви есть свидетельства XI-XII веков о том, что Св. Плащаница хранилась в Константинополе в храме Святой Софии и что она выставлялась для поклонения на Страстной Неделе.

Во время взятия Константинополя города крестоносцами в 1204 году она бесследно исчезла. Некий французский рыцарь записал в своих воспоминаниях, что он сам видел Св. Плащаницу в храме.

Если Плащаница, как и многие другие святыни, была захвачена крестоносцами и увезена в Западную Европу, то где она могла скрываться сто пятьдесят лет?

Некоторые историки считают, что Плащаница все это время хранилась у тамплиеров (христианский военизированный орден, основанный в XII веке). О тамплиерах было известно, что они поклоняются некой таинственной голове с рыжей бородой.

Изображение на Туринской Плащанице имеет цвет ожога, как от утюга на белой скатерти — желтовато-бурый. Во время гонения на орден тамплиеров эта «голова» бесследно исчезла.

В 1951 году, в Англии при реставрации одного здания, раньше принадлежавшим тамплиерам, под штукатуркой на потолке нашли доску с изображением лица, очень похожего на образ с Туринской Плащаницы.

Эта доска по своим размерам могла служить крышкой деревянного ковчега, в котором тамплиеры хранили Плащаницу.

В Византии хорошо известна и очень почитаема святыня — «Нерукотворный Спас» или, по-гречески, Mandylion (от арабского «плат») из Едессы.

Для освобождения Mandylion из ставшего к тому времени мусульманского города Едессы был предпринят военный поход, который успешно завершился в 944 году, и весь Константинополь праздновал внесение Нерукотворного Образа в город.

Изучив исторические сведения о Mandylion, исследователи пришли к выводу, что Туринская Плащаница и Mandylion, это один и тот же предмет, но в разные моменты своей истории.

Впечатления императора Константина о Mandylion из Едессы сохранил для истории царский писарь. В 944 году Константин, еще мальчиком, в узком кругу, при свечах, разглядывал развернутый Mandylion.

Архидиакон храма Святой Софии Георгий в своих воспоминаниях свидетельствует, что на Mandylion имелись следы от крови и от раны в боку Спасителя.

В манускрипте XII века есть изображение, поклонение императора перед развернутым Святым Mandylion. Замечательно то, что размеры этого Mandylion соотносимы с размерами Туринской Плащаницы: его держат два человека, чтобы он не касался земли.

Mandylion из Едессы называли и другим греческим именем — tetradiplon. Значение этого слова — «сложенный четыре раза» — было неясным.

Если же мы обратимся к Туринской плащанице, то смысл этого названия станет понятен. По следам от пожара, в котором Плащаница сильно пострадала, можно определить, что четырехметровая Плащаница была сложена четыре раза так, чтобы лик оказался

посередине и на поверхности сложенной Плащаницы, высота которой составляла в таком виде пятьдесят сантиметров.

Именно в сложенном состоянии, к тому же под окладом, Плащаница хранилась в Едессе. Поэтому «Нерукотворный Образ» из Едессы был известен именно как образ одного лишь лика Спасителя, и именно как нерукотворный образ лика он попадает в Константинополь.

Позже поняли, что Mandylion есть погребальное покрывало. Тогда, в XI веке, его стали выставлять для поклонения на Страстную Неделю.

Именно тогда в Православной Церкви сложился чин поклонения Св. Плащанице на Страстную Неделю, чин, который совершенно отсутствует в католической церкви, потому что к этому времени связи с западным христианством были прерваны.

До VI века Иисуса Христа изображали круглолицым, без бороды и с короткими волосами, наподобие императоров или греческих богов.

Есть более двадцати признаков, по которым можно отождествить образ на иконах «Нерукотворного Спаса», списанных с Mandylion, и образ на Туринской Плащанице.

Имеются признаки, по которым можно судить, что копии делались именно с Туринской Плащаницы.

«Нерукотворный Образ» появился в Едессе при царе Абгаре VIII, симпатизировавшем христианству. Он правил Едессой в III веке, и сделал ее первым христианским городом. Возможно, при нем Плащаница из Палестины попадает в Едессу.

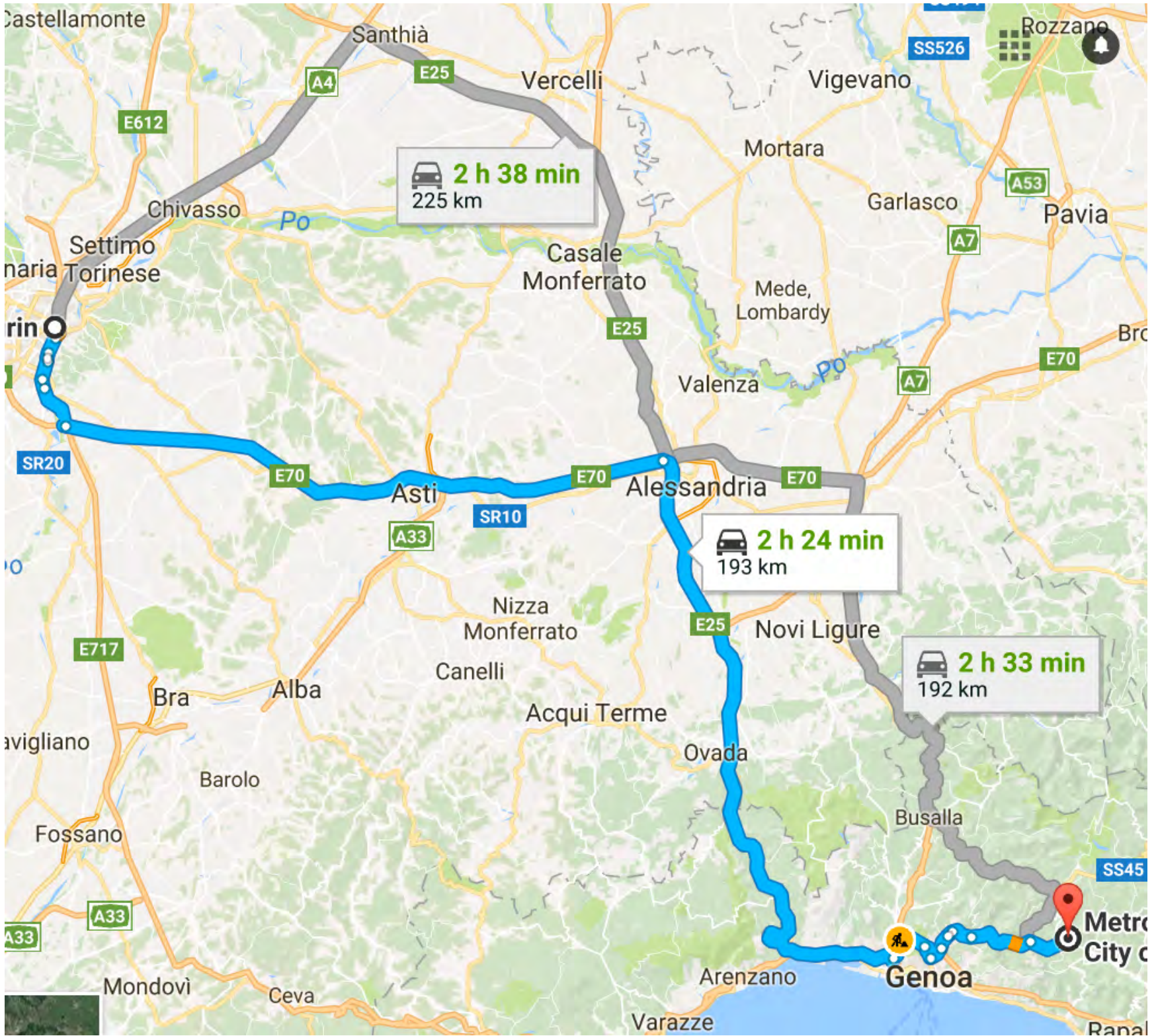
Сын Абгара VIII обратился к язычеству, и Плащаницу на 250 лет замуровали в нише над городскими воротами.

О том, что Плащаница существовала раньше, что она не погибла при Понтии Пилате, мы узнаем из апокрифов второго века — «Евангелие от Евреев» и «Тайны деяний Спасителя», а также из повествования четвертого века о святой равноапостольной Нине, просветительнице Грузии.

Ну, а что сам Турин? В центре, где бродят туристы, много шикарных магазинов, лавок и ларьков.

И все продают одно и то же.

Впереди у нас была Генуя.

Перегон легкий, всего 192 километра.

Генуя

Из Турина на Геную навигатор вел нас по 717 автостраде. Светило солнце, шуршали шины. Я включил круиз-контроль и снял ногу с педали.

Раньше такой игрульки у меня не было. Маленькая роскошь. Машина сама держит заданную скорость, сама прибавляет газ, когда едет в гору, и, наоборот, удерживает, когда дорога идет вниз. Можно легким движением рычажка добавлять или убавлять ход, подстраиваясь под общий поток.

У городишка Каркары (Лигурия, провинция Савона) начались туннели. Короткие и длинные, до нескольких километров. Всего я насчитал 47 таких туннелей. Точнее, считал я их потом, глядя на карту с карандашом в руке, а тогда было не до счета.

В туннеле попадаешь вдруг из дня в ночь. Надо включать фары, в узком пространстве итальянские автолюбители несутся мимо тебя, как угорелые. В голове мысль — а вдруг машина сломается? Мерседес-то — старый.

В Лондоне, вообще в любой точке страны, я был спокоен. По звонку в Автомобильную Ассоциацию, в которой я состоял более 30 лет, в течение часа приезжала мобильная мастерская. Техник, веселый и дружелюбный человек (принцип фирмы) решал проблемы или буксировал куда надо. А здесь? Кому звонить посреди десятикилометрового туннеля (где, к тому же, нечем дышать), на каком языке разговаривать? Во что это обойдется? От ужаса холодела спина.

Что поделаешь? Застарелый комплекс шоферской неполноценности.

А ведь начинал я когда-то правильно. Году в 1970-м еще в Питере, где-то у Парка Победы, записался на водительские курсы. Учиться надо было полгода, давали права шофера 3 класса. Всю первую неделю мы изучали нерегулируемые перекрестки.

Правила надо было знать наизусть, чтобы от зубов отскакивало, а потом на большом планшете разводить игрушечные модели трамвая, троллейбуса, грузовика и конной повозки с объяснением — кто перед кем имеет преимущества. Это дивное знание мне — увы! — за границей так и не пригодилось.

Перед отъездом вопрос о правах возник снова. Идти прямым и честным путем времени уже не было, я пошел путем кривым и коррупционным. Учитель вождения по схеме «150 рублей с гарантией» принимал на дому и сажал за руль семейного «жигуленка».

Эти 150 рублей гарантировали минимальную подготовку, в нашем случае по 6 часов вождения, и благосклонность майора ГАИ, к которому перетекала неизвестная нам часть означенной суммы.

В результате, я покинул Отечество с правами вождения автомобилей класса «В» до 3500 килограммов и числом пассажиров не более 8. Этих масштабов мне тоже достичь не удалось.

Первую машину будешь помнить всю жизнь. У меня это — «Фольксваген», «жучок» синего цвета, купленный в 1975 году в Риме на площади Испании у голландского студента. Хозяин поехал по Европе и продавал авто за 180 долларов.

Со стажем в 6 часов поехал я тогда по римскому беспределу без страховки и натерпелся изрядно. Как шутили в советские времена, не Госстрах, а Госужас.

Все эти воспоминания и картинки роились в голове пока я нырял из солнца в темень туннелей и обратно. Наконец, въехали в Геную.

Понятно, что все эти 47 автострадных туннелей — приобретение новейшей истории и что многие века сюда можно было попасть только морем. Так древняя греческая колония за полторы тысячи лет превратилась в богатейшую Генуэзскую республику.

Мы уже наметили себе список — маяк Лантерна, площадь Феррари, собор Святого Лаврентия и так далее, но для начала надо было разместиться в 4-звездочном отеле (Comfort Hotel Europa). Я решил — патронов не жалеть! — и на два дня выделил бюджет, равный средней месячной зарплате албанского трудящегося (данные Евростата).

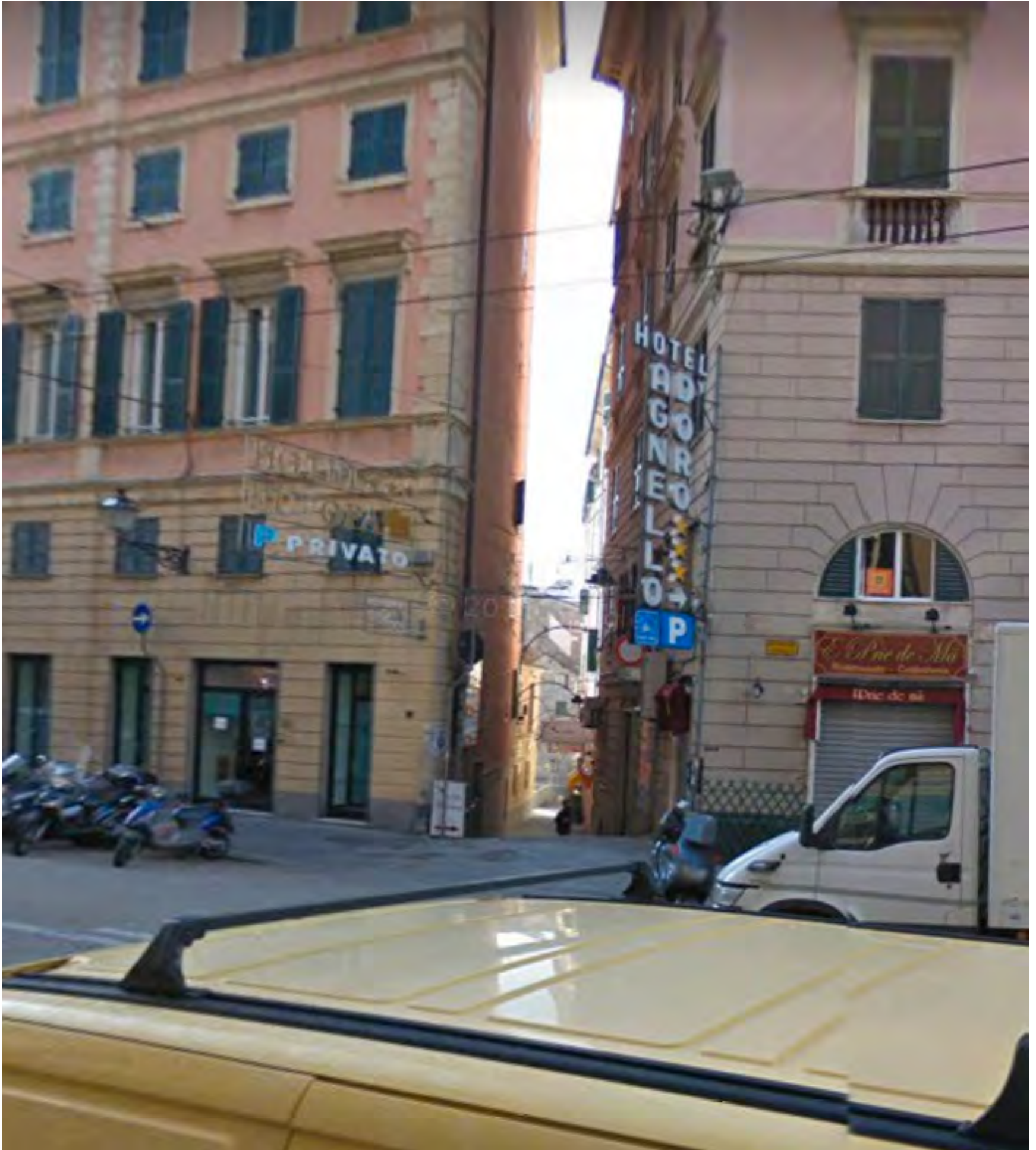
Сюрпризы начались сразу. Улицу мы нашли, но она была тупиковой, шла круто вниз и по ширине, как мне показалось, была уже нашего «Мерседеса». Обходительные синьоры в приемной с легкостью развеяли мои сомнения. «Avanti, мы поможем вам въехать во двор!». Въездная арка была украшена следами краски многих машин. Не всем гостям удалось вписаться в поворот.

Мы тоже преуспели, но только после 8 маневров, под дирижерские указания хозяев. «Выезжать обратно — заверили они, — будет гораздо легче!»

Гостиничный номер был оформлен в стиле позднего средневековья. Тяжелые жалюзи на окнах, стены, разрисованные под обои по штукатурке. Связь с современностью давал запах. Безошибочный запах ополаскивателя для белья. Он стоял густой всепроникающей завесой, прятаться от него было негде.

Побросав вещички, пошли на улицу. Вдоль моря шла широкая Via Antonio Gramsci, напоминающая московское Садовое кольцо. Поток машин, перейти можно только по светофору, когда его дождешься. За дорогой начинался порт. Я, по наивности своей, предположил, что в центре города, для зарубежных гостей, у морских причалов оформят что-нибудь привлекательное.

Мы пошли вдоль пакгаузов, мимо каких-то ржавых бетонных конструкций.

Съезд с Via Balbi на улицу Vico Delle Monachette. Двор гостиницы сквозь арку направо

Идеальное место для съемок фильма «Сталкер», — сказал я Лелику. Лелик мужественно, но в то же время женственно, молчал. Она была права, в такие минуты надо мыслить позитивно и вызывать в себе радостные картины.

Так и случилось. Мы набрели на охранника в шикарной фуражке с пистолетом на боку. Он махнул рукой на восток и сказал магическое слово АКВАРИО. Действительно, меньше чем через версту, путем сложных маневров мы вышли на место, где стояли яхты, росли пальмы и манили рестораны. Это и было «Акварио».

У путешественника есть испытанный способ — как успокоить нервы. Мы сели на террасе ресторанчика I Tre Merli (Три Дрозда) и заказали.

Надо было решать, что делать дальше. Генуя нам, конечно, дорога, но здоровье дороже. Ночь химической атаки в гостиничном номере может нам дорого обойтись.

С набережной побрели под автострадой и оказались на площади Карикаменто у Палаццо Сан-Джорджо.

Это такой дворец, у которого архитектурные украшения не в трех измерениях, а в двух. Не высечены из мрамора, а нарисованы, написаны фресками на стенах. Даже это удивительно — ведь построен дворец в 1260 году, а это, по меркам российской истории, времена Александра Невского и монгольской Золотой Орды.

Впрочем, с монголами дворец тоже косвенно связан. Вскоре после строительства власть в республике поменялась, и дворец превратили в тюрьму. Здесь в 1298 году сидел венецианец, военнопленный по имени Марко Поло. От нечего делать, а может, по велению души, он диктовал свои необыкновенные приключения сокамернику (Рустичано), который был опытным сочинителем рыцарских романов.

Марко Поло с отцом и дядей дошел караваном до Китая, был на службе у монгольского властелина Хубилая (Кублай-хана, внука Чингиз-хана) и провел в этой коммерческой командировке 17 лет.

Надиктованные им воспоминания *Livres des merveilles du monde* (Книга чудес света) стали средневековым бестселлером. Правда, книг тогда печатать еще не умели, переписывали от руки, гусиным пером. Удержаться было трудно — уж очень занятно автор рассказывал о бумажных деньгах, производстве фарфора и кулинарных изысках.

На сегодня известно около 150 вариантов книги на разных языках. Понятно, что переписчики и толмачи многое переврали, так что позднейшие исследователи сомневались в правдивости изложенного. Например, Марко Поло писал, что в монгольской империи, протянувшейся от Польши до Кореи, царил мир и порядок (*Rax Mongolica*). Как такое могло быть в государстве варваров?

Некоторые утверждали, что Марко Поло вообще в Китае не был. Китайцы считают иначе.

Палаццо Сан-Джоржо

Знаменитый мост под Пекином, восторженно описанный в «Книге Чудес Света», назван теперь в его честь. Да и в Улан-Баторе монголы ему памятник поставили.

Все это я выяснил потом, а пока мы постояли у дворца, полюбовались на большую фреску Св. Георгия (Сан-Джорджо), поражающего копьем дракона, и неторопливой походкой туриста взяли курс на гостиницу. Шли вдоль арочных торговых рядов, вроде питерского Гостиного Двора, от которых вглубь кварталов уходили улицы необычайного свойства.

Машин на этих улицах нет по определению. Ни один автомобиль в них втиснуться не может. Вытянув руки, можно было достать от одной стороны до другой. Дома зажаты между морем и горами. Люди тогда, как говорится, строились компактно.

В этих кварталах всегда полутемно, народ тут подбирается особый. Звучит арабская речь, народы северной Африки торгуют сумками «Луи Виттон» из кожзаменителя, разложенными прямо на тротуаре.

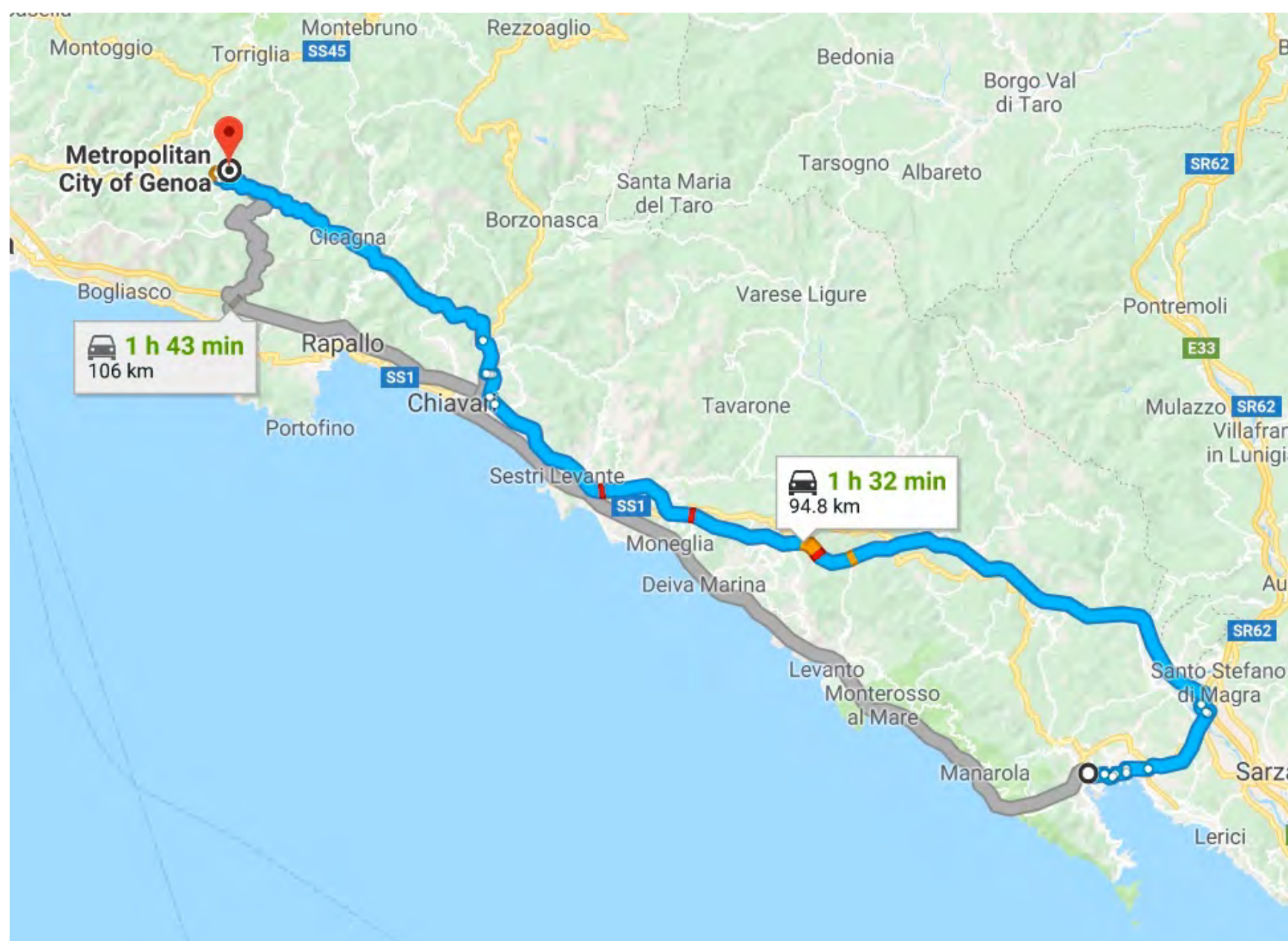
С насупленными лицами вернулись в номер. Окна перед уходом оставили открытыми настежь, так что газовая атака немного уменьшилась.

Гастрольная жизнь научила меня принимать. Зайдя в незнакомое кафе или ресторан первым делом надо носом почувствовать, что происходит на кухне. Бывает, такой канцероген в воздухе стоит, что молча разворачиваешься и уходишь. Но тут деваться было некуда.

Стемнело, утихло. Из окна потекла ночная прохлада. Кое-как уснули. Вдруг: Бум! Трах-тарарах! Жизнерадостные крики итальянцев. Оказывается, солнце уже встало, и бригада рабочих на улице под нашим окном скидывала с грузовичка какие то бочки и тюки.

Прощай, Генуя. Мы собрали вещи, спустились вниз. Стараясь не выдавать своих чувств, я объяснил — у нас изменились обстоятельства. На вторую ночь остаться не можем, потому уезжаем. Администраторы понимающе улыбались. «У вас за номер уже уплачено вперед. К сожалению, вернуть деньги пока не можем, в конце месяца мы подберем баланс, и если...»

Когда теряешь деньги, старайся хотя бы сохранить достоинство. Я не забывал неведомого мне албанского трудящегося, чей среднестатистический месячный заработок мы оставляли в этом генуэзском отеле.

Перегон Генуя-Специя

Специя

Еще с вечера, благо в номере был интернет, я на домашнем айпадике отыскал всего в ста километрах от нас чудесный городок La Spezia, а в нем — крохотную семейную гостиницу Villa Marcella, о которой тепло отзывались посетители. Через приложение в телефоне забронировал. На запрос, есть ли стоянка для машины, пришел лучезарный ответ — конечно, есть!

Кроме адреса, на сайте были даны GPS координаты — градусы и минуты с точностью до тысячной доли. Наш навигатор немного поупрямился, но потом согласился запомнить.

Несмотря на все эти космические изыски, виллу нашли только с третьей попытки. Аккуратный домик за железными воротами, место для стоянки велосипеда, может быть, двух. Куда девать нашего пятиметрового коня?

Вот всё говорят — беженцы, Европа буквально задыхается от них. А я вам скажу, от чего Европа задыхается. От машин. Автомобилей. Моторов. Мы уж не в столице, а в провинциальном городке, не в центре, а в жилом районе, на тихой улице. Мест нет, все занято.

Наконец, я орлиным взором углядел свободное пространство и сходу поставил машину туда. На асфальте, правда, было побледневшее от времени изображение инвалидной коляски, но я на него внимания не обратил.

В Лондоне у метро на парковке чуть не четверть мест этими символами отмечена. Все понимают, что сделано это из политкорректности, что столько инвалидов враз никогда не приедут и спокойно ставят, особенно если это — последний внедорожник от «Лендровера», который в обычную ячейку просто не поместится.

Короче, разница культур. Мы отыскивали радушных молодых хозяев, разместились в чудесной комнате, отделанной с любовью и вкусом, и пошли в город пешком. Машину я решил не трогать, ну его, потом ставить будет некуда.

Специя — город военных. Здесь находится военно-морская база, штабное командование, училища. По улицам военные не гуляют, сидят за своими секретными заборами, но присутствие их в городе чувствуется весьма. Люди на твердом жаловании, на жизнь промышляют не мелкой торговлей, а службой. От этого повсюду разлито спокойствие и уверенность в завтрашнем дне.

Впрочем, этот рецепт счастья мы и без итальянцев хорошо знаем.

Море, море...

В Специи, гуляя по набережной вдоль Виале Маззини, я заметил чуть поодаль пассажирский паром и рекламную табличку, приглашавшую совершить короткий круиз вдоль лигурийского побережья по маршруту Cinque Terre — «Пять Земель»

Апельсиновое дерево на улице Специи

Несмотря на конец сентября, было тепло, на солнце даже жарко. «Эх, — подумал я, — вот бы выйти в море!».

С морем у меня связано немало. Больше пяти лет — в Высшей Мореходке, потом — штурман дальнего плавания, был помощником капитана, но сердцем к морю прикипел куда раньше.

Меня не манили дальние океаны и незнакомые земли. По окончании 9 класса, в 16 лет, пошел на лето плавать учеником матроса, чтобы заработать на фотоаппарат. Я собирался стать кинооператором, мне нужен был творческий «портфель». В продаже только появилась первая советская «зеркалка», «Зенит», она стоила половину отцовской зарплаты.

Попал я новый теплоход водоизмещением в 750 тонн, он ходил только в прибрежных водах, в каботаже, не выходя за границу. Теплоход недавно перегнали с Дальнего Востока, с гордо развевающимся красным флагом на корме он вошел в Таллиннский порт, на борту красовалось название — «Вить». (Тогда я думал, что это какая-то сибирская река, на самом деле — приток Припяти).

Оказалось, однако, что слово «вить» по-эстонски — матерное, означает, как сказал бы Иосиф Бродский, «нескромные ложбины». Пришлось срочно сбивать, закрашивать и выводить новое, национальное название — «Найссар».

Наш боцман, вечно полупьяный эстонец, когда выполнял противную работу, то с сильным акцентом громко говорил себе по-русски — «Вить под красным флагом!» То ли на жизнь жаловался, то ли выражал свои политические взгляды.

Трудное было лето, спать не давали звонки громкого боя. Ночью и днем — то на швартовку, то трюма открывать или закрывать (а это была операция в 6 стадий), потом — на вахту, рулевым на 4 часа без подмены, два раза в сутки. Дошло до того, что однажды ночью я прямо за рулем заснул. Стоя. Просыпаюсь — а мы от курса отклонились почти на 30 градусов!

Короче, натерпелся, но «Зенит» я себе все-таки купил. Аппарат потом куда-то подевался, а вот опыт и память остались на всю жизнь.

А тут — Италия, теплынь, пожалуйста — прогулка вдоль лигурийского побережья. И паром последний, трехчасовой. Другого случая не будет, это — судьба.

Лелик устроилась в застекленном салоне, а я по старой штурманской привычке пошел стоять на ветру. Обстановку надо чувствовать, ощущать ее, так сказать, всеми органами.

Первое, что ощутил — вид военно-морской базы, мимо которой мы проходили. У причала стоял эскадренный миноносец. Новый, современный, но — всего один. Наверное, все остальные в боевом походе, а этого оставили дежурить в гавани. Должен сказать, что боевая мощь НАТО на меня впечатления как-то не произвела.

Специя расположена в глубоком заливе, на выходе, у приморского городка Леричи он известен как «залив поэтов». С одной стороны, в Леричи, тогда месте диком и малолюдном, в бывшем монастырском строении XVI века, на вилле Маньи, с семьей и компанией друзей летом 1822 года остановился поэт Перси Шелли.

На другой стороне залива, в Портовенере жил Лорд Байрон, поэт-романтик, отчаянный гуляка и бретёр. Он был близким другом Перси и Мери Шелли (автора романа «Франкенштейн»), с ее сестрой у Байрона была связь. Желая навестить любезных ему людей, он вышел из своего грота, где проводил часы в сочинении, спустился к морю и... поплыл в гости.

Вилла Маньи в Леричи, Специя (рисунок Даниеля Робертса)

Подобные подвиги Байрон совершал и ранее, так, в 1806 году он переплыл пролив Дарданеллы, но эти семь с половиной километров по бурным волнам Лигурийского моря вдохновили мемориальную табличку у его грота. На ней начертано 'Immortal Poet, who as a Daring Swimmer Defied the Waters of the Sea' («Бессмертный поэт, бесстрашным пловцом презревший воды морские»)

У лорда Байрона была парусная лодка, яхта, была она и у Перси Шелли. Он возвращался из Ливорно, где ставили его пьесу, шел на всех парусах, попал в шторм, и погиб 8 июля 1822 года. Перси Шелли было 29 лет.

Кстати, вилла Маньи, или «вилла Шелли», как ее теперь называют в Леричи, стоит и поныне. Сдается. Я навел справки — пять спален, три ванных комнаты, вид на море, стоит 3 тысячи долларов в неделю.

Портовенере был нашей первой остановкой, первой «землей». Обойдя мыс, пошли на северо-запад (курсом примерно 315 градусов). Побережье скалистое, крутое. Дома цепляются за каждый уступ, на каждой террасе что-нибудь растет.

Риомаджоре, Манарола и Корнилия мало чем отличаются друг от друга, лучше посмотреть фотографии (я старался ничего не пропустить).

Когда дошли до последней остановки, Монтеросо аль Маре, солнце село. Паромщики объявили, что назад судно не пойдет, и что возвратиться в Ла Специю можно на поезде.

Вдруг похолодало, а мы — в рубашечках. Не дай Бог простудиться в пути. Магазинов много, все открыты. Я отыскал для себя бейсбольную куртку с капюшоном и надписью Italia, а Лелику мы купили прекрасную итальянскую шерстяную кофту шоколадного цвета.

В таком виде сели в поезд и, в конце концов, вернулись в Специю. От вокзала до дома путь был уже нами пройден днем, так что нашли без труда. Перед сном решили забрать кое-какие вещи из машины (там был сложен последний, тринадцатый, кубометр нашего багажа).

Вот вилла Марчелла, вот угол, за которым парковка для инвалида, где я поставил машину.

Вот и сама парковка со знакомым символом.

Парковка была пуста.

Наш «Мерседес» — исчез.

Мыс Портовенере (вид с моря)

Риомаджоре

Очередь на паром

Пропавший «Мерседес»

Я видел выступления заокеанского иллюзиониста, который на глазах изумленной публики заставлял исчезнуть пассажирский самолет, огромный вагон-ресторан «Восточного Экспресса» или даже американскую Статую Свободы. Поразительно.

Эффект от исчезновения нашего «Мерседеса» оказался куда сильнее. Две с половиной тонны первосортного немецкого железа как будто испарились, растворились в воздухе. Я покрутил головой, закрыл и открыл глаза. Нет, это не иллюзия.

Сердце тревожно забилось. Как ехать дальше? Что будет с 13-м кубометром?

Под дверями нашего номера лежала записка на ломаном английском. «Мы пытались до вас дозвониться. Связи нет. Вам нужно срочно передвинуть машину, не то будет штраф, и они ее увезут в автобригаду»

Мы поднялись на третий, последний этаж виллы «Марчелла», где по моим расчетам жили владельцы. Довольно долго стучали в дверь. Открыла молодая итальянка, за ней вышел моложавый муж и двое мальчиков, примерно 8 и 10 лет.

Итальянские кинорежиссеры ничего не выдумывали, снимали с натуры. Эту красивую семью можно было хоть сейчас на большой экран. Экспансивная мама горячо сочувствовала нашему несчастью, словами и жестами. Договорились встретиться наутро.

В 8.30 нам подтвердили, что машина в «автобригаде», дали адрес полиции. Поехали туда на такси. По коридорам ходили красивые мужчины с пистолетами на боку. Нашли офицера, говорившего по-английски. Он пояснил, что надо уплатить штраф в 59 евро и 50 центов. Указал на кассу. На листке написал адрес эвакуатора, укатившего машину — Виа Провинциале, 171-бис . (Как выяснилось, укатили в 19.25, буквально за минуту до нашего появления).

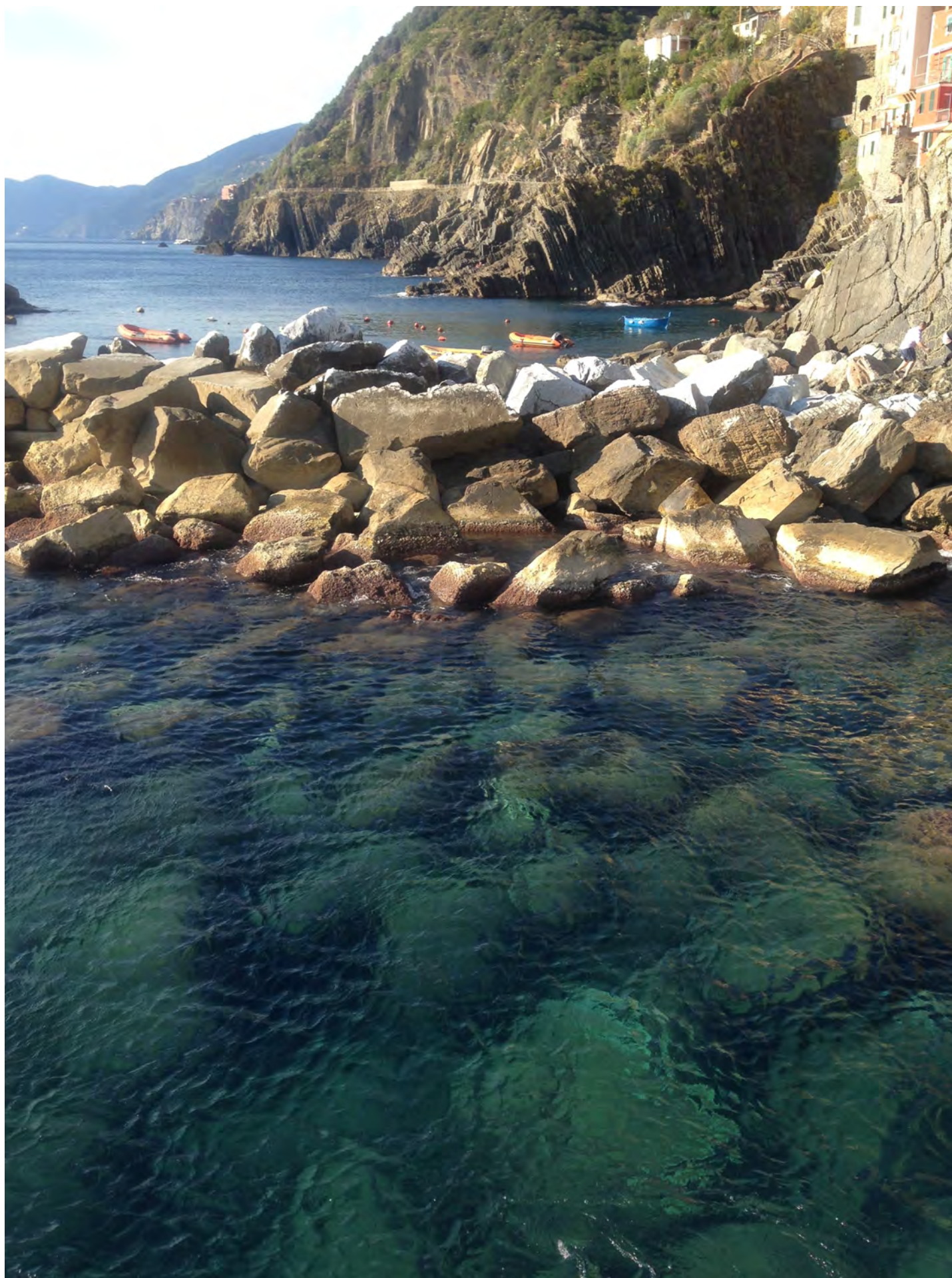
Гараж эвакуатора был за городом. На такси мы уже накатались с утра, потому я решил ехать автобусом, вместе с трудовым народом. Пошли на вокзал, с третьей попытки нашли стоянку. Показали водителю адрес, он сделал неопределенный жест рукой, в стиле Альберто Сорди или Муссолини.

Ехали минут 20, вышли не там (водитель забыл предупредить), побрели вдоль дороги, спрашивая у всех попадавшихся нам живых душ. Ответ был один — non lontano, chilometro o due (недалеко, километр, или два). Наконец, отыскали фирму «Аньелли Джиованни». Это был ангар гаражного типа. Несколько поломанных машин. Вокруг никого.

Послонились полчаса. Появились три синьора в спецовках, мы бросились к ним. Они куда-то позвонили, сказали, что босс скоро приедет. Вскоре появился старенький ржавый грузовик с краном. Хозяин показал нам жестом, приглашая в кабину. Поехали.

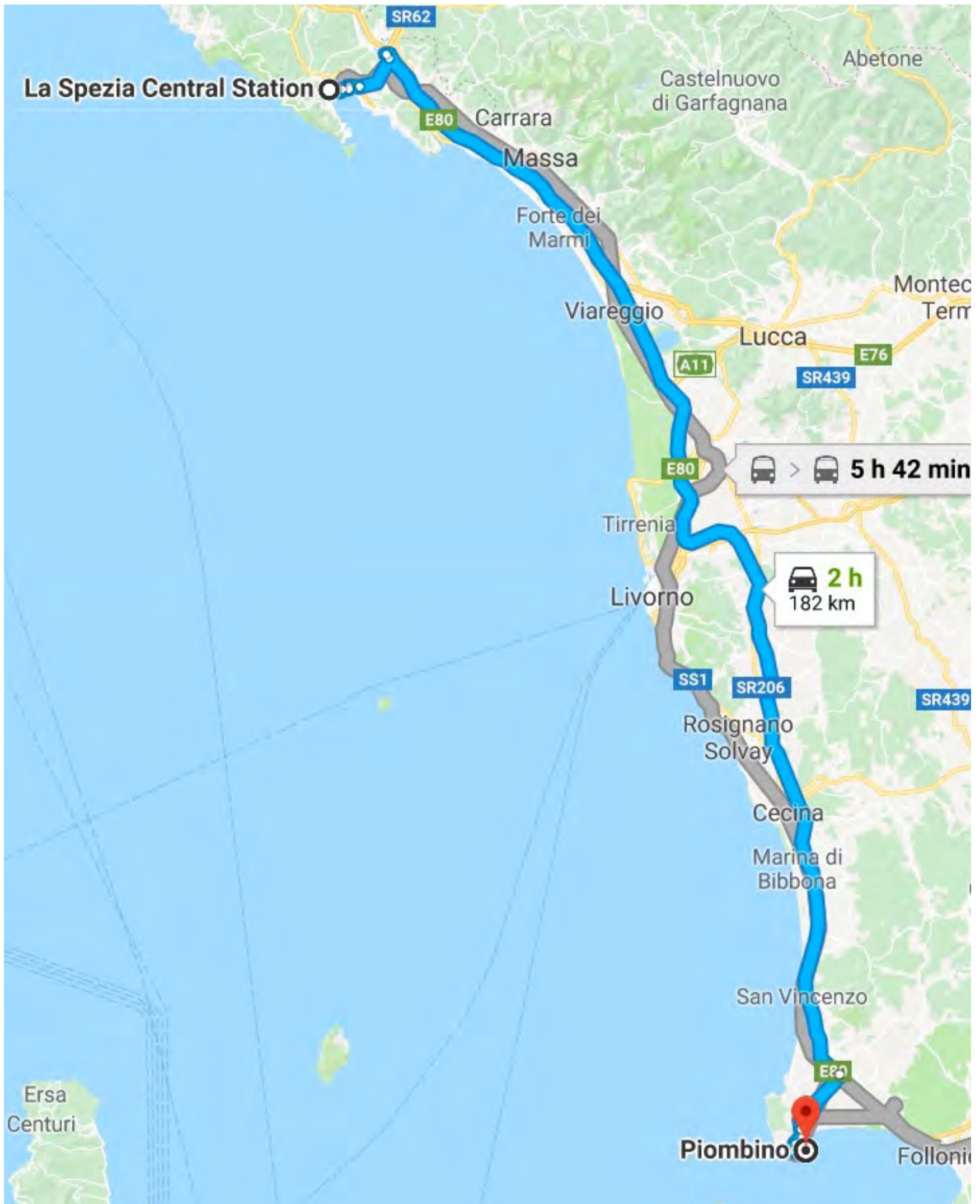
В городе у него был еще один гараж для машин нарушителей порядка и закона (мы шли по статье 410 — «незаконная стоянка на месте, предназначенном для инвалидов»).

С легким скрипом отодвинулись ворота, и нашему взору предсталла чудная картина — заблудший сын, наш «Мерседес», сиротливо стоявший в автомобильной неволе. Еще 50 евро были уплачены за труды эвакуатора, он вручил нам квитанцию и устало показал рукой — «ехай!»

В Манароле паром подходил прямо к берегу

Пьомбино

Перегон Специя-Пьомбино

Наш путь лежал в город Пьомбино на лигурийском побережье. В 10 километрах от берега там находится остров Эльба, знаменитый тем, что в апреле 1814 года, после отречения от императорского престола, Наполеон, согласно договору в Фонтенбло, получил его в свое владение и провел на нем 300 дней.

Места вокруг Пьомбино — древние, заселенные еще этрусками в VIII веке до нашей эры. Однако, меня, как организатора и планировщика поездки, интересовало не это. Мне нужно было срочно успокоить личный состав. Себя и Лелика.

На окраине Пьомбино, в районе Саливоли есть стоянка для яхт, марина. Точнее, Marina di Salivoli. На берегу — разные службы, рестораны и домики с квартирами. Апартаменты для отдыха после хождения по морю. Один из таких апартаментов я и забронировал, рассудив, что в начале октября, уже после яхтенного сезона, там будет тихо и безлюдно.

В апартаментах нас радушно встретил пожилой итальянец, прекрасно говоривший по-английски (парусный спорт вообще располагает к иностранным языкам). Не успел он вручить нам ключи, как разверзлись хляби небесные, подул 6-балльный ветер и вскоре пошел проливной дождь.

Мы к тому времени были в городе в поисках съестного. Видя грозовые облака, я благоразумно надел свой японский пластиковый плащ. Вещь отменная, воду не пропускает совсем. Дождь как по крыше скатывается вниз, к середине голени, где кончается плащ и льется на брюки. Через полчаса я безуспешно прочесывал улицы Пьомбино, одетый в мокрые липкие тряпки.

«Сиеста», называемая в Италии также «рипозо». Послеобеденный отдых. Священный общественный институт, установленный еще в раннем средневековье. Примерно с 2 до 5 все закрыто. В летние месяцы — понятно и объяснимо — жарница стоит такая, что много не наработаешь. Но в начале октября?

Помню пионером эту советскую «сиесту» под названием «мертвый час». После обеда все младшие отряды укладывали в постель. Строгие воспитатели ходили между кроватей, следя, чтобы никто не открыл глаз. Помню также, что за несколько лет этих «мертвых часов» я не заснул ни разу.

В Италии, Испании и попавших под испанское влияние Филиппин и в странах Южной Америки, днем сладко спят в сиесту (или, в переводе с латинского в «шестой час» — надо полагать, после утреннего пробуждения). Это снимает напряжение, уменьшает нагрузку на сердце, отсюда, статистически, инфарктов меньше почти на 40%.

Мы попали в это полуденное окно. Холодина, ветер, дождь и — все закрыто. Живот болит, надо срочно что-то съесть. Нашли дрянное кафе в уличном павильончике, удовольствовались переваренными спагетти, плававшими в каком-то подозрительном масле.

Назавтра небо очистилось, но море продолжало бушевать. Можно было достать телефон, поснимать драматические виды. Потом все утихло, на гладкой воде, легко покачиваясь, стояли яхты и катера, оставленные хозяевами до весны.

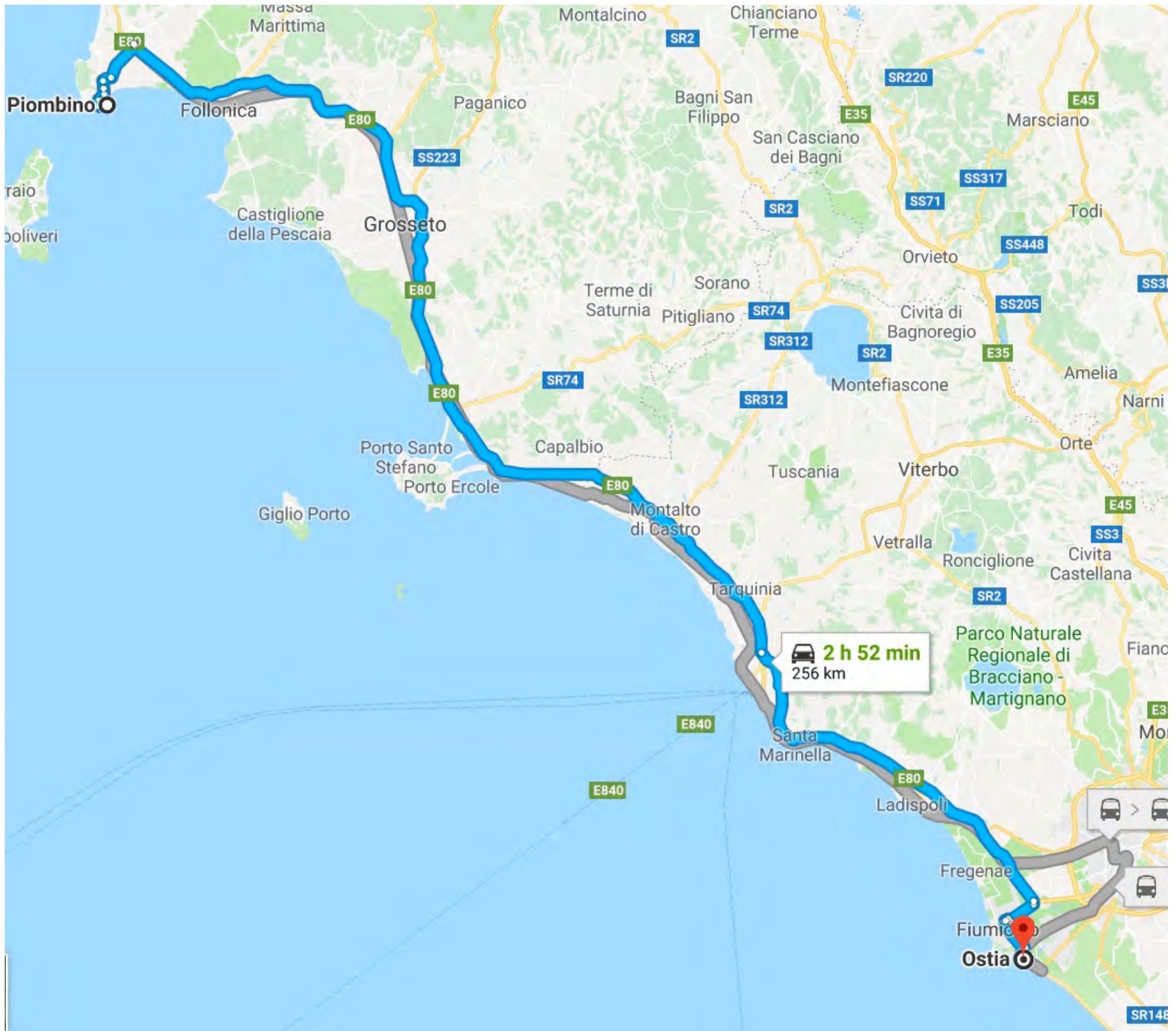
Впереди был Рим, точнее городок Остия на морском побережье

Шторм в Пьомбино

Пьомбино, Марина Ди Саливоли, на следующий день

Перегон Пьомбино - Остия (Рим)

Рим

Проехать мимо было невозможно. 40 лет прошло, а я помню это ощущение полета и восторга. Мы покинули Советский Союз унылым осенним ноябрьским утром 1975 года, и через три недели оказались в солнечном Риме, где сняли крохотную квартирку на окраине Остии, в так называемом «коммунистическом районе».

Я уехал из страны, не жалевшей денег на наглядную агитацию и пропаганду. Скажем, современному молодому человеку трудно объяснить по «бизнес-плану» — в чем практический смысл рекламы, огромного кумачового транспаранта со словами «XXV съезд КПСС», установленном на специальных металлических мачтах с флагами, которые колыхались на ветру круглый год?

Это сооружение стояло возле нашего дома на питерском Проспекте Славы и невольно попало в кадр прощальной фотографии. Я — в усах и бакенбардах (профессиональное наследие «пОпса»), одет в переделанное отцовское кожаное пальто, доставшееся ему по американскому «Ленд-лизу» еще с войны. Несмотря на мороз, общее уныние и сплошной железобетон вокруг, на лице героя играет, я бы сказал, нагловатая улыбка героя детской сказки «Колобок» — «Я от дедушки ушел, я от бабушки ушел...»

Теперь представьте мое потрясение. Я простился с зимой и социализмом, приехал в теплую Остию, на берег моря, в процветающий капитализм. Утром просыпаюсь от шума. Идет какой-то митинг, ораторы произносят страстные речи. Выглядываю в окно — а там все в красном кумаче, на транспарантах реют слова Partito Comunista Italiana (Коммунистическая Партия Италии).

Надо здесь заметить, что наша улица, Umberto Cagni, (названная в честь итальянского полярного исследователя) была похожа скорее на захолустный Миргород девятнадцатого века, нежели на итальянский курорт конца двадцатого. Мостовая и тротуары не замощены, ни деревьев, ни газонов. Ветер гоняет мелкий мусор, пыль столбом.

Мне рассказали, что строительная фирма возводила жилой квартал. Добротные кирпичные дома с лоджиями и балконами, на лестницах мрамор. Здания были готовы, но последнюю стадию — озеленение и асфальт — завершить не удалось. Местная беднота (возможно, под руководством партии) взяла распределение жилья в свои пролетарские руки. Тихо и организованно люди ночью заняли все квартиры, и к утру их было не выкурить никакими силами.

Власти, по-итальянски, только руками развели, но и денег на благоустройство не дали. В этих пыльных кварталах прошли, быть может, самые счастливые полтора года моей жизни.

Ах, Остия! Здесь начиналась моя заграничная жизнь. Здесь я купил свою первую машину, синий Фольксваген — «жучок». Здесь, в прохладных рощах итальянских пиний, вынув из «жучка» сиденье, писал я учебник русского языка с картинками для римского центра ин-яза. Леса эти — древние, еще со времен Римской Империи. Дороги из огромных плоских валунов, памятник рабскому труду и отменной имперской организации, и сегодня — как новые.

Мимо этих лесов, мимо огромных костров, которые разжигали местные путаны, занимая чувственные позы на фоне бушующего пламени, по роскошной автостраде, вечерами ездил я, тайком от семьи, в римский район Трастевере, где был плохонький кинотеатр Pasquino. Там шли фильмы на английском языке. Кинопроектор был один, показывали, как в сельском клубе, по частям. За показ фильма — два интервала, билеты — по итальянскому рублю (1 mille lire, тогда примерно 1 доллар). У стоянки машин, в старой стене было окошко, оттуда подавали тончайшую хрустящую пиццу (тоже за рубль)

Отсюда я ездил с другими эмигрантами на барахолку в Порто Портезе, так называемую «американо», торговать вывезенным из СССР скарбом. Здесь стал помогать американскому пастору Джоэлю доносить евангельское слово скучающим соотечественникам. Здесь меня Джоэль и крестил. Здесь же меня случайно нашел Алексей Леонидов и соблазнил сдать экзамен на Би-би-си.

И вот, 40 лет спустя, я снова в Остии. Теперь уж приехал барином, не на «жучке», пускающем синий дым, а на «Мерседесе», пусть даже и не новом. Разместились в отеле

Тема кожаного пальто воплотилась у героя и в новой, заграничной жизни, хотя на более высоком уровне.

«Бельведер», номер с балконом, видно море. С бьющимся сердцем пошел по знакомым местам. Старый центр Остии не изменился, но за прошедшие четыре десятилетия все свободные пространства у моря заполнились ресторанами, барами, какими то

павильончиками, раздевалками и строениями, назначение которых понять невозможно. Как говорил мой приятель — «караул, населяют!»

По набережной с шикарным названием Lungomare Paolo Toscanelli (астроном и картограф 14 века, периода Ренессанса) побрели пешком искать дом в «коммунистическом районе». Via Umberto Cagni, 21. Я посчитал, что надо пройти 11 кварталов, но все как то сбилось и заветную улицу нашли не сразу.

Из-за ограды выглянул небритый мужчина в майке. «Простите, сказал я, — мы ищем номер 21». «Нет тут никаких номеров, — ответил мне мужчина хриплым баритоном, — тут просто дома идут, один за другим». Это был поистине гоголевский ответ.

Я понял, что за это время ничего не изменилось, что этот мужчина был в годы моей эмиграции уличным мальчишкой, с родителями самочинно въехал в новостройку-недостройку, в этом же квартале вырос и номера домов для него, поэтому, просто не существуют.

Возможно, мужчина прав, в новейшие времена дома в этих местах, за ненадобностью, нумеровать быть может перестали. Однако были другие времена, когда на всякое строение водружали элегантную табличку из белого караррского мрамора, и это строение и эту табличку мы, в конце концов, нашли.

Встреча с моей эмигрантской квартиркой в Остии навеяла волны воспоминаний.

В жарком итальянском климате нет жилья без открытого пространства, без патио. У нас это была покрытая кафельной плиткой площадка 6 на 6 метров. Летним вечером можно здесь накрыть ужин, днем повесить на просушку белье.

В тот день мы с Ринатом, моим 8-летним сыном, гоняли на патио «футболянку». В калитку вошел высокий господин с загорелым лицом, одетый в светлое драповое пальто. «Сева, — воскликнул он, — что ты тут делаешь?»

Господина звали Леонид Фейгин, мы не были знакомы, но знали друг друга в лицо. Старший брат Леонида, Фима Фейгин, был известен в Ленинграде, как первый культурист, а сам Леонид, выпускник института Лесгафта, легкоатлет, мастер спорта по прыжкам в высоту, слыл заядлым джазовым энтузиастом и знал всех питерских джазменов, в том числе и меня.

Леонид приехал повидаться с мамой, также известной спортсменкой своего времени, на склоне лет она ехала в Америку к старшему сыну. Мама жила в этом же доме, Леонид зашел к нам случайно.

Точнее, как показала жизнь, далеко не случайно. Он к тому времени уже работал на Би-би-си. Узнав о том, что у меня рабочий английский (в 1967 году я прошел полный курс гидов-переводчиков при Ленинградском Интуристе и даже полтора месяца работал), он принялся агитировать меня подавать заявление.

Вот эта табличка, вот этот дом моей итальянской эмиграции.

В нашей эмигрантской конторе («Международный Комитет Спасения») я был зарегистрирован, как штурман дальнего плавания (кому нужны саксофонисты?), и нас целили на Канаду, в город Эдмонтон.

Честно говоря, штурмана в Эдмонтоне тоже были не нужны. Кругом суша, до океана, что в одну, что в другую сторону — полторы тысячи километров. Есть, правда, река Саскачеван, так что в перспективе я мог бы стать шкипером на барже или капитаном речного трамвая.

А тут такое. У меня были сомнения — «вражий голос», и так далее. Спасибо Галочка надоумила, и я через несколько дней поехал в Рим сдавать тест. Надо было сделать перевод (делал без словаря), начитать текст в микрофон и что-нибудь написать (я накатал рецензию на фильм Поланского 'China Town', который только посмотрел).

Через месяц приехал один из редакторов с Би-би-си на устное собеседование. После этого мои документы отправили «куда надо» на проверку. Не был, не состоял, не привлекался. Месяца через три заказной почтой пришла шикарная бумага — Рабочий Контракт.

Помню, я бросился к хозяину квартиры, механику по имени Пино (кличка Пино-колбасина) и с гордостью показал. Он долго вглядывался в заголовок и медленно прочитал «Би-Би-Чи».

Как нам попасть на это «Бибичи?» Паспорта у нас отобрала советская власть, выдав выездную визу в один конец. Нам, как беженцам без гражданства временные паспорта (так называемые *Titolo Di Viaggio* — буквально «Титул для путешествия») должна была выдать Италия.

С рабочим контрактом в руках я отправился в Рим, в полицейское управление под названием *Questura*. Мощные стены, литые ажурные решетки. Вековые традиции, непробиваемая итальянская бюрократия.

В большом зале сидело около сотни клерков. Мне попался молодой человек, который стал заполнять стандартную анкету. Спросив наш адрес (улица Умберто Каньи, 21), он воскликнул — «и я живу на Умберто Каньи, 21, только в другом городе!» Узнав, что сына зовут Ринат, он ткнул себя в грудь и сказал — «я тоже Ренато!» На прощанье велел прийти на следующей неделе.

Эту сакраментальную фразу — '*Settimana prossima*' — я слышал потом много раз. Каждую неделю я ехал в римскую «Квестуру» как на работу, высиживал там очередь в 4 часа, выслушивал очередной вердикт (*Settimana prossima*) и ехал восвояси. Дома ждала Галочка, руки в боки. Выслушав мой жалкий лепет, она неизменно спрашивала — «А как же Славинский?» (Фима Славинский уехал на Би-би-си перед нами всего за три месяца)

В полицейской очереди я коротал время испытанным способом. Еще в Союзе я разработал систему карманной книги. Заходя в общественный транспорт, я тут же доставал свое английское чтиво и советская действительность уходила в литературный туман.

«Вы говорите по-английски!» — сказал поставленный голос с американским акцентом. Рядом со мной сидел молодой мужчина примерно моих лет, блондин приятной наружности. Разговорились. Джоэль — так звали моего собеседника, — оказался баптистским пастором из Техаса и пришел за рабочим разрешением для семейной няни. Служба у него была странная — в кинокомиссии Ватикана.

Узнав, что я русский, он с жаром сообщил мне, что в его коллекции есть четыре научно-популярных фильма, дублированных на русский. «Давайте покажем их вашим эмигрантам», — предложил он.

Первый фильм я хорошо запомнил. Речь шла о строении эритроцита, красного кровяного тельца. Его функция — переносить кислород из легких ко всем клеткам организма, поэтому эритроцит должен иметь максимально возможную поверхность. Из математики такая форма известна — двойной тороид, вроде бублика без дырки. Когда эритроцит удалось рассмотреть в микроскоп, оказалось что он имеет именно такую форму.

Я перевожу Джоэлю (1976 год)

После фильма Джоэль произнес проповедь о разумном устройстве Природы. «Мы видим в ней следы замысла, дизайна. Если есть дизайн, есть и Дизайнер»

На бесплатные фильмы и бесплатные Библии, которые Джоэль раздавал щедрой рукой, народ потянулся, и скоро наша миссия работала в ежедневном режиме с коллективом в 11 человек. Джоэль дал мне целую гору книг, написанных учеными. Все науки непреложно доказывали одно — Дизайнер есть.

Тем временем шли недели и месяцы, в полицейском управлении мне повторяли одну и ту же фразу, Галочка (руки в боки) вопрошала — «а как же Славинский?», и я чувствовал,

что из этого круга выхода не будет, пока я не сделаю решительный шаг

И вот, в один прекрасный солнечный день, Джоэль крестил меня в центре Рима, в протестантской церкви, по полному обряду, в белом хитоне, с погружением в воду в специальной глубокой мраморной купели. Я чувствовал, как вокруг Ангелы летают.

В положенную среду поехал в Рим, в Квестуру. Отсидел очередь и попал — вот ведь совпадение! — к тому клерку, у которого заполнял анкету больше года назад.

Он посмотрел на меня рыбьим глазом и сказал свое *Settimana prossima*, но потом взглянул еще раз. *Umberto Cangni Ventuno?* — сказал он, — *figlio Renato? Porca Madonna!* (буквально «грязная мадонна», католическое ругательство) воскликнул он, хлопнул себя ладонью по лбу и открыл нижний ящик стола.

Там лежала, одна-единственная папка с моим делом. Он написал на ней крупными буквами *URGENTE* (СРОЧНО). Наши паспорта были готовы через несколько дней, две недели спустя мы уехали в Лондон.

Было ясно, что не водить уж мне баржу по реке Саскачеван, не быть мне капитаном речного трамвая, но какое будущее меня ждало, я и представить не мог. Потом уже, разглядывая фотографии из Остии, я заметил на зернистой карточке номер своего жучка — 97-44-DJ

Эти две буквы, DJ, и определили мою жизнь на последующие десятилетия.

Порта Портезе или клизмы из СССР

Я благодарен судьбе за Рим. В Италии середины 70-х царил смешь порядка и анархии, капитализма и коммунизма, древности и новизны. Для человека из Советского Союза не было лучше страны для первых шагов в эмиграции. В Риме я провел почти полтора года, полных бурных событий и приключений. Теперь, пересекая Апеннинский сапог по автострадам, я рвался в Рим всей душой. Вот она, ностальгия!

В голове я составил список мест. Во-первых, это Piazza di Spagna — Площадь Испании, где я купил свой синий «Жучок» (Рядом с этим местом, на улице Виа Систина 126, жил Николай Васильевич Гоголь. В римском благолепии писал «Мертвые Души»).

Второе место — район Трастевере и захудалый кинотеатр Pasquino, где я смотрел англоязычные картины, и третье — Porta Portese.

В туристических справочниках насчитывают примерно 1100 римских достопримечательностей, в этом длинном списке Porta Portese на 238 месте. «Порта Портезе», или античные «Портовые ворота» соорудили при императоре Аврелиане, они служили выходом из городских стен к Тибру. Потом в XVII веке древние ворота снесли, папа Римский, Урбан VIII, заказал новые.

Как бы ни были красивы эти ворота, на фоне архитектурного и скульптурного великолепия Рима, на них никто бы особого внимания не обратил. Порта Портезе знаменито другим, своей международно-известной барахолкой. Она зарождается стихийно на заре воскресенья и к обеду исчезает, оставляя только мусор.

Перед нашим отъездом из СССР по рукам ходили таможенные списки — что можно вывозить. Кроме официальных 90 долларов на человека, можно было взять с собой один фотоаппарат, увеличитель, сколько-то простыней и так далее. Лишние рубли все пытались выгодно пристроить, но как? Вопрос о том, «что надо везти» был очень актуальным.

Наша прошлая жизнь уместилась в 11 фибровых чемоданах. Весь этот скарб был практически бесполезным. Спасибо, приятели-эмигранты надоумили.

Часа в три ночи, еще в кромешной тьме, к нашей квартире подкатил микроавтобус. Шестеро эмигрантов (бензин вскладчину) ехали на рынок Порта Портезе, прозванный в народе «американо». Приехали туда в половину пятого. На городских пустырях горели костры, старьевщики грелись в предрассветном холодке.

Русские эмигранты оккупировали тогда еще незастроенную улицу Via Ippolito Nievo. Надо было найти место, обустроить торговую точку. Примерно в половину шестого воздух сотрясли звуки, издавать такие могут только итальянки, вся жизнь которых прошла на улице. Allora ragazzi! («А ну-ка, ребята!»)

Жительница местной лачуги, Мима, бывшая путана, а ныне арендатор торгового оборудования, деревянных ящиков из под овощей. Мима (рост 1 метр 50 см), несла их на голове (волосы в папильотках) и громогласным контральто предлагала в аренду по 1 милле лире (примерно по доллару).

В нашей коммерческой ячейке было трое ленинградцев. Зубной техник Миша, инженер-конструктор подводных лодок и я. Вокруг запустение, горы строительного мусора, кучи железа. Товар, приданое родины, художественно разложенный на ящиках от Мимы, ждал клиента. Вообразить, что благополучный итальянец, поднимется в воскресенье ни свет ни заря, чтобы ходить среди руин, я никак не мог.

Тем не менее, как только солнце встало, клиент пошел. Первыми появлялись профессионалы, владельцы маленьких гостиниц, «пансионов», которые по дешевке скупали советские простыни из натурального хлопка и льна, за ними тянулись фотолюбители, которые шли за «Зенитами». Отечественная зеркалка была сделана на славу. Корпус фрезерован из цельного куска бронзы, им хоть гвозди забивай. По примерным подсчетам, эмигранты в те годы продали на «американо» 150 тысяч «Зенитов».

Наша тройка питерских полуинтеллигентов на этом блошином рынке испытывала душевные муки. Никто из нас отродясь ничем не торговал. В 10.30 утра на соседней улице открывался бар. Один из нас шел и покупал бутылку водки. Трое непьющих осушали ее под палящими лучами итальянского солнца и жизнь как-то сразу гармонично соединялась с торговлей. Общались жестами.

Если соединить три перста на обеих руках, повернуть их ладонями вверх и покачать по вертикали, то, в вопросительном контексте это будет означать «сколько стоит?» На объявленную цену клиент говорил «Бу!» и делал тот же жест, только сильнее. То есть, дорого. «Бу!» отвечал я, трясая двумя треперстиями, как бы говоря — «не хочешь, не бери!»

У особо удачливых был ходовой товар — икра или невесть как провезенные иконы. Стандартный эмигрантский набор, а у всех он был одинаковым (собирали по единым спискам) большого энтузиазма у покупателя не вызывал. Остро стояла проблема ликвидности — как бы ликвидировать все побыстрее. Новые коммерческие идеи облетали рынок со скоростью света.

Один гражданин из Одессы в последний момент перед отъездом, не зная, чего бы такого еще купить, зашел в аптеку и приобрел несколько клизм. На «американо» эти клизмы в первый же день у него купили. «Идиоты!» — говорил нам этот гражданин из Одессы, — «они же не знают, что сюда надо везти! Скоро приезжает мой друг Зяма, я ему сообщу, чтобы он затоварился как надо!»

Неожиданный успех советских клизм поверг нас в изумление. Мы, по возможности, подняли этот деликатный вопрос со знакомыми итальянцами. Оказалось, в Италии есть

традиция приема некоторых лекарств в виде водного раствора через анальное отверстие. Толстый кишечник опутан густой сетью венозных сосудов, которые быстро разносят медикамент по организму.

Гражданин из Одессы получил документы и отбыл в Америку. Вскоре мы встречали в наших торговых рядах Зяму, он появился с гигантским чемоданом. На лице Зямы играла горделивая улыбка, глаза выражали некое тайное знание, недоступное другим.

И вот, на Зямином прилавке, рассортированные по типу и размеру были разложены клизмы. Большие и маленькие, совсем маленькие, для младенцев. Профессиональные кружки Эсмарха со стеклянным резервуаром (их Зяма доставал, видимо, через больницы), грелки со шлангами, наконечники разной формы и длины. Иные были столь причудливы на вид, что я только диву давался — куда такое применять?

В первое воскресенье Зяма ничего не продал. «Ерунда!» — сказал он, — «просто погода была плохая, интеллигенты сидели по домам!» На следующей неделе результат был тоже нулевой. Это же повторилось и в каждое последующее воскресенье. Из огромного чемодана советских клизм не продалась ни одна.

В последний день, упаковывая продукцию отечественной фармакологии, Зяма с мрачным лицом сказал нам: «Встречу Гришу в Америке, все эти клизмы ему в одно место вставлю!»

Нынче, 40 лет спустя, на Via Ipolito Nievo нет пустырей, на их месте красуются дома, но барахолка по-прежнему рождается в воскресенье на заре, исчезая к обеду. Думаю, так будет всегда, пока стоит Рим и не перевелось барахло.

Пропавший штукатур

Невозможно быть в Италии и не вообразить себя героем киноленты. 2015 год, набережная Остии, вот я за рулем «Мерседеса», наплыв, туман, мне на 40 лет меньше, и я веду тархтящий синий жучок — «Фольксваген». Лицо у меня озабочено. Я ищу пропавшего соседа.

Зовут соседа Семен, Сема. По пятой графе в паспорте — еврей, по профессии — штукатур. Крепкий мужчина лет пятидесяти. Жена, Галина Ивановна, русская, пионерка 30-х, комсомолка 40-х, женщина добрая, чувствительная, очень напуганная жизнью. Подозреваю, что за рубеж поехала только из-за мужа.

Галина Ивановна пришла к нам вечером, вся в тревоге. Сема уехал с какими-то итальянцами в черных кожаных куртках и вот, не вернулся. Мы утешили ее, как могли, сказали, что назавтра все будет хорошо.

Назавтра стало только хуже. Галина Ивановна весь вечер обильно плакала, утирая слезы скомканным платочком, причитая «где же ты, Семочка!». На третий пришла с утра. Мы устроили на кухне военный совет, составили план действий.

Я, как человек на колесах, владеющий к тому же тремя сотнями итальянских слов, взял на себя полицию и больницы. Итальянская полиция бывает двух видов, Polizia Stradale — Дорожная полиция, вроде ГИБДД, она ездит на небесно-голубых машинах и мотоциклах, в основном БМВ, и не вооружена. Пропавших людей она не ищет.

Другая полиция — Carabinieri, жандармерия, ездит на мощных темно-синих Alfa Romeo, имеет на вооружении пистолеты Beretta 92, автоматы Beretta AR 70/90, ручные пулеметы FN Minimi. Конечно, в годы моей юности советские милиционеры тоже ходили с кобурой, но в ней обычно лежали бутерброды. А тут — такой арсенал.

«Видимо, все это неспроста», — подумал я, приехав в местный участок. Из дверей участка выбегали красавцы-мужчины с белыми кожаными лентами через плечо, быстро садились в машины с надписью Carabinieri, и с ревом исчезали, оставляя за собой запах паленой резины.

Дежурный офицер терпеливо выслушал мою сбивчивую речь, но заполнять протокол не стал. «Подождем еще неделю, — сказал он, быть может, ваш друг в гостях у какой-нибудь дамы». Эту теорию следствия я, понятно, не мог передать Галине Ивановне, и без того убитой горем.

На следующий день решил пойти по больницам, уехал пораньше, меня преследовала эта трагическая фигура немолодой женщины, вдруг оставшейся одинокой в незнакомой стране.

В Риме, в каком-то баре, достал телефонный справочник, в разделе «госпитали» насчитал более сотни названий. Удалось объехать только четыре больницы с отделом скорой помощи Salvator Mundi Internationale, Concordia, S. Giovanni Addolorata и Santo Spirito.

Семы не было нигде.

Я вернулся домой в Остию поздно вечером. Галина Ивановна уже не плакала, а сидела неподвижно, глядя в одну точку пустыми глазами. Я попросил у нее фотографию Семена и на завтра поехал в центр изучения иностранных языков, для которого я писал русский учебник с картинками. Там был цветной факс, вещь для 1976 года весьма редкая. Начальство выслушало мой рассказ и разрешило напечатать 50 листовок.

Эти листовки с изображением пропавшего без вести и описанием его личности я потом расклеивал по окрестным поселкам и городкам.

Тем временем Галина Ивановна, наслушавшись рассказов о зверствах итальянской мафии, уже смирилась со своей судьбой и мысленно похоронила мужа. Где он погиб, и как? Почему его убили? Где он похоронен? Следующие дня два прошли в непрерывном обсуждении.

По вечерам в Остии, на местной почте, во дворе которой была круглая площадка с фонтаном посередине, собиралась эмигрантская толпа. Здесь сдавали и снимали

квартиры, обменивались новостями, подыскивали нужного специалиста, скажем, автомеханика или штукатура. Я не исключал, что и Семен здесь мог искать себе работу, поэтому ходил и расспрашивал, искал ниточки, концы.

Штукатур — это, быть может, самая международная профессия, она с наглядной легкостью преодолевает самые сложные языковые и культурные барьеры. Какой бы передовой ни была техника строительства, последние штрихи обязательно наводит мастер штукатурки.

Работа тяжелая, грязная, требующая навыка и физической силы. Синьоры, желающие есть? То-то.

Вот и взяли Семена какие-то неизвестные, за бесценок. Убить, быть может, не убили, но посадили под замок, заставили работать за кормежку. Сидит Семен в каком-нибудь мафиозном подвале и не выйдет оттуда никогда. Продадут его в рабство в Калабрию или на Сицилию. Ищи-свищи. Страшная судьба, хуже смерти.

Все эти страхи с уверенностью мне рассказывали на почте у фонтана бывшие жители Конотопа, Черновцов и Бобруйска. Сами они итальянской мафии, конечно, не видели, но знают точно. «Твоему Семе — крышка, без вариантов — говорили они мне, — а жена? Ну что, жена?» И пожимали плечами.

Мы старались не оставлять бедную Галину Ивановну наедине со своими мыслями, утешали, говоря, что без пособия за пропавшего мужа она не останется, что в Америке много русских, что она еще совсем не старая женщина, что жизнь продолжается и так далее.

День за днем мы вели такие беседы, от них Галина Ивановне как-то светлела лицом. Действительно, а что ей оставалось делать?

Помню, было воскресенье, солнце. Галина Ивановне ворвалась в нашу квартиру. Руки и ноги у нее непроизвольно дергались, как у младенца. Лицо перекосила гримаса, губы тряслись. Срывающимся трагическим голосом, обращаясь ко мне, она прокричала «Сема! Сема! СЕВА ВЕРНУЛСЯ!!!»

Вслед за нею, слегка смущаясь, вошел и сам Сема. Изо всех сил стараясь быть сдержанным, я рассказал ему, что мы пережили за эти дни.

Штукатур был скуп на слова, как настоящий мужчина. «Та! — сказал он неопределенно, — я ж работал!» Я молча протянул ему несколько оставшихся листовок с его портретом, над которым крупными буквами было написано

RICERCATO! (РАЗЫСКИВАЕТСЯ)

Так, небольшой сувенир для семейного архива, память об Италии.

А 20 лет спустя появились мобильные телефоны.

Приедешь в Рим, и сердце бьется...

Солнечное утро 4-го октября, Остия, курортный городок под Римом. Синоптик на мобильном телефоне обещает жару, 27 градусов.

С балконной веранды вижу наш старый «Мерседес», машу ему рукой — отдохни дружок! На машине ехать в Рим для меня — почти самоубийство. Условный рефлекс, привитый 40 лет назад.

Вообразите — мы только приехали из Советского Союза, где о машине я и мечтать не мог: «Жигули» стоили 43 месячных зарплаты, а за «Волгу» — надо было отдать 67 получек. Это, соответственно, копить три с половиной и пять с половиной лет. Если не есть, не пить, за квартиру не платить, в кино-театр не ходить.

В Риме, недели через три после приезда, я купил себе подержанный «жучок» — фольксваген. Покупал не сам, помог знакомый, он же пригнал машину в Остию и поставил под нашим окном. Была суббота. Спал плохо, ждал когда за окном начнет светать.

Часов в пять утра я тихо поднялся, бесшумно оделся и на цыпочках вышел на улицу. Если бы Галочка окликнула, оправдание было готово — я еду в Рим на рынок за дешевыми цыплятами.

Шоферский стаж к тому моменту у меня был — 6 часов вождения с инструктором, на права сдал в Питере по схеме «150 рублей с гарантией». Правила движения знал хорошо, но — теоретически. Добавим, что новый водитель также не имел страховки и в случае чего нажил бы большие неприятности.

Выехал на автостраду. Поначалу машин было немного. На подъезде к Риму рассвело и вокруг меня стали шастать (другого слова подобрать не могу) нетерпеливые итальянские «autista». По-итальянски это — «шофер», а также — «больной аутизмом». Скорее всего, здесь — языковое совпадение, а кто знает, может, и нет.

Во всяком случае, на меня «аутистам» было глубоко наплевать. Они подрезали, бибикали, обгоняли. Я судорожно вертел головой, пытаюсь также понять куда ехать. Навигаторов тогда еще не изобрели, карта Рима лежала на соседнем сиденье, но посмотреть на ее не удавалось.

Сердце колотилось как бешеное. Вспомнил прочитанную где-то статью о признаках предынфарктного состояния. Стало страшно. Остановился, замерил пульс. Насчитал 240 ударов в минуту.

Кончилось все благополучно, я доехал до рынка и вернулся домой с дешевыми цыплятами. Эта поездка стала моим боевым крещением на долгом пути европейского автолюбителя.

Однако те 240 сердечных ударов в минуту моя голова не забыла и теперь подсказывала, что в Рим лучше бы ехать на электричке.

От Lido di Ostia Centro до Porta San Paolo в Риме — 25 километров, 9 остановок, там пересадка на поезд (4 км) до вокзала Termini в самом центре города.

Выйдя из вокзала, повернули налево, и пошли по улице Via Gioberti к знаменитому собору Santa Maria Maggiore. Его начал строить Папа Сикст III в 431 году после скандального Эфесского Собора, признавшего Пресвятую Деву Марию Богородицей.

Вообще, в Риме с историей надо быть осторожным. Она вокруг вас, ждет вашего внимания, и за прошедшие тысячелетия этого исторического наследия накопилось столько, что воспринимать его надо малыми дозами. Изучить же весь Рим, по моему, невозможно. Думаю, одной жизни не хватит.

Объекты старины как будто воздействуют на психику. Во всяком случае, в музее у меня через два часа начинает болеть голова, а от туристической прогулки, особенно по жаре, тянет в животе, наступает слабость.

К этому времени мы добрались до «Алтаря Отечества» (Altare della Patria), беломраморному памятнику, в котором (если позволите самоцитату) есть все, кроме чувства меры.

Перед «Алтарем» — площадь, Piazza Venezia. Машины, автобусы и конные повозки вливаются в нее с пяти сторон, идут по кругу. Схема сложная. Транспортным потоком командуют два регулировщика на постаментах. Белый шлем и краги, белая португеза, виртуозное владение жезлом. Любоваться можно бесконечно.

Я вспомнил, как 40 лет назад, во время ужасной транспортной пробки, к регулировщику протиснулся ржавенький 'Cinquecento', Фиат 500 (прообраз советского «Запорожца»). Слаломным маневром он обогнул возникший затор, дал газу и скрылся за перекрестком.

Шикарный полицейский, похожий на киноактера Альберто Сорди, остановил транспорт властным движением руки, не торопясь снял белые краги, взял жезл подмышку и театрально похлопал исчезнувшему нахалу. Такое может быть только в Италии.

Мы перекусили в кафе на углу улицы Via del Corso. Живот ненадолго отпустил, но потом заныл опять. Со своим животом у меня старые счеты. Он начал болеть осенью 1962 года после того, как в военно-морском госпитале Североморска меня лечили от пустячной, но упрямой болезни.

Советский подводный флот тогда патрулировал все мировые океаны в так называемых «автономных походах», другими словами подлодки вообще не всплывали, проводя под водой до полутора месяцев.

Страна ценила их героический труд. В госпитале давали антибиотики, сильнее которых не было в мире. Во всяком случае, после их приема у меня в животе никаких микробов не осталось. Он так и болит, вот уже 55 лет.

Piazza Venezia, “Алтарь Отечества”

За это время много было сделано эмпирических наблюдений. Например, в Питере в таких случаях мне помогало кофе-гляссе. Холодный черный кофе с шариком мороженого. В римской жаре, в потоке машин и людей, болеть стало не на шутку и мы решили найти кафе или бар где подают мое лекарство.

В баре объяснили, как могли. Нам подали две крохотные чашечки холодного кофе с плавающими льдинками. Нет, не то. Нам надо кофе гляссе, чтобы был полный стакан. И мороженое туда. Бармен посмотрел на нас с большим сомнением, но уступил, поскольку клиент всегда прав.

Вкус получился ядреный, кофе крепчайший, выпили с удовольствием. Вышли на улицу, но через два квартала оба почувствовали — что то не то. У Лелика сердцебиение началось почти сразу, у меня — чуть позже. Мы собирались ехать на метро, но там не хватало воздуха.

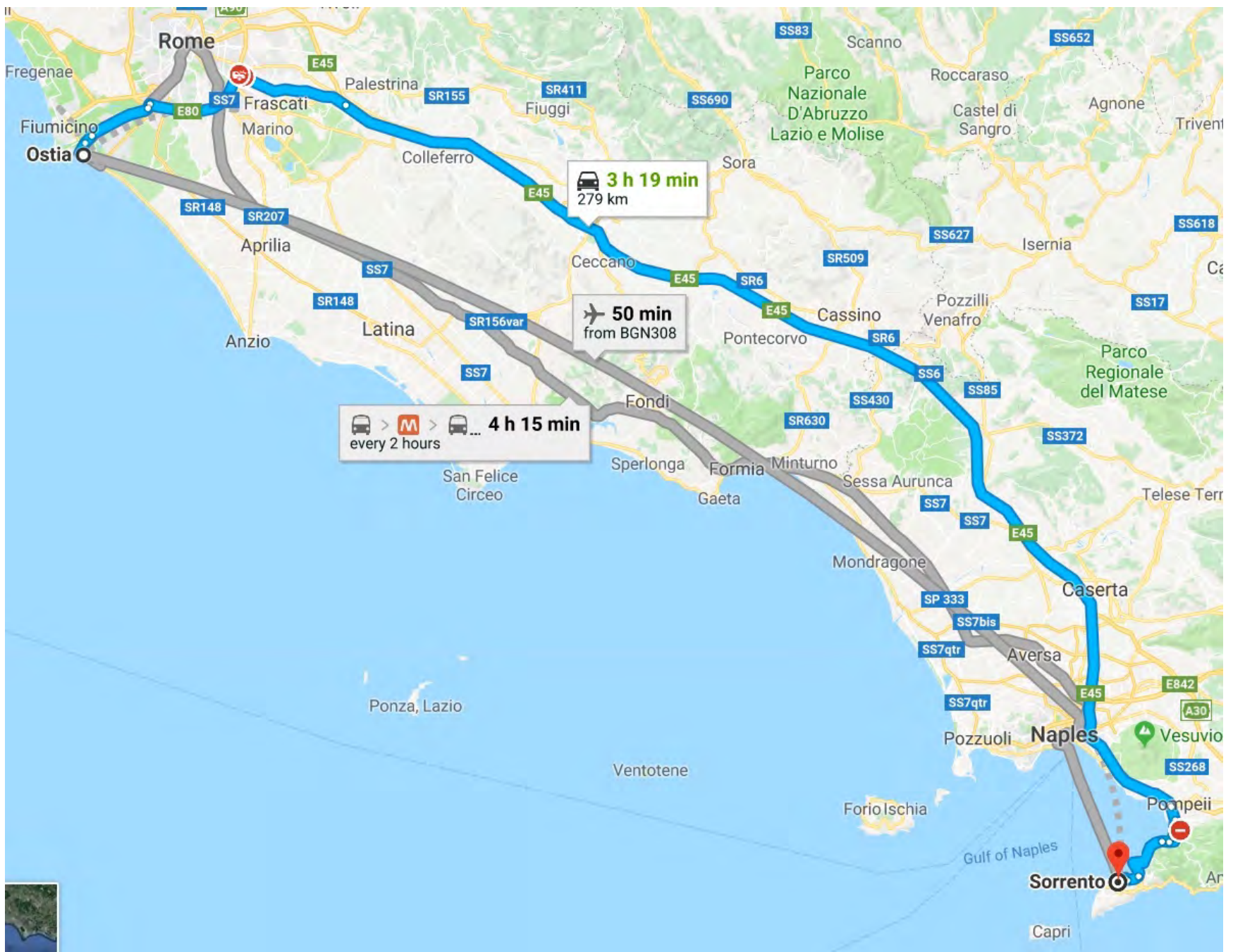
Сердце колотилось так, что пришлось зайти в первый попавшийся дорогой отель, сесть за столик и попросить у официанта бутылку воды. «Signora non sta bene» — «Даме нехорошо», — сказал я, давая понять, что принести надо немедленно.

Чтобы отвлечь Лелика от панических мыслей, я рассказал, как однажды в каком-то мрачном промышленном и задымленном городе, кажется в Кривом Роге, мы обнаружили в местном гастрономе советский растворимый кофе. Это была в те времена большая редкость, дефицит.

Наш барабанщик, Эдик купил себе полную сетчатую авоську, которая свисала до самой земли, как трал в рыбную путину. Навстречу шли две молодые криворожки. «Девушки, пойдете к нам в номера, — мрачно произнес Эдик из-под нахлобученной шляпы, шаркая суконными ботами. — Мы будем пить кофе смертной чашей!»

На этой кофейной «смертной чаше» и закончился для нас Рим.

Впереди было Сорренто, куда меня много лет, с самого детства, настойчиво призывал вернуться чей-то знойный тенор.

Перегон Остия-Сорренто

Сорренто

Сорренто я хорошо знал с детства. Знал заочно, по песне, которая доносилась из всех репродукторов. С этой песней граждане СССР познакомились вскоре после смерти Сталина, в 1953 году.

На студии имени Горького тогда дублировали и пустили в широкий прокат романтическую комедию «Вернись в Сорренто». В фильме заглавную песню исполнял оперный певец Джино Бэки, на родном итальянском.

Потом Эм. Александрова сочинила русский текст: «как прекрасна даль морская, как влечет она, сверкая...» — и началось. Все тенора (а при Сталине почти все, почему-то, пели тенором) наперебой стали ее исполнять.

Возможно, в этой мелодии звучала невысказанная мечта советского народа о знойной и ласковой неаполитанской жизни, которую никому и никогда не суждено было увидеть. Так и получалось — советские границы на замке, а тенора просят-умоляют вернуться в Сорренто.

В 60-е годы какой-то шутник не выдержал и поместил в польском журнале короткое объявление — «Охотно вернусь в Сорренто».

Теперь для меня настало время встречи с детской мечтой. Известно, что занятие это опасное, ибо действительность с мечтой сравниться не может. Разочарование гарантировано.

Начнем хотя бы с того, что песня эта вовсе не любовная, и сочиняли ее не для романтического распевания под балконом.

История канцоны такая. В сентябре 1902 года премьер-министр Италии, Джузеппе Занарделли, был в Сорренто с официальным визитом. Город находился в ужасном состоянии. Стихийно застроенные улицы не соединялись между собой, дома полуразрушены, не было почты, водопровода и, что важно — канализации.

Два брата-патриота, музыкант Эрнест Куртис и его брат, художник и поэт Джамбатиста, буквально за несколько часов сочинили песню, разучили ее с музыкантами и исполнили высокому гостю.

Понятно, возлюбленным в этой песне премьер-министра Италии никто не называл, но страстный призыв вернуться в Сорренто и насладиться его красотой там, конечно, был.

Говорят, песня подействовала, и Премьер выделил деньги на реконструкцию.

Искусство, господа — это большая сила.

Знал я, что в Сорренто есть роскошная вилла «Иль Сорито («Улыбка»). На мемориальной табличке написано «Здесь с 1924 по 1933 год жил и работал великий писатель Союза Советских Социалистических Республик Максим Горький».

Вилла «Иль Сорито»

Места эти ему были знакомы, еще до революции («буревестником» которой он был), с гражданской женой, актрисой Андреевой, Горький провел 7 лет (1906-1913) на острове Капри (кстати, хорошо видном в 5 километрах от берега).

С возвращением Горького в СССР у нас связано семейное предание. Мой отец плавал тогда старшим помощником на пароходе «Жан Жорес», осенью 1932 года судно стояло в Неаполе. Срочной телеграммой капитана и отца вызвали в советское посольство.

«Мы приезжаем в Рим, — рассказывал отец, — а там торжества, идет парад во главе с Муссолини. Мы спрашиваем, по какому поводу. А нам отвечают: как, вы не знаете? Десятилетие фашизма!»

Советский посол Потемкин устроил морякам прием, и объяснил, что надо доставить Алексея Максимовича Горького в СССР. Горькому уже предлагали плыть на пассажирском теплоходе первым классом, но он отказался и заявил, что «хочет быть с простым народом». Так и получилось, что выбор пал на «Жан Жорес».

Советское правительство хотело принять Горького с высокими почестями, у Сталина были на него виды. Поначалу «Жан Жорес» должны были сопровождать эскадренные миноносцы Черноморского флота, но Горький от этого отказался.

В Одессе все подготовили к историческому моменту. Причал был оцеплен войсками НКВД, прямо к судну подогнали личный вагон Генриха Ягоды, наркома внутренних дел, для следования семьи Горького в Москву.

На причале рабочие делегации с заводов и фабрик со знаменами и транспарантами под звуки духового оркестра приветствовали возвращение на родину знаменитого земляка, задержавшегося в Италии.

Но вот смолкли трубы, отзвучали приветственные речи, слово дали Горькому. Тысячи лиц, устремленных на него, затаили дыхание. Какие слова произнесет автор знаменитого «Буревестника»?

«Ну что? — донеслось с трибуны. — Пришли пролетарского писателя послушать?» «Ур-р-р-р-а-а! — прокатилось по причалу. «Шли бы вы лучше работать!» С этими словами классик со своим сопровождением пошел к вагону главы НКВД, трубы грянули туш. Возвращение состоялось.

Жить Горькому оставалось 4 года.

Горький с командой «Жан Жореса». Справа от Горького — капитан, следующий, в фуражке и белом кителе, — отец, ему 28 лет.

Любопытно, что в 1928 и 1929 годах Горький совершал поездки в СССР, но каждый раз возвращался в Италию. Жил по принципу «Вернись в Сорренто».

В 1932-м этому принципу изменил. Как это в песне Александра Городницкого: «Не возвращайся, Горький, с Капри»: «Не упускай свою удачу, попав однажды за рубеж, не приглашай вождя на дачу, пирожные его не ешь».

Мы поселились в гостинице «Вилла Мария» на Виа Капо, там дорога идет вверх, открываются виды. На отвоеванных у каменных скал площадках гостиницы стоят рядами.

Вид на Неаполитанский залив, остров Капри, Везувий, Помпею. Утром все туристы, как по команде, выходят на свои экскурсии, садятся в большие автобусы и сидят, выглядывая в окна. Узкая дорога превращается в многокилометровую пробку.

Говорят, москвичи методом адаптации привыкли к такому, научились сохранять спокойствие в неподвижном автомобиле. Я пробки переношу с трудом, предпочитаю двигаться, неважно в каком направлении.

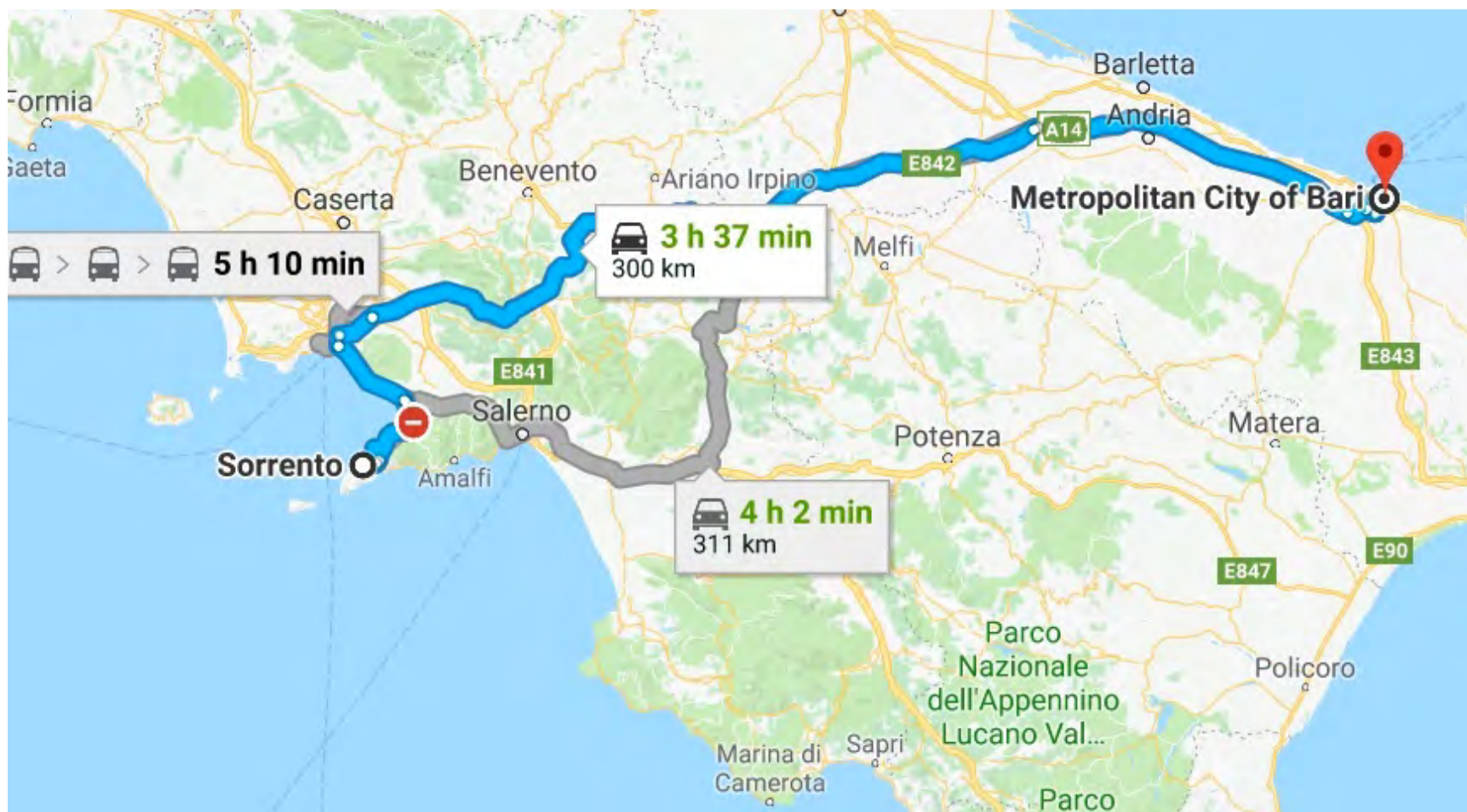
Прощай, Сорренто. Боюсь, в тебя я больше не вернусь.

Поэтому поехали не туда, куда надо, а куда можно. В противоположную сторону, подальше от достопримечательностей, на мыс Сорренто, куда туристов не возят.

Понятно, почему. Там начинается реальная трудовая жизнь, промышленные пейзажи, разбитые дороги.

Прощай, Сорренто. Боюсь, в тебя я больше не вернусь.

Наш путь лежал в Бари, на другой стороне итальянского сапога.

Перегон Сорренто-Бари

Бари

Перегон Сорренто-Бари, 300 км. По шоссе А3 — на Помпеи, потом на Салерно, пересекая итальянский «сапог» где то в районе лодыжки. В этих местах туристам делать нечего, кругом жизнь настоящая, не напоказ. Оливковые рощи, зеленые поля, дома крашенные охрой. Красота. Приехать сюда на житье вряд ли получится, здесь надо родиться, желательно в третьем, а лучше — в пятом поколении.

На полпути пейзаж меняется, желтеет. Солнце жжет, нет прохладной неги, влажного томления. В октябре все еще жарко, поэтому в городе решили не останавливаться. Этот южный сценарий нам знаком — спать с кондиционером невозможно, откроешь окно — а там шум машин, треск мотоциклеток, гулянье до трех ночи.

Гостиница Citta Giardino («город-сад»), номера в одноэтажных строениях, у каждого — место для машины.

Дверь нашего номера и “Мерседес” на своей делянке.

В 14 км от центра, среди сельхозугодий, за высокими каменными стенами построили рай, по-английски — paradise, по-французски — paradis, от древнеперсидского — paridayda — «сад, окруженный стеной».

Отдыхать, однако, некогда. Надо ехать в город на разведку, искать паромную переправу, посмотреть старые кварталы, особенно знаменитую базилику Святого Николая, в которой с 1097 года (то есть, более 9 столетий) хранятся его мощи.

Чудотворец скончался в 343 году в городе Мира (сейчас это Анталия, юг Турции), где был епископом. Вместе со всеми ранними христианами подвергался гонениям, особенно при императоре Диоклетиане (до 311 года). В 313 году христианство стало официальной религией римской империи.

В 325 году император Константин предоставил свой дворец в Никее (ныне гор. Изник, Турция), куда съехалось более 300 епископов со всего христианского мира. На Никейском Соборе решали — во что верим.

Представьте — выступает епископ Египетский, Арий, и убедительно, со ссылкой на Священное Писание доказывает, что Христос сотворен Богом, имеет начало своего Бытия и, стало быть, не равен Ему. Не единосущен, а только подобносущен.

Николай, слушая, приходит в такую ярость, что бросается к Арию и «заушивает», то есть, дает ему оплеуху. Епископу драться нельзя, особенно на Священном Соборе, да еще в присутствии императора. Разжалованного Николая, без риз и облачений, заключают в тюрьму, сажают на цепь.

Через два месяца, по окончании собора, приходят за ним и видят — цепи упали, а сам Николай сидит с омофором (широкая лента с крестами) на плечах, как и положено епископу. О чуде доложили Константину, и тому пришлось простить Николая и вернуть ему его сан.

Чудеса продолжались и после смерти Николая. В конце 17 века стольник Петра Первого и будущий родоначальник графского рода Толстых, Петр Андреевич, посетил базилику в Бари и оставил подробные записки. Он, например, сообщает, что кости Святого источают благоуханное миро, его раздают паломникам, и оно никогда не кончается. Петр Андреевич пишет, что и сам сподобился два сосуда наполнить.

Не удивительно, что в Бари веками приезжали пилигримы, в том числе из России. Перед революцией, в 1911 году, по высочайшему указу Николая Второго, в Бари начали строить православный храм и дом для паломников. Деньги собирали по всей стране, сам Николай пожертвовал личных 10 тысяч.

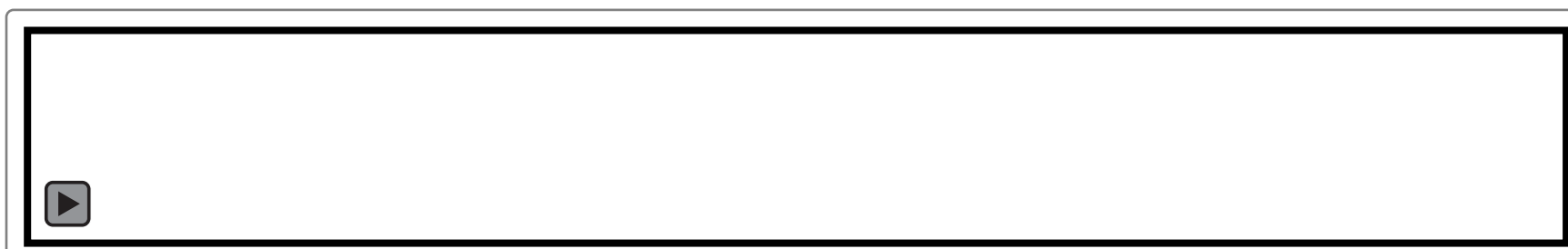
Потом была революция, Советы, граница на замке, расправы над духовенством (в 1918 году в Москве расстреляли главу проекта, протоирея Иоанна Восторгова). Архитектор храма, академик Щусев, возводил на Красной площади другую усыпальницу, мавзолей Ленина.

Храм в Бари опустел. В 1936 году комплекс зданий забрало фашистское правительство Муссолини под городской муниципалитет.

Тем временем, в Отчестве история шла своим чередом: сталинщина, хрущевская оттепель, брежневский застой, горбачевская перестройка, ельцинские лихие 90-е...

В нулевые годы, российский президент, Владимир, личный друг итальянского премьера, Сильвио, поднял вопрос, и вопрос этот был решен, положительно. В 2008 году, точнее, 19 декабря, мэр города Бари в присутствии высоких гостей, торжественно передал храмовый комплекс его законному владельцу, Российской Федерации.

Церковный хор красиво спел разложенную на голоса, по православному канону, песню из кинофильма «Цирк» — «Широка страна моя родная», музыка Дунаевского, слова Лебедева-Кумача, тот же 1936 год).

Потом был ремонт и реставрация, в 2012 году заработал храм, открылась подворье для паломников на 70 мест. Из Москвы прислали батюшку, молодого настоятеля (если будете в Бари, можете сходить, посмотреть, на улицу Corso Benedetto Croce, дом 130).

Национальный успех с православным храмом закрепили и у древней базилики со святыми мощами Николая Чудотворца. Во внутреннем дворе храма стоит теперь подарок России, монумент, статуя Святого, работы плодовитого скульптора Церетели.

Рядом — нержавеющая медная табличка с памятным текстом, а на ней — подпись самого Президента.

Чудеса, да и только.

Николай Чудотворец работы Церетели

Итальянское слово 'lungo' означает — «вдоль», 'mare' — это «море», а 'lungomare', буквально — «вдоль моря» — это набережная или променад.

По сути, Адриатическое побережье юга Италии, где дорога идет вдоль моря — это сплошное «лунгомаре», просто природа его меняется. Промышленные ангары, семейные дома, в которых как будто никто не живет, или монументальные строения государственного и военного значения.

На подъезде к центру Бари такие каменные мастодонты стоят многокилометровой цепью. Технически, это набережная, променада для граждан. Рядом плещется море, каменный тротуар подметен и ухожен, но гуляющих на нем нет. Архитектура подавляет.

Гуляющих нет, архитектура подавляет.

Эти здания, похожие на крепости, строили в период итальянского фашизма, при Муссолини. «Иль Дуче» оставил после себя память в нерушимом камне. Впрочем, не один он. Вся историческая память города застыла в известняке.

Старый Бари (Bari vecchia) лепится вокруг гавани. Первое ее упоминание есть в римских скрижалях 181 года до н.э. Здесь кончалась Траянская дорога, за морем лежала Греция и Левант.

После 10 века Бари стал центром работорговли. Венецианцы привозили сюда славян, захваченных в Далмации (нынешней Хорватии) и на Балканах. Их продавали в мусульманские халифаты Багдада, Кордобы и особенно Каира, где они становились воинами-мамлюками.

Античный Бари строился индивидуально и беспорядочно. На карте его улицы похожи на тарелку, по которой ударили молотком. За крепостной стеной места было мало, постройки и пристройки заполняли все пространство.

С годами тут осела беднота, на узких и кривых улочках по вечерам гулять стало опасно. Путеводители, впрочем, уверяют, что все это в прошлом. Мы пошли в старый город днем, увидели трогательную картину: женщина мыла мостовую у своей двери.

От туризма, особенно пешего, а тем более по жаре, начинает болеть живот. Выбирать не приходилось — в старом городе зашли в забегаловку. Три столика на улице под хлипким навесом, меню с фотографиями блюд. Так проще, переводить и ломать язык не нужно, ткнул перстом — и все.

За соседним столиком трое местных мужчин весьма пропитого вида говорили за жизнь в стиле «ты меня уважаешь?» Хриплые голоса, трехдневная небритость. На душе стало уютно, понятно.

Однако, спокойно посидеть не удалось. Какой-то юный хулиган лет десяти в нескольких шагах от нас с силой бросал на камни бумажные бомбочки и они взрывались с оглушительным треском. От этого занятия он получал большое удовольствие. Громко, все на тебя смотрят.

Я терпел, сколько мог. Потом сунул в рот два пальца и издал свой фирменный свист «соловей-разбойник», которому я обучился еще на флоте. Силу звука не замерял, но за сто децибел зашкаливает, точно.

Мальчик оторопел. Я направил на него указательный палец и громко сказал BASTA! («хватит!»). Подействовало. Я сел за столик, в приятном сознании, что не нарушил ни одного международного уложения по отношению к несовершеннолетним.

Рядом со старым городом — архитектурное наследие Короля Неаполя и Сицилии, наполеоновского маршала Иоахима Мюрата (во французском произношении — Жоаким Мюра).

«Он был моей правой рукой, — сказал о нем Наполеон, — но, предоставленный самому себе, терял всю энергию».

В виду неприятеля Мюрат превосходил храбростью всех на свете, в поле он был настоящим рыцарем, в кабинете — хвастуном без ума и решительности. Мюрат был женат на младшей сестре Наполеона, Каролине, и, грубо говоря, приходился Императору свояком.

Лев Толстой в романе «Война и мир» не без сарказма прошелся по нашему герою: «...Балашев уже был на расстоянии двух лошадей от скачущего ему навстречу с торжественно-театральным лицом всадника в браслетах, перьях, ожерельях и золоте... это был Мюрат, называемый теперь неаполитанским королем. Хотя и было совершенно непонятно, почему он был неаполитанский король, но его называли так, и он сам был убежден в этом и потому имел более торжественный и важный вид, чем прежде».

Старый Бари

Мюрат носил неаполитанскую корону с 1808 по 1815 год, всего 7 лет (в 1815 арестован и расстрелян). Бари был частью его королевства. Город был в плохом состоянии, от грязи и неустройства там буйствовала малярия.

И вот, наш гусар-кавалерист, «в перьях, ожерельях и золоте» привлек архитекторов, был составлен четкий план по квадратной сетке, и 9 апреля 1813 года Мюрат собственноручно заложил первый камень.

Окончания проекта ему увидеть не удалось, но благодарные жители и по сей день называют эту часть города — самую по-европейски роскошную — в его честь — «Мураттиано».

Район этот — не маленький, 10 улиц на 20, всего более 200 кварталов. Все не обойдешь, да, в общем — и не надо. Ритм заведений на улицах не меняется: магазин-ресторан-аптека.

Съездили на разведку в порт, где назавтра предстояло садиться на ночной паром в Грецию. Нашли порт, нашли ворота, но туда не пускают, это только для выезда. А где въезд? Машут рукой вдоль моря. Опять «лунгомаре». Проехали еще километра три, отыскивали.

Тут раздался звонок. Звонил администратор фестиваля, мы с ним состояли в переписке уже недели три. «Так вы сможете приехать?»

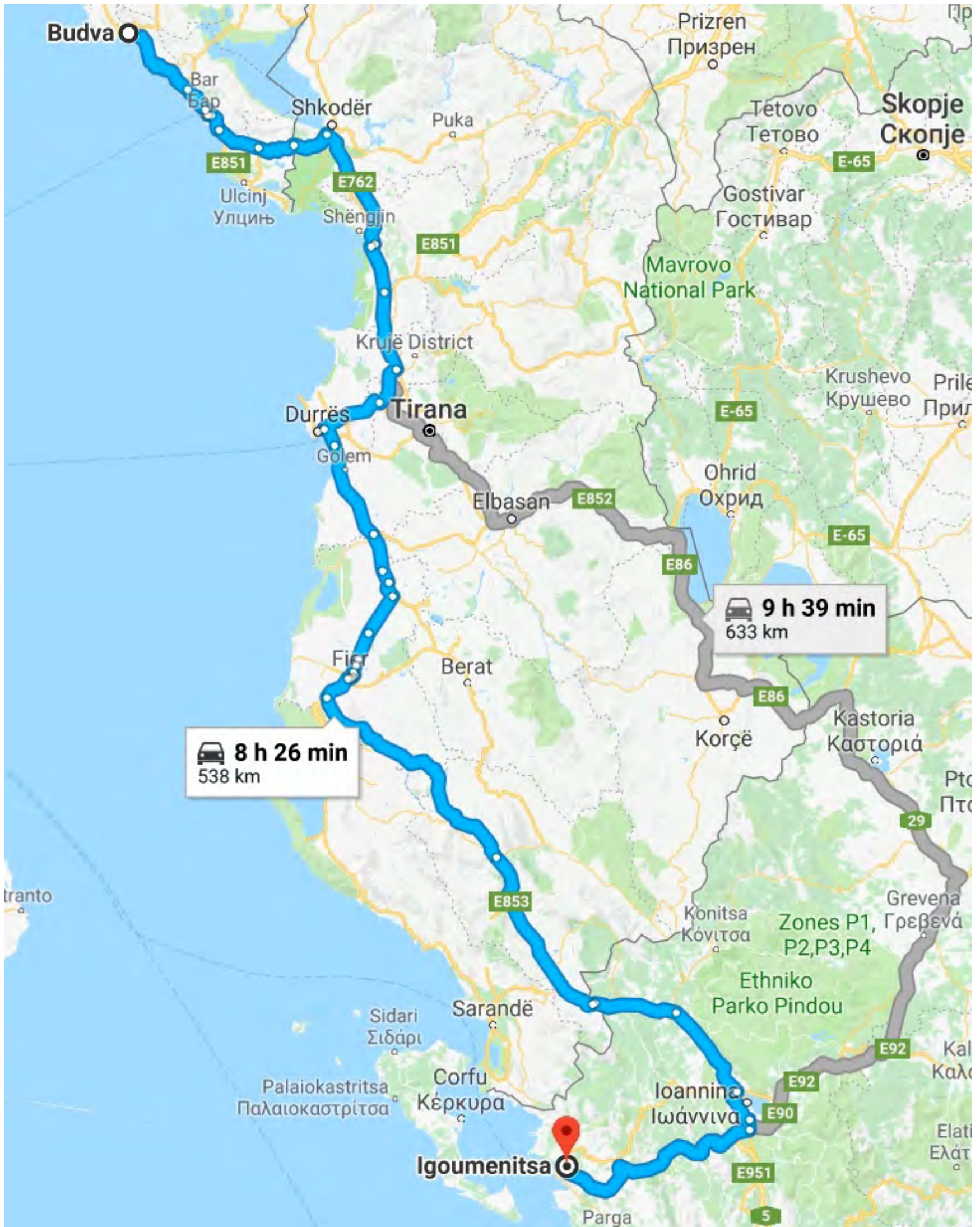
Фестиваль в Черногории, а мы будем в Игуменице, греческом порту в Адриатике. Оттуда надо брать на север, пересекать Албанию.

В Албании я никогда не был, про страну говорят разное. Я помню рассказы про свирепый албанский социализм Энвера Ходжи, но все это в прошлом.

Все-таки, центр Европы, надо бы посмотреть, ведь туристом в Албанию вряд ли поедешь.

От Игуменицы до черногорского города Будва на берегу моря — 538 километров. Неизвестно еще, какие в Албании дороги...

Я набрал телефон администратора: «приехать сможем, ждите нас завтра к ночи!»

Перегон Игуменица (порт, куда мы пришли на пароме) — Будва (в Черногории)

Албания

Первоначальный план был — переправиться из Италии в Грецию, а оттуда, через Болгарскую границу, и до нового дома недалеко. Однако торопиться туда не было смысла.

Квартиру в Родопских горах купили «в кирпиче». После продажи лондонского жилья перевели залог, и отделка началась одновременно с нашей поездкой. Я с детства знаю, что «скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается», кроме того имею опыт любителя-строителя. На обещанные сроки полагаться нельзя, их надо умножать, минимум, в полтора раза.

С такими думами грузились на морской паром Бари-Игуменица. У причала стояло огромное судно, в чрево которого сначала заезжали дальнобойные грузовые фуры, потом открыли нижние палубы, и по железным рампам, осторожно выгружая, туда спустились и мы.

Еще в Лондоне я выбрал ночной вариант, с каютой. Можно сказать, замучила ностальгия по морскому кубрику, захотелось, как в юные годы, поглазеть в иллюминатор. До Греции ходу миль 90, рано утром — уже на той стороне.

Задраили бортовые лацпорты, запустили дизеля, судно еле заметно завибрировало, стало живым. Приглушенные звуки команд с мостика, отдали швартовые, пошли малым ходом. Ночью в море была гроза, очень красиво и драматично.

Мне это утром Лелик рассказала. Я в это время спал сладким сном на койке в счастливой уверенности, что сейчас вахта — не моя.

Еще в Бари мы получили приглашение на фестиваль в Будве (Черногория). Полторы недели на берегу моря в компании старых знакомых (туда приезжал БГ, Слава Полунин, Марат Гельман), замечательно. Путь на фестиваль лежал через Албанию.

Навскидку — что мы знаем об Албании? Из модной еще недавно «эрративной лексики», так называемого «языка падонков» — выражение «учи олбанский!»

Люди постарше могут помнить фильм Сергея Юткевича «Великий воин Албании Скандербег» 1953 года или ярого сталиниста, албанского руководителя Энвера Ходжу. При нем была ликвидирована неграмотность, создана социалистическая культура, введено равноправие женщин.

Ходжа видел вокруг одних врагов и постоянно готовился к отпору. К моменту его смерти в 1985 году вся страна была покрыта дзотами, пулеметными бункерами (почти 800 тысяч на три миллиона жителей) и бомбоубежищами. В одной только столице, Тиране, в системе метро их почти 700, на горе Дайти построили мощное укрытие для партийного руководства.

Железобетон – штука прочная и до сегодняшнего дня эти бункера встречаются в самых неожиданных местах.

Места тут древние, античные. Эти земли римляне называли Иллирией, а жителей – иллирийцами. Иллирийцы были искусными мореплавателями, промышляли пиратством и грабили корабли римских купцов. В 220 году до н.э. была Первая, а затем, вскоре – Вторая Иллирийская война. Полвека ушло на то, чтобы сделать Иллирию провинцией (168 год до н.э.), но усмирили прибрежные племена только лет через сто.

К XV веку Албания стала частью Османской Империи. Турецкие султаны не доверяли своей знати и окружали себя янычарами, которых сами воспитывали с детства. Скандербег – один из них.

Я про себя думал – отчего это у великого воина Албании фамилия какая-то шведская? Оказалось, что Скандербег – это искаженно «Искандер Бей», «Александр – господин», прозвище, которое Георгий Кастриот получил от турков за свою храбрость и воинское умение (они сравнивали его с Александром Македонским).

После 20 лет военной службы Скандербег вышел в губернаторы, но голос предков (он был из знатной албанской семьи) оказался сильнее. Во время битвы при Нише (1443 год)

он со своим отрядом перешел на сторону крестоносцев. Оставшиеся 15 лет его жизни — это короткий период, когда Албания была независимой.

В Венском Музее Истории Искусств хранится шлем Скандербега, вещь тонкой оружейной работы. Видно, что носил бережно — на боевом шлеме — ни одной царапины.

Из разговоров греком-патриотом на заправке сложилось впечатление, что мы едем в бедную страну с разбитыми дорогами. Мне стало неудобно — поедem на серебряном «Мерседесе» по убогой нищете.

Пересекли границу (пришлось платить 150 евро за какие-то неведомые разрешения) и попали в окружение невероятных мощных гор, среди которых по красивой ровной автостраде катили редкие машины, практически, одни серебряные Мерседесы. Сами того не зная, мы вписались в местный вкус.

Я держался ближе к морю, и, чтобы не заезжать в столицу, Тирану, целил на курортный город Дюррес. Друг-навигатор здесь не работал, местных карт в его электронном мозгу

не было. Пришлось ориентироваться по мобильному телефону, где карты были, но они поступали в телефон по спутниковой связи и стоили непомерно дорого.

Мы ехали по шоссе E853. Построено основательно — в жилых местах полосы разделены высоким барьером, чтобы люди не ходили. Несколько раз видел картину — мужчина с авоськой или бабушка с клюкой стоят, ждут, когда можно перебежать через дорогу. Дом на одной стороне, магазин — на другой, а переходов не запланировали.

В Албании очень любят продавать бензин и мыть машины. Во всяком случае, такие заведения попадались на пути чуть не каждые пять минут. Из Греции выехали рано утром, еще семи не было, а в Дюррес приехали часам к пяти. По пути были горные серпантины, на них не разгонишься.

В разгар сезона на пляжах Дюрреса — военный порядок. Лежаки и зонтики стоят стройными рядами от гостиниц до воды. Рядов по 15 получается. Отдыхайте, граждане.

В октябре, еще не холодно, но уже не жарко. Пляжи пустовали, в ресторанчике железобетонной гостиницы было безлюдно. Солнце клонилось к закату, в душе росла тревога. Как мы найдем дорогу в темноте без навигатора?

На пляжах Дюрреса — военный порядок

Архитектура

Этих архитекторов я называю — «внебрачные дети Корбюзье».

Ле Корбюзье, их идейный отец, был пионером архитектурного функционализма (открытый план, сквозные вестибюли, неотделанный бетон).

Это учение очень пришлось по вкусу социалистам, мыслившим в масштабе народных масс, а не отдельного человека.

Ле Корбюзье, однако, вырос из стиля «Ар Нуво», гибкой красоты природных линий и до бетонного брутализма дошел только в конце своей карьеры в 1950-х годах. Его «внебрачные дети» с этого брутализма начинали. Функция выходила на первое место, подавляя все остальное.

Как это у Бродского:

У Корбюзье то общее с Люфтваффе,
что оба потрудились от души
над переменной облика Европы.
(«Роттердамский дневник»)

В бывших соцстранах такое архитектурное уныние особенно заметно.

Албания, одна из самых бедных и самых социалистических стран, получила наследие, богатое эстетической нищетой.

У домов, как у людей, внутренняя суть проявляется по мере старения. На одном конце шкалы — Афинский Парфенон, на другом — советские «хрущобы». Бетон стареет некрасиво, с пятнами, подтеками и оголенной арматурой. По ветру вьется серая пыль. Тоска.

Эти мысли роились в голове, пока за окном проплывали городки, куда не ступала нога интуриста и не проезжало колесо машины компании «Гугл» с круговой видеокамерой на крыше.

Ворё, Леже, Шкодёр...

В трудные для водителя минуты меня успокаивает голос из навигатора. Была у нас, довольно долго, предыдущая версия с нервным комментатором, который истерически командовал 'Perform A U-Turn!' «немедленно развернитесь в обратную сторону!».

Мне, как многолетнему автору рок-передач полагалось бы скачать и установить голос Оззи Осборна (есть такой вариант), который пересыпает свою навигацию семиэтажным английским матом, это, наверное, смешно, но не надолго.

Можно зарядить в штурмана Шона Коннери, первого Джеймса Бонда, получать дорожные указания от Клинта Иствуда или Арнольда Шварценеггера, но я любил звучание диктора по имени Тим.

Тим — истинный джентльмен с бархатным баритоном — это лапочка, душка. В перекатах его расслабленных голосовых связок мне слышится счастливое детство в загородном поместье с угодьями, лесные прогулки верхом на своем пони, любящая семья, частная школа, где учеников с младших классов называют на «вы».

Неверный поворот или съезд не на ту дорогу никогда не нарушает благожелательного спокойствия Тима, с ним ты чувствуешь себя обласканным, несмотря на свою географическую тупость.

Но навигатор молчал. Нашему джентльмену не сочинили команды и советы, поскольку ни Албании, ни Черногории (куда мы направлялись) в его электронном мозгу не было.

Село солнце, стемнело. Фары «Мерседеса» выхватывали из окружающего мрака, как из морской глубины, местную ночную жизнь — велосипедиста с копной сена на багажнике или бабку с козой, освещавшую себе дорогу укрепленным на голове фонариком.

Петляя по грязноватым неразмеченным дорогам, которые ведут неизвестно куда, я подумал — тут в самую пору был бы Оззи Осборн со своим обширным непечатным

лексиконом, или, на худой конец, говорящий попугай, который бы гортанно выкрикивал: «Учи олбанский, учи олбанский!»

Знаменитая фраза «Учи олбанский!» — это указание на некомпетентность собеседника. Сейчас, пока мы плутаем по албанской глубинке, мечтая проститься с ней как можно скорее, самое время разобраться с первоисточниками.

У Достоевского в «Преступлении и наказании» есть описание места, где Раскольников прячет под камень украденные у старухи ценности. Там на заборе написано мелом: «Сдесь становитца воз прещено». Это пример эрративной лексики, идущей из глубин народных.

Следующий эпизод — 1916 год, книга Янко Лаврина «В стране вечной войны. Албанские эскизы». Мегаломания автора и его панславянский пафос возмутили группу Петроградских литераторов, они выпустили журнал «Албанский выпуск», где вволю поиздевались над Лавриным.

Вернувшийся с фронта Илья Зданевич, известный деятель грузинского, русского, а позднее и французского авангарда, сочинил заумную пьесу «Янка круль албанский» с такой орфографией: «здесь ни знают албанскава изыка и бискровнае убийства даёт действия па ниволи бис пиривода...»

Язык, придуманный Зданевичем, более 80 лет был известен только заядлым букинистам, но с появлением всемирной паутины он обрел новую жизнь. Впрочем, даже раньше.

В 1972 году вышел русский перевод книжки «Винни-Пух и день забот», там над жилищем совы надпись: ПРАШУ ПАДЕРГАТ И ЖДАТЬ АТВЕТА. САВА ПРАШУ СТУЧАТЬ ЕСЛИ НИ АТВИЧАЮТ. САВА

Чуть позже, в 1994-98 годах в детском журнале «Арбуз» был цикл комиксов про сенбер-ёжа и сиамскую собаку, с текстами в таком же ключе, но настоящий расцвет «олбанского» случился после 1998 года, когда в интернет вышли «кащениты», назвавшиеся в честь московской Психиатрической больницы №1, носившей имя Кащенко.

Нынче мода на «олбанский» прошла, но след, или осадок, от нее в русском языке остался. «Аццкий сотона!» — бормотал я себе под нос, вырливая мимо погруженных в полную темноту селений подозрительного вида и оставляя за собой волну собачьего лая.

Облике, Муриган, Додай...

Наконец — граница! Албанский паспортный контроль потребовал предъявить въездную визу и страховку, которую пришлось оформлять на въезде за 150 евро, я долго не мог найти, рыскал по сумкам в машине, битком набитой вещами, тем самым «13 кубометром».

Наконец, нашел. Уф! Иначе бы сидеть нам темной ночью на албанской границе...

На черногорской, славянской стороне, таможенники прилично говорили по-русски, я с душевным облегчением им все рассказал и показал, мы обменялись шутками, получили напутствие и совет — как дальше ехать на Будву.

Прощай, Албания.

Кстати, албанцы себя «албанцами» не называют. Они называют себя «шчиптар», что значит — «говорящие понятно».

Понятно?

Пара «шчиптаров»

Черногория

С Албанией простились в местечке Додай, въехали в Черногорию (Монтенегро).

Названия пошли понятные, почти родные — Владимир, Братица, Добра Вода. Навигатор на телефоне сообщал, что от границы до Будвы, куда мы направлялись — примерно 70 километров.

По шоссе бы пролетели ласточкой, но тут, на провинциальной дороге E851, особо не разгонишься, к тому же в темноте.

Надо быть внимательным. Несколько раз попадали в ситуацию — сворачиваешь вроде бы на солидную трассу, асфальт, все дела, потом трасса сужается, грязнеет, в одну колею петляет мимо заброшенных построек и, в конце концов, упирается в чьи-то железные ворота. Приехали, ворочай назад.

В Будву приехали к 11 вечера, покрыв перегон Игуменица (Греция) — Албания — Черногория в 544 километра за 16 часов. Я, конечно, люблю водить машину, но не настолько. Нарулился на год вперед.

В Будве надо было найти Славянский Пляж, на котором стоит гостиничный комплекс с таким же названием.

Название это восходит к осени 1938 года. Нацистская Германия захватила тогда Судеты. Возмущенные этим словацкие туристы конфликтовали с отдохавшими немцами. Словаков было больше, они оттеснили супостатов на пляж в старом городе, а на отвоеванной части берега установили табличку «Словенска плажа». Так и пошло.

Прежде, чем рассказать о причине нашего приезда, немного математики.

Вообразите график — рост благосостояния человека в течение жизни. Единого правила тут, конечно, нет, но в среднем кривая поднимается с возрастом.

Представьте еще один график — уровень жизненных сил — тут кривая медленно опускается вдоль оси времени.

Если наложить эти две кривые друг на друга, то в точке их пересечения получим максимум благополучия с еще не совсем растраченными силами.

По мысли организаторов фестиваля это — «возраст счастья» и приглашали на него тех «кому за 50».

Будву выбрали не случайно — это самое теплое место средиземноморья, так что в начале октября там еще вполне можно купаться и загорать. С другой стороны, «большой турист» уже покинул взморье, и гостиница гостеприимно открывала свои двери с большой скидкой.

Славянский пляж

Места для россиян знакомые, в прошлом году в Черногории побывало 220 тысяч граждан Российской Федерации. Такой наплыв устного русского языка — лучший метод распространения отечественной словесности. По-русски можно объясниться почти везде.

Будве — 2500 лет. По легенде, основана Кадмом. Кадм — сын финикийского царя Агенора, а тот был родным сыном бога Посейдона. Зевс дал Кадму в жены Гармонию, дочь Афродиты. На их свадьбе впервые присутствовали все олимпийские боги. Чувствуете, какая родословная?

Если принять, что за тысячу лет наслаивается примерно 3 метра земли, то археологам для выхода на историческое начало надо копать на 7 метров вглубь. Об античных цивилизациях чаще всего приходится судить по тому, что древние выбрасывали, то есть, по их помойкам.

Иногда на помощь приходит природа. В 1979 году в Будве было землетрясение, из разрушенных древних захоронений в местный музей поступило 4 тысячи найденных экспонатов.

До таких исторических глубин средний турист не доходит, ему вполне достаточно погулять по узким улицам старого города, окруженного крепостными стенами венецианской постройки (защищались от турецких набегов).

Сами понимаете, на фоне такой древности, гость фестиваля в возрасте 50+ должен чувствовать себя юным. Для дальнейшего поднятия духа приглашены были артисты и лекторы, которые своей жизнью и деятельностью наглядно показывали, что возраст — вещь относительная. Можно и в 65 дурачиться от души (что демонстрировал гениальный Слава Полунин).

На выступление Славы Полунина я пошел, надеясь набраться от него житейской мудрости. Слава — мастер крохотного жеста, микроскопической мизансцены, ему и говорить то не надо. Из того, что он все-таки сказал я запомнил его главное правило кадровой политики.

«Мы берем на работу человека, — сказал Слава, — только если нам его хочется обнять!»

Фестиваль — это продолжение проекта Владимира Яковлева (основателя издательского дома «Коммерсант» и сайта «Сноб»). Он путешествовал по миру и собирал истории людей, которые живут полной жизнью в свои 60, 80 или даже 100 лет.

«Мы берем на работу человека, только если нам его хочется обнять!»

Эти люди, не сговариваясь, пользуются похожими методами, сохраняя здоровье и активность. Так сначала появился фотоальбом «Возраст счастья», потом вышли книги «Хорошо за 50» и «В лучшем виде».

На фестивале в Будве гостей убеждали в том, что они еще молоды и способны на многое.

Понятно, что старость — не радость. Я, например, всегда говорю, что достиг возраста, при котором почти каждое движение сопровождается звуком.

При этом минувшей зимой ездил на горных лыжах, совершенствовал технику «карвинга», поворота, при котором лыжи не скребут, а врезаются в склон, оставляя четкие закругленные следы. Нагрузка, скажу вам, немалая.

Можно сказать, что идея фестиваля «возраст счастья» нашла отзвук в моем сознании.

Тем более, что сбылись мечты, из которых года два назад сложилась песня со словами в стиле Донского говора:

*Ах, как я бы пел ба, ах, как я играл ба
Как бы я с дивана даже не вставал ба
Ой, как я бы ел ба, ой как я бы пил ба
Как ба на работу вовсе не ходил ба*

Возраст счастья

Черногория, город Будва на берегу Адриатического моря, фестиваль «Возраст счастья» для тех, кому за 50. Организаторы, пригласившие нас с Леликом на бесплатный постой, ничего взамен не просили.

Я рассудил, что психологическая цель фестиваля — это надежда на будущее, мысль о том, что жизнь после 50 с плюсом вступает в ее лучшую стадию. Мы решили стать наглядным пособием. У меня опыт «возраста счастья» — четверть века, у Лелика тоже некоторый стаж.

Мы одевались элегантно, но не броско, и ходили фланировать по дорожкам гостиницы и вдоль морского променада. Смотрите, граждане.

По первой профессии я моряк, море люблю, но жить у моря, особенно около пляжа, ни за что бы не хотел. Душа тоскует, просится на волю.

Не забуду картину: остров Антигуа в Карибском море, гостиница на песчаном берегу. В море, зайдя по грудь, на легкой зыби качаются упитанные тучные интуристы. Их человек 200 или больше. Не слышно веселого смеха, не видно шаловливых брызг, никто не пытается плыть или даже шевелиться, все стоят в воде, как гигантские поплавки, не произнося ни звука. Жуть.

Один конец «Славянского пляжа» упирается в старый город, другой — в нагромождение остекленных строений. Издали они смотрятся странно, но чем ближе подходишь, тем лучше вид. Это отель и апартаменты Dukley.

«Дюклей» в раннее средневековье называли сербское государство, занимавшее эти земли. Новейшую историю «Дюкли» рассказал мне Рустем Адагамов, художник и фотограф, известный в интернет-сообществе под своим ником drугоi. (Рустем также снялся в исторической драме, где играл генерала Власова. Был гостем «Бибисевы»).

Адагамов был знаком с российским предпринимателем Сергеем Полонским, и тот ему описывал — какой роскошный небоскреб за полтора миллиарда долларов он построит на мысе Завала в Будве, как он привезет туда Мадонну и подарит ей виллу в самом красивом месте.

Этот проект Полонского, начатый в 2007, назывался Astra Montenegro. Потом был 2008, кризис. Бизнесменом он оказался странным, просто взял и все бросил.

Отель и апартаменты Dukley.

Сайт РБК писал в 2010 году, что Сергей Полонский потерял свой флагманский зарубежный проект Astra Montenegro на берегу Адриатического моря. Стройка на 1,5 млрд долл. встала, и власти Черногории угрожали снести уже построенные виллы. Спасти ситуацию пытались покупатели. Они предлагали достроить первую очередь проекта, выкупив его у г-на Полонского за 1 евро.

Менеджеры, отвечавшие за строительство, стремительно отбыли в Москву. Суд принял иск от имени двадцати граждан России, понесших ущерб в 12 миллионов — покупатели апартаментов заплатили за свои квартиры от 600 тыс. до 1 млн. евро.

Конец у этой истории счастливый. Проект спасли, гостиницу удалось достроить, правда, без шикарного небоскреба и без виллы для Мадонны.

Судьба Сергея Полонского развивалась как в голливудской драме. В 2012 году он купил себе остров в Камбодже, построил на нем дом, гонял с друзьями по морю в быстром катере. Повздорил с командой и выбросил всех троих за борт, был под судом, но оправдался.

Потом опять попал под суд за нарушение визового режима и тут его передали сначала во Вьетнам, а потом депортировали в Москву, где на Полонского было заведено уголовное дело.

Почти год он находится в СИЗО «Матросская тишина», описывает свой судебный процесс в «Фейсбуке». Как говорится — попал кур в оцип до последнего перышка.

Я описываю эту историю, потому что как раз в отеле Dukley, в детище Сергея Полонского, поселился Борис Гребенщиков с супругой, Слава Полунин с женой, режиссер Сергей Ливнев, галерист Марат Гельман и мы с Леликом ходили к ним на ужины со спонсорами на широкую террасу над морем.

БГ дал два концерта, один в старом городе на открытой площадке под древними каменными стенами крепости, другой — в гостинице «Славянский пляж». Я вышел на сцену, произнес вступительную речь, вспомнил, как Борис в 1989 году приехал в Лондон. Он тогда получил контракт с Columbia Records на запись альбома Radio Silence, продюсером которого был Дэйв Стюарт из Eurythmics.

По такому случаю БГ выдали большой (по нашим меркам) аванс. Он не понес его в сберкассу, а вместо этого снял квартиру недалеко от Гайд-парка и жил там с семьей несколько месяцев, пока не кончились деньги.

По-моему, это поступок настоящего поэта. Я хотя бы половину долларов положил бы под матрас, на черный день. Видимо, поэтому дальше прозы мне никогда не пойти.

Марат Гельман пустил в Черногории корни, и этими корнями достал до животворящей спонсорской влаги. В соседнем городе Котор местные власти отдали ему пустующее здание бывшего министерства морского флота советской постройки, где он устроил большой выставочный центр с мастерскими для приезжих художников. Марат организовал нас на поездку в природный заповедник.

Скадарское озеро тянется от Албании на север, его длина 43 километра, ширина — 26, площадь — 475 квадратных километров. С черногорской стороны все заросло камышом, тростником и рогозом. На воде плавают белые кувшинки, желтые кубышки, чилим.

Попадается уруть, роголистник и рдест. В воде снуют коловратки, вислоусые и веслоногие раки.

Рыба — уклейка, карп, подуст, угорь, лосось, плотва, кефаль, красноперка. 26 видов птиц, включая малых и больших бакланов.

Спонсоры заказали пассажирский катер, на нем накрыли большой стол, обед принесли из ресторана на берегу. Мы ели, пили и плыли.

На катере по Скадарскому озеру

Рулевой и кормчий

Скадарское озеро — это заповедник, точнее: водно-болотное угодье международного значения (по Рамсарской конвенции 1995 года). Мы — на открытой моторной лодке, за накрытым столом. Какие люди!

Доложу вам, однако, что лодка — это не профсоюзное собрание и не оперный зал. Отсюда не улизнешь незаметно, когда надоест. Кругом вода, и, если стало скучно, развлечение приходится искать на борту.

Люди творческие и много знают друг о друге. Кто-то вспомнил про мое морское прошлое, попросили шкипера, и я встал за штурвал.

Главное в работе рулевого — не вилять, вести судно прямо, как по ниточке. Для нашего катера это не столь важно, но когда вы ведете морское судно водоизмещением в несколько тысяч тонн, то всякое вихляние по курсу увеличивает пройденный путь и, соответственно, расход топлива.

В советские времена, когда боролись за звание передовиков и за премии к зарплате, казенную солянку берегли и экономили. Помню, штурман, на вахте у которого я стоял на руле, регулярно выходил на мостик и глядел на след, оставленный за кормой.

Тогда мне только исполнилось 16, отец устроил меня плавать в каботаже (без выхода в заграничные воды) учеником матроса 2 класса. Все знали, что я — сын замначальника пароходства, но поблажек никаких не давали. В те далекие наивные времена еще не знали понятие «стресс», и ставили меня, хрупкого интеллигентного юношу, рулевым на 4 часа без подмены.

Во-первых, попробуйте постоять 4 часа подряд на одном месте. И не просто стоять, и постоянно двигать влево-вправо подпружиненный рычаг управления рулем. Эта палка замыкала электрический контакт, и система двигателей меняла положение руля. Пружины были тугие, к концу вахты руки болели.

Но главное было не в этом. Все эти 4 часа надо было внимательно смотреть на картушку гирокомпаса и чутко реагировать на любое ее перемещение, удерживая судно точно на курсе. Вахта была с 8 вечера да 12 ночи. С наступлением темноты неудержимо хотелось спать, тем более что на мостике от электроприборов всегда было жарко.

В ясную погоду ночью можно было отвлечься от компаса и править по звездам.

Эту суровую школу я потом вспомнил лет 30 спустя, когда, уже работая на Би-би-си, в отпуск отправился в море на зафрахтованной в Греции яхте. Суденышко в 27 футов, никакой механизации, все вручную. Управление не штурвалом, а румпелем, это такой рычаг на оси руля. Все Эгейское море пересек, не выпуская из рук этого румпеля. Сидел с засученными рукавами, получил солнечные ожоги рук.

Прелесть яхтенного плавания в том, что при благоприятном ветре ты идешь под парусом. Не тарахтит двигатель, за бортом только плеск волны да шум ветра. Помню, к нам подошла стайка дельфинов и довольно долго нас сопровождала прямо рядом с яхтой.

Мы были в водах, где более 2000 лет назад во время Пунических войн ходили боевые греческие биремы и триремы. На триремах гребцы размещались в три яруса. Самые сильные — траниты — на верхней палубе, на средней ярусе гребли зигиты, а на нижнем — таламиты. Управлял судном кормчий, орудовавший большим укрепленным веслом.

От кормчего зависело очень много, особенно в битве. Его способность правильно вести корабль означала победу или поражение, славу или смерть.

Эта понятие переключалось и в наш век. Не случайно в Китае Мао Дзе Дуна метафорически называли «Великим Кормчим», да и в СССР, помнится, была песня «Партия — наш рулевой!» композитора Вано Мурадели на стихи Сергея Михалкова.

Но вернемся к труду рулевого. Через года два или три после моих мучений на 4 часовой вахте, рулевых стали подменять каждый час, понимая, что сосредотачивать внимание человек долго не может. Потом технический прогресс подарил нам автопилот, систему управления, которая держит курс лучше самого старательного матроса.

Эти устройства становились все компактнее, и в конце 90-х они появились даже на прокатных яхтах. Я всегда выбирал такой вариант. Выбрал курс, нажал кнопку и сиди, поражайся старательному труду авторулевого, который ведет, как по ниточке.

Автопилоты, как известно, давно применяются в авиации, а сейчас они выходят на автотрассы. Совсем недавно закончился пробег в 1200 километров по дорогам Китая. Колонна больших грузовиков для дальних перевозок совершенно автономно, без водителей, прошла весь путь без аварий и происшествий.

С точки зрения Лелика, главное, что такие фуры не будут обгонять друг друга и создавать опасность для нас, автолюбителей.

Грузовики с автопилотом шли ровно, без превышения скорости, безошибочно ориентируясь на местности, не требуя отдыха или остановки по нужде.

Это значит, господа, что профессия шофера-дальнобойщика постепенно уходит в прошлое, а с ней уходят в прошлое все сопутствующие заведения и услуги — от придорожных закусовых до подружки на час.

В сфере общественной мы также видим, что партия — уже не наш рулевой. Конечно, есть по-прежнему Кормчий, который ни днем ни ночью не выпускает из рук штурвала.

Кормчий видит, что общественный автопилот уже появился, что он ширится и крепнет, что нужда в нем самом тоже понемногу уходит, что люди начали самоорганизовываться через социальные сети и процесс этот, видимо, уже не остановить.

Разные мысли приходят, когда стоишь за рулем.

Разные мысли приходят, когда стоишь за рулем

Марат Гельман

Черногория, Будва, фестиваль «Возраст Счастья».

Неутомимый Марат Гельман организовал нас, рассадил по машинам и повез в близлежащий Котор, старинный город и порт.

С Маратом я познакомился в июне 2013 года, когда вместе с моим библиотечным коллегой, Зиновием Зиником, ездил в Пермь на фестиваль «Белые Ночи». Гулянья там были эпические, три недели подряд. Музыканты из разных стран, уличные театры, рок-концерты, традиционные ремесла, художественные выставки.

Собственно, сам фестиваль был оформлен как уличная выставка Музея Современного Искусства, созданного Гельманом. Марат тут же потащил нас по городу, показывать свои любимые объекты.

Жук-скарабей, катящий навозный шарик из автомобильных покрышек, или огромная буква «П» из еловых баланов, круглых бревен без коры.

Жук-скарабей, катящий навозный шарик из автомобильных покрышек

Конструкцию «Пермские ворота» открыли в июне 2011 года и ее автор, Николай Полисский, пояснял тогда журналистам, что его поразила река Кама, обилие лесов, и что раньше по Каме эти леса сплавляли.

Особый шик среди молодежи — это оставить автограф на самом верху,
на 20-метровой высоте

Я увидел памятник после посещения музея «Пермь-36», бывшего лагеря строгого режима, где воссозданы все подробности жизни и быта эков, включая ШИЗО и ПКТ. В гигантской букве «П», оцетинившейся бревнами, как завал на лесосплаве, предстал мне масштаб лесоповальных работ, размах рабского труда заключенных.

Марат рассказал, что на бревнах любят расписываться посетители, а особый шик среди молодежи — это оставить автограф на самом верху, на 20-метровой высоте, куда можно вскарабкаться, если хватит смелости.

В большом шатре, где мы с Зиником выступали, была выставка художников. Одного беглого взгляда была достаточно, чтобы понять, что добром все это не кончится.

Страна тогда готовилась к Сочинской Олимпиаде, можно сказать, в едином порыве стремясь показать всему миру свои достижения, а тут...

Красноярский художник Василий Слонов, например, выставил серию работ «Добро пожаловать в Сочи!». Чебурашка, показывающий страшные клыки из-под маски милого существа, топор, вонзенный в белую березку (символ России, я полагаю) из которой сочится кровь и т.д. Были еще две коллекции в таком же духе.

Все это дошло до Министерства Культуры, и оттуда пришла директива — мятежных художников убрать. Скандал разворачивался прямо у нас на глазах.

Представьте — вы работали несколько лет, не покладая рук. Вам повезло — попался на недолгое время продвинутый и понимающий губернатор, в результате — в далекой столице Пермского края, доселе известного в основном по вымершим животным с шикарными именами (хищный дейноцефал титанофонеус, скутозавр, кератоцефал, или представитель группы зверозубых горгонопсов) — появился Государственный Музей Современного Искусства.

Под него отдали здание бывшего речного вокзала в красивом месте над рекой, здание отреставрировали и торжественно открыли в 2009 году. Началась бурная деятельность, связи с музеями, выставки, обмены. Марат Гельман стал директором музея. Он провел немало времени за границей, и знал, как подать проект. Журналисты писали, что «Пермь появилась на культурной карте Европы».

Пермяки гордились музеем, Гельман стал уважаемой фигурой. Сидеть бы ему в своем директорском кресле долгие годы, купаясь в лучах. Тем более, что годы — директору в то лето было за 50.

Понятно, что для стратегической победы приходится порой делать тактические отступления.

Я, например, ради успеха общего дела на конфликт с министерством бы не пошел. Но не таков Марат Гельман.

»

WELCOME!

Slonov

SOCHI 2014

Выставки (запрещенные министерством) — написал он в своем блоге в те дни, — открываются. Чиновники должны понять, что цензура не только незаконна и контрпродуктивна, но и невозможна сегодня».

Вполне в ленинском стиле.

Новоявленного Ильича тут же уволили и пермский период для нашего героя закончился.

Марат Гельман — человек общественно искушенный, он был членом Общественной палаты, создавал «Фонд эффективной политики», работал зам Генерального директора «Первого канала».

Из этого я делаю вывод, что его действия летом 2013 года были поступком продуманным и принципиальным. Более того — он вел себя по законам Искусства, законам неписаным, но художникам понятным.

Самое страшное для художника — предать себя, то, во что веришь, потому что невидимая связь с Высшей Силой тут же обрывается.

К примеру, я, со своими рассуждениями о тактическом отступлении, быстро превратился бы в ископаемое пермского периода.

Акт второй, поднимается занавес и снова, два с лишним года спустя, неутомимый Марат ведет нас по своему хозяйству. Живописный Котор, горы над заливом, а среди гор, прямо у моря — бывшее морское пароходство (мне нравится доминирующая тема водного транспорта!), переданное под Музей Современного Искусства.

Пустое здание музеем быть не может, надо собирать или создавать коллекции, поэтому правительство учредило стипендии для художников (1100 евро на жизнь и 300 евро на материалы). На всех этажах здания, в бывших кабинетах управленцев, сидели-творили счастливые люди, перепачканные красками.

Почему-то вспомнились лекции по диалектическому материализму, на которых нас учили, что «материя первична, сознание вторично». Действительно, человеческое сознание может исходить только из материально обеспеченной головы.

С другой стороны, именно воображение, мечта, художественный порыв и непонятное устремление, то есть, явления нематериальные, дают материальные и осязаемые результаты.

В Черногории это, как будто, понимают.

Насчет Перми ручаться не могу.

Что пьет железный конь

Фестиваль «Возраст счастья» в Будве (Черногория) закончился вечерним концертом. На пляже построили сцену, вокруг расставили столы с белыми скатертями, наготовили множество кушаний.

Я много лет провел на гастролях и знаю, что публику надо подготовить, «разогреть». Люди должны понимать — кто перед ними выступит, ощутить важность и неповторимость события. Как говорил один известный персонаж на телевидении — «дать установку».

Выступала замечательная Нани Брегвадзе, народная артистка СССР, знакомая мне по памяtnому «Севаобороту» 2004 года в большой студии Би-би-си в Буш-хаусе. Сами понимаете, что это давало мне моральной право выйти на сцену и произнести речь.

Были аплодисменты, цветы, ностальгические улыбки и слезы. По фотографии понятно, что со светом, с освещением сцены, организаторы немного подкачали, выступавшую Нани Брегвадзе было хорошо слышно, но плохо видно.

Наутро мы простились с гостеприимными хозяевами, погрузили пожитки в «Мерседес», и тронулись в путь. Дорога дальняя, на греческий город Тессалоники, через Албанию, Косово и Македонию. От Будвы по шоссе E762 на Тирану, не доезжая до Тираны перейти на E851 на Приштину, не доезжая до Приштины повернуть на Скопье.

Албанию и Косово проехали без остановки, без оглядки, в Скопье останавливаться тоже как-то не захотелось. Заночевали в тихой семейной гостиничке в пригороде, заказанной накануне. Нумерация домов в этой местности неотчетливая, поэтому нашли наш пансион только с третьего захода.

Встали рано. Очень манила Греция, непонятно почему. На подъезде к Элладе остановились — размять ноги, перекусить, сделать снимки.

Тут я хочу сообщить, что сотовый смартфон тихо следит за каждым вашим шагом и заносит в описание всякой фотографии ее точное время и место.

Например, могу с уверенностью сказать, что этот снимок сделан 19 октября 2015 года близ Валандово, Македония, в 15 часов и 22 минуты.

Не знаю, помнит ли «Мерседес» все текущие операции, скажем — когда в него заливали бензин, но я ту заправку запомню надолго.

В Англии на бензоколонках предлагают два вида «петроля» — unleaded и super unleaded, я всегда пользовался первым, без проблем. Он соответствует европейскому бензину 95, что я и просил. В Англии это делаешь сам, но в Македонии тебя к аппарату ни за что не подпустят. Дело ответственное, нужен профессионал.

Этот профессионал, однако, то ли устал, то ли халатно отнесся к своим обязанностям, только он не довернул крышку бензобака до конца. Так, чтобы она щелкнула. В неплотно закрытую крышку стал поступать воздух, кислород, чувствительный датчик «Мерседеса» уловил это и выдал грозное предупреждение CHECK ENGINE на приборном пульте.

Все эти технические подробности я выяснил потом, а сейчас, в глубинах славянской Европы, в полной зависимости от своего железного коня, я получаю от него такую жуткую жалобу.

Напомню читателям, что предыдущий мой автомобиль, «Ровер-75», дважды умирал, захлебнувшись водой из системы охлаждения. Однажды натерпевшись страха, об этом забудешь не скоро.

Кровь бросилась мне в голову. Что значит — CHECK ENGINE! (ПРОВЕРЬ ДВИГАТЕЛЬ)?

Я остановился на обочине, открыл капот. Двигатель, вроде, на месте, крутится, фырчит. А вдруг он тоже собирается захлебнуться, как «Ровер»? И как мне его проверять? Лихорадочный поиск в толстой книжке Owner's manual (инструкции по эксплуатации) ничего вразумительного не дал.

Так и поехали дальше, все на нервах. В тот же вечер, как только появился интернет, я отыскал где-то в Америке службу вопросов-ответов. Регистрируешься, платишь денежку, и служба тут же находит тебе специалиста. Это может быть адвокат, доктор или автомеханик. Далекий неведомый мне гараж из Пенсильвании сообщил мне, что, быть может, крышка бензобака не докручена до конца и что «Mercedes S320» 2000 года может реагировать на подобную мелочь.

На центральной площади македонской столицы, Скопье, стоит памятник, официально называемый «Воин на коне». Высота — 22 метра, расходы на его возведение — монументальные. Что за воин, на каком коне? Внешность узнаваемая, как у воина, так и у коня. Это — Александр Македонский на своем Буцефале.

Отчего такая недосказанная скромность? Сосед, Греция, все последние годы, с самого провозглашения независимости Македонией в 1991 году, возражала против названия республики. Македония, как считают греки — это царство Филипа Второго, отца Александра Македонского, поэтому присваивать себе чужую историческую славу — нехорошо.

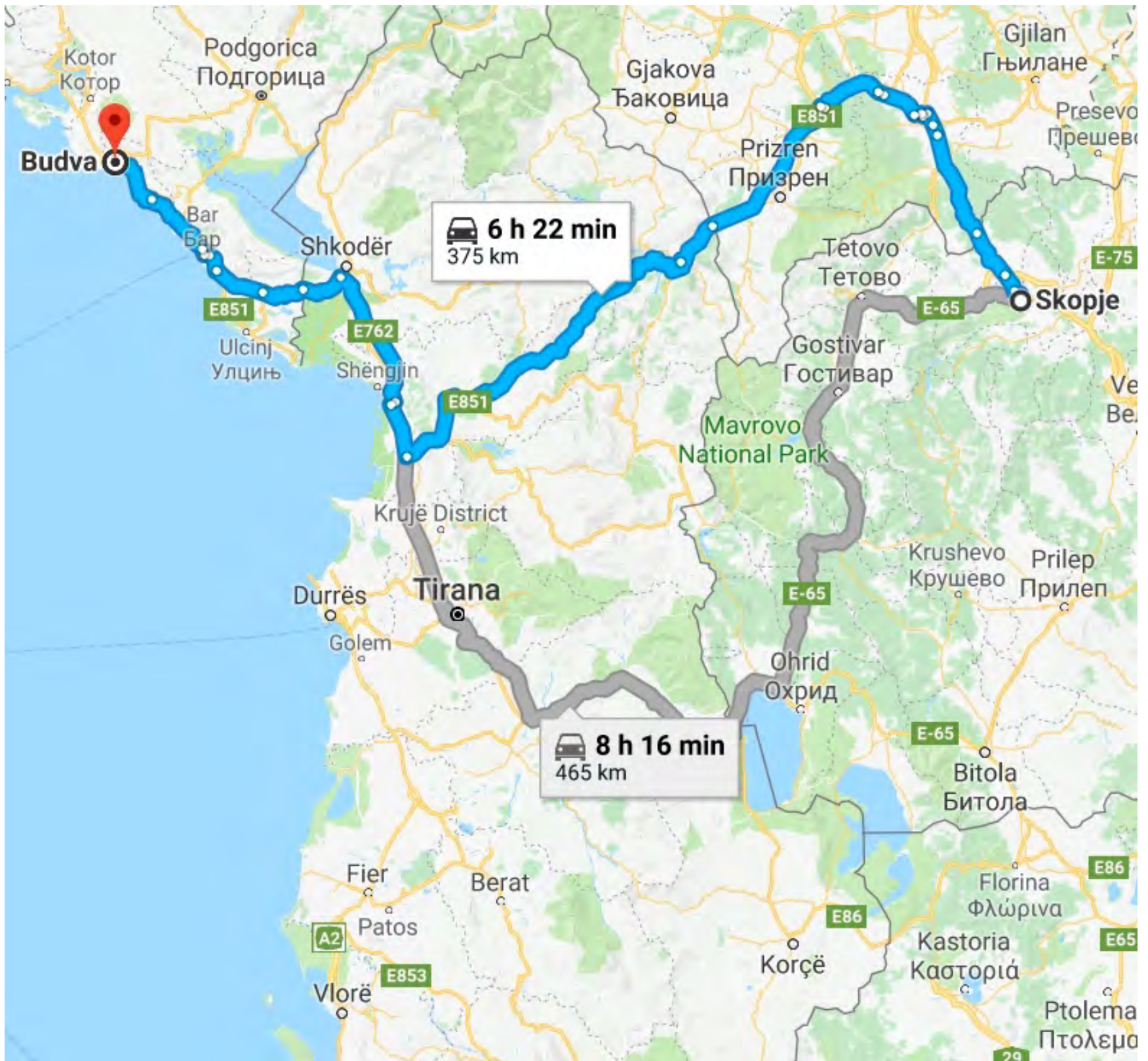
”Воин на коне”

Македонские историки, со своей стороны, указывают, что древняя Македония простиралась от Адриатического моря у острова Корфу, граница ее поднималась на север до Охридского озера, опускаясь по дуге к Средиземному морю в районе современного греческого города Кавала к востоку от Тессалоники. Таким образом, южная часть нынешней Македонии входила в состав античного царства и древне-македонская слава — тоже наша.

Македонскому народу надо знать свое героическое прошлое, поэтому новый стадион назвали именем царя Филипа Второго, а столичный аэропорт в Скопье — АЭРОДРОМ АЛЕКСАНДАР ВЕЛИКИ.

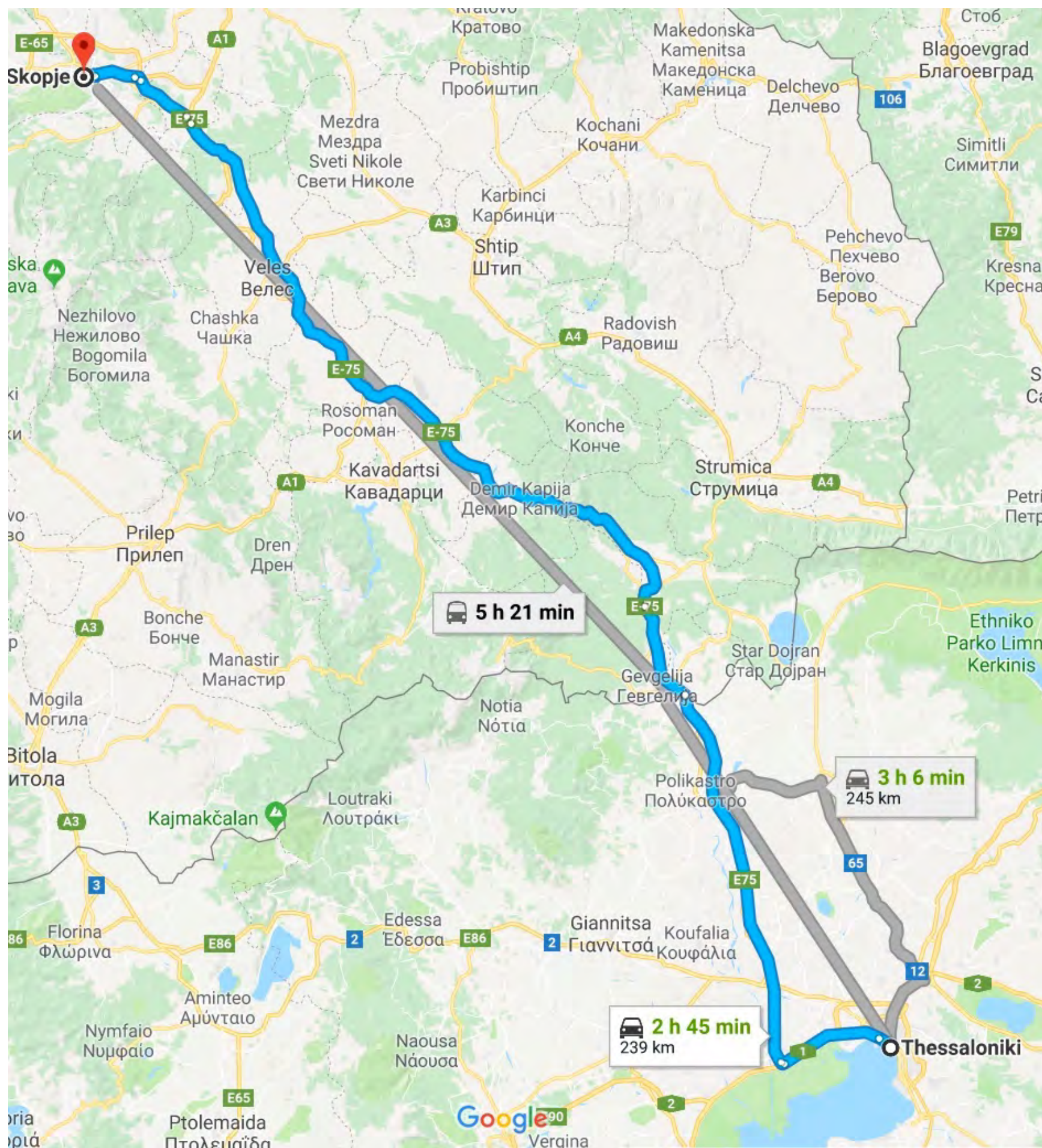
Это напоминает мне старый анекдот: соревнуются две археологические экспедиции. Одна раскопала древний череп и объявила — это череп Александра Македонского.

Другая нашла маленький череп и заявила, что это — череп Александра Македонского в детстве.

Перегон Будва — Скопје

Греция

«Мерседес» пожирал километр за километром по пути на юг, в Грецию. То, что путь лежал на юг, было видно не только по карте. Езда по карте — это, так сказать, теория — потому что порой думаешь, что едешь на юг, а на самом деле движешься на север. Видно было и по приложению на мобильнике, на цифровом компасе.

Я понимаю, как работает магнитный компас: картушка на игле плавает в 40% растворе спирта, то есть, в водке, и постоянно показывает на магнитный полюс земли. В истории мореплавания известны случаи, когда моряки тайком выпивали содержимое компаса и наливали в него воды. Игла ржавела, прибор показывал неправильно, судно сбивалось с курса.

На смену пришел гирокомпас. Гирокомпас — это, по сути, волчок, гироскоп, раскрученный до 20 тыс. оборотов в минуту. Он заключен в металлическую сферу, подвешенную в соляном растворе, по которому поступает ток. Однажды направленный на север, гироскоп держит ориентир. Вещь надежная, содержимое пить не станешь. Запивать им, правда, можно.

Каким образом мобильник знает — где север, а где юг — понять трудно, а главное — не важно, поскольку цифровые технологии есть изобретение изощренное и бездушное. Как говорится, ни выпить, ни закусить.

За окном мелькали дорожные указатели — Дрен, Удово, Миравци, написанные родными, с детства знакомыми буквами. Пересекли границу Македонии и Греции и пошло — Евзоной, Пефкодасос, Кастанас. На латинице еще можно прочесть по складам, но письменность Эллады мне пока не дается.

Вспоминаю одного американского туриста, у которого я был переводчиком. Глядя на вывески и транспаранты, которыми был богат Ленинград 60-х, он с искренним порывом поведал мне, что очень хочет выучить русский и добавил — «Вот только если бы мне удалось освоить ваш алфавит!»

В отношении греческого алфавита я чувствую себя тем туристом. Знаю, конечно, бета, гамма и дельта, но как только доходит до ипсилона, каппы и омикрона, понимаю, что в жизни мне предстоит еще многое узнать.

Помните из Нового Завета — «Я есть альфа и омега?». Получается, что Иисус Христос, арамей по национальности (говорил на арамейском), отлично знал греческую письменность, как, впрочем, и его ученики.

Ко времени жизни Христа греческий алфавит существовал более восьми столетий. Такое постоянство дает жителям Греции связь времен, они могут читать надписи древних предков.

Есть старинный камень, на котором высечено название города, в который мы ехали — Фессалоники. Фессалоникой звали кровную сестру Александра Македонского, она вышла замуж за царя Кассандра, а тот в 315 году до нашей эры основал город на берегу моря и назвал его именем супруги.

По-русски он называется проще — Салоники. В школе я думал, что это город где много салонов. Поскольку они маленькие, то это не салоны, а салоники.

На самом деле, это так южные славяне сократили, отбросили неудобный для произношения слог «Фес». Иные племена пошли еще дальше, называли город — «Солунь» (отсюда — Св. Дмитрий Солунский)

К IX веку нашей эры, то есть 1100 лет спустя после основания, Фессалоники был двуязычным городом Византийской Империи, кроме греческого там говорили на солунском диалекте. Это язык драговитов, ваюнитов, смолян и других южнославянских племен.

В родовитой и богатой семье фессалоникийского друнгария (офицера при губернаторе) было семеро сыновей, старшего звали Мефодий, младшего — Константин (по крещению — Кирилл). Они владели славянским языком, как родным. То ли у приятелей научились, то ли язык был в семье.

Святые Мефодий и Кирилл

Братья получили блестящее образование. Мефодий дослужился до чина Стратега Словинии, после чего постригся в монахи, а Константин (Кирилл) пошел по духовной стезе, был Патриаршим библиотекарем, с высокой должности убежал в монастырь, через полгода его разыскали и уговорили вернуться в Константинополь, где он стал преподавателем в Магнаврском университете. Получил прозвище «Константин Философ»

Два брата, вместе с четырьмя учениками, по поручению императора Михаила Второго, разработали для моравского князя Ростислава славянскую письменность дабы «В свои язык истую веру сказать».

Так в 863 году появилась «Глаголица». Помните — Аз, Буки, Веди, Глаголи, Добро...

Из глаголицы выросла кириллица, из кириллицы — современный русский алфавит. Библейское выражение — «Я есть Альфа и Омега», в буквальном переводе на нем звучит как — «Я есть «А» и я есть «Я».

Понятно, что Салоники хранят память о своих славных сыновьях, причисленных Православной Церковью к лику Святых.

И все же образ Александра Македонского как-то понятней, ближе, что ли. Святым он, конечно, не был, но при этом чуть сам богом не стал. Друзья воспротивились.

Памятник Александру стоит на набережной, на самом видном месте. Видно, что стремян тогда еще не изобрели, и непонятно — как всадник удерживался на коне без седла, да еще при этом рубил мечом направо-налево, покоряя пространство от Египта до Индии.

Из современных достижений Салоник отмечу длинную и широкую набережную (4 км X 50 м). Публика гуляет, бегают трусцой, катаются на велосипедах, ловит в море рыбу, сидит в ресторанах.

Впрочем, в ресторанах народ сидит не только на набережной. Вдоль главных улиц идут сплошными рядами предприятия общественного питания, в которых все столики и все стулики заняты с утра и до вечера. Тут, можно сказать, и куется главный объем валового национального продукта.

Кроме того, люди общаются, обсуждают, дискутируют. Демократия в действии.

Демос жил, демос жив, демос будет жить.

Набережная в Салониках

Золото царя Филиппа II

Путешествие наше подходило к концу. До последней точки в Родопских горах оставалось 325 километров.

Покидая Салоники, еще раз проехали мимо памятника Александру Македонскому.

Когда Александр появился на свет, его отец, Филипп Второй, был на войне.

В один день с гонцами пришли три вести — что его любимый генерал Парменио одержал победу в битве с иллирийцами, что его кони стали чемпионами в гонке колесниц на Олимпийских играх и что у него родился сын, Александр.

Потом стало известно, что в день рождения Александра (с 20 на 21 июля 356 года до нашей эры) сгорел знаменитый храм Артемиды Эфесской, одно из семи чудес античного мира.

Плутарх по этому поводу заметил, что Артемида была слишком занята родами Александра и пропустила пожар.

Корона и ларец Филиппа II

История известная: некий тщеславный гражданин по имени Герострат поджег храм, желая прославиться любой ценой.

Герострата казнили, а имя его решили стереть из памяти навечно, в документах о нем говорили только как об «одном безумце».

Александр, сменивший отца на Македонском троне в 336 г до н. э, предложил восстановить храм Артемиды за свой счет, но эфесяне тактично отказались. Строительство (из городской казны Эфеса) началось только после смерти Александра.

Военные успехи Александра Македонского были бы невозможны без армии, которую ему оставил отец, Филипп Второй. Он сделал армию профессиональной (при нем стали служить круглый год, а не в перерыве между посевной и жатвой) и получать жалованье.

Налогов в древней Македонии не было, царская казна пополнялась из доходов с земель, портовых сборов и... золота.

Филиппу Второму удалось получить от афинян территорию с горой Пангеон, а в этой горе открыли залежи кварца с вкраплениями золотых жил.

Экономическая модель была простая: захваченные на войне рабы вручную добывали породу, потом ее крошили, вымывали золото, делали слитки.

Филипп объединял разрозненные греческие территории не только военной силой или хитрой дипломатией, он применял подкуп.

«Не найдется такой крепости, — говаривал Филипп, — которая не открыла бы свои ворота перед моим осликом, груженным золотом!»

Демократические Афины были Филиппом очень раздражены. Сохранились знаменитые речи Демосфена:

«Если этот человек относится ко всем с такой наглостью теперь, то как вы думаете, что же он станет делать тогда, когда подчинит своей власти каждого из нас поодиночке?»

...Когда-то все греки с воодушевлением относились к свободе, а теперь так покорно терпят рабство. Да, было тогда, было, граждане афинские, в сознании большинства нечто такое, чего теперь уже нет — то самое, что одержало верх и над богатством персов, и вело Грецию к свободе, и не давало себя победить ни в морском, ни в сухопутном бою; а теперь это свойство утрачено, и его утрата привела в негодность все и перевернула сверху донизу весь греческий мир».

Гора Пангеон, сделавшая так много для коррупционного объединения древней Греции, находилась у нас на пути.

Узнал я о ней случайно. Еще на работе, на Би-би-си, я увлекся видеоклипами про старателей. Одни ищут золото, промывая грунт на драгах (как, скажем, на Аляске), другие ходят по засушливым местам с металлоискателем в руке (как в Австралии).

Увлечение мое не прошло мимо внимания наблюдательных коллег. Как говорится в известном «гарике»: человек совсем не одинок, кто-нибудь всегда за ним следит!

В данном случае, однако, это были друзья, на день рожденья они тайком скинулись и подарили мне металлоискатель известной американской марки.

Планируя переезд и маршрут путешествия, я не мог забыть о своей золотой лихорадке. Поиск привел меня в историю древней Греции, к горе Пангеон. Болгары называют ее Кушница, поскольку во времена Великого Болгарского царства она была на их территории.

Я отыскал гору Пангеон, внимательно рассмотрел ее на карте Гугла, в режиме спутника. Видны изгрызенные склоны, видимо, места добычи руды.

Гора находится в 40 километрах от города Кавала, где мы сделали привал на нашей последней финишной прямой. Чудесный приморский курортный и рыбацкий городок на северном побережье Эгейского моря. Туристы, в основном, из Греции, поэтому излишней галантерейности, какую видишь в популярных местах, здесь нет.

В ресторанах кухня простая, традиционная, честная. Несмотря на осень (конец октября), удалось искупаться в море.

Подходила оговоренная дата для конца отделки нашей квартиры, тут уж не до древнегреческого золота, надо было ехать в новую обитель.

Металлоискатель так и пролежал в багажнике, вместе со всем остальным скарбом, вошедшим в историю переезда как «13-й кубометр».

Из Кавалы взяли направление на Ксантию, оттуда идет вновь построенная по Евросхеме дорога на Златоград. Сами понимаете, «город золота» я объехать не мог.

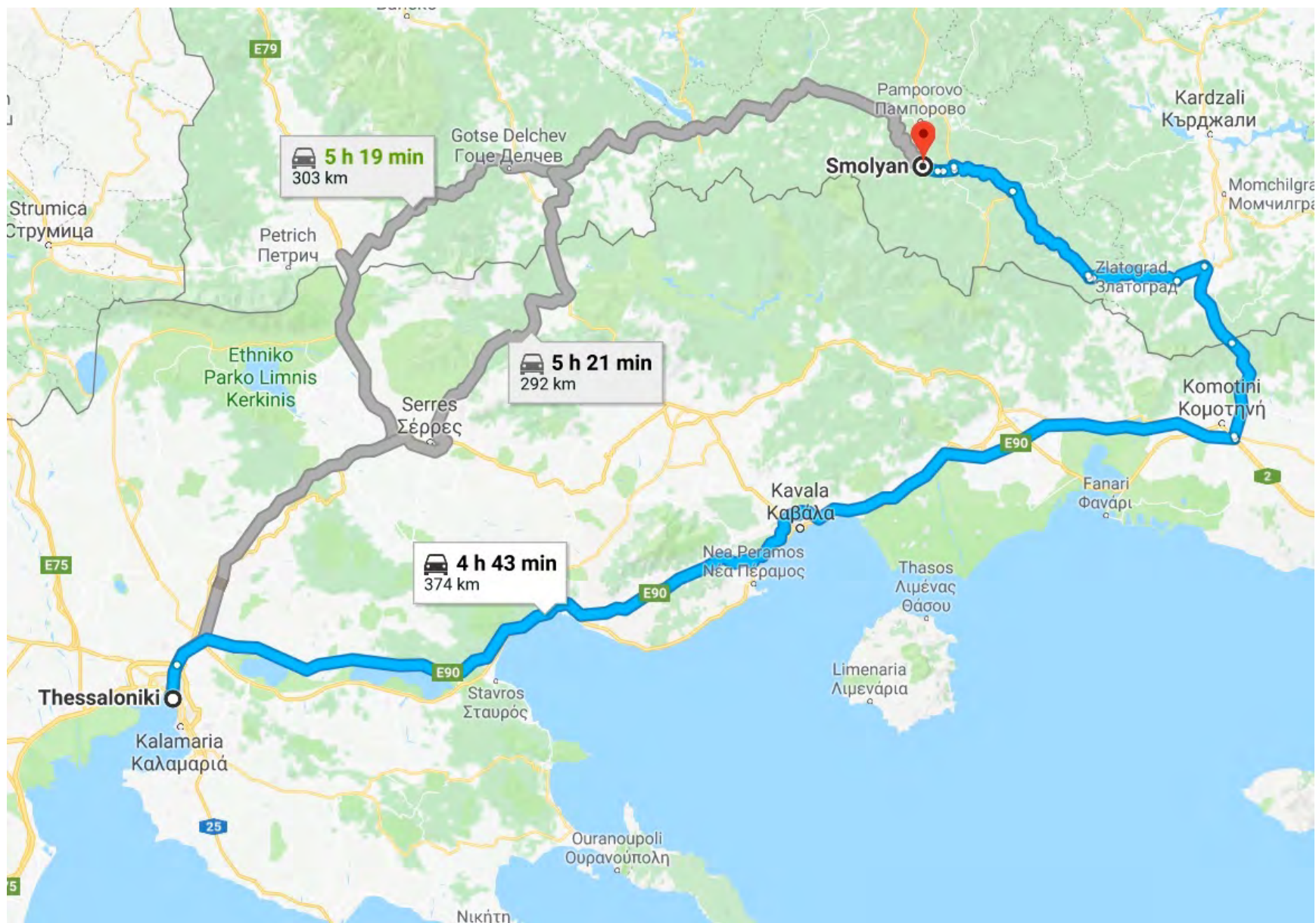
Людам со слабым вестибулярным аппаратом эту дорогу я рекомендовать не могу, но для любителей нетронутой природы она в самый раз.

Серпантин вился среди зеленых гор, не испорченных ни единым строением, устремляясь к Болгарской границе.

На дороге из греческой Ксантии в болгарский Златоград. Автор делает руками букву «М»
(мечта)

Приехали

Перегон Салоники-Смолян

Наконец, добрались. Родопские горы, высота 1525 метров над уровнем моря. Семейная гостиница, задняя половина здания разделена на квартиры. Наша — на последнем, четвертом, этаже.

С ремонтом-отделкой запаздывали, так что еще 10 дней пришлось жить в номере.

Болгарская цветовая гамма — это все оттенки коричневого. Мы же попросили сплошной белый цвет.

«Только белый?» — переспрашивали много раз — давайте, пустим вот здесь коричневую полоску. Красиво! Конечно, красиво, кто ж спорит. Но нам, пожалуйста, все только белое.

Нас потом часто спрашивали — как вы оказались в такой глуши? И почему именно там?

Усталые суслики на новом месте.

Расскажу по порядку. Как это часто бывает, за красивым романтическим поступком стоит сухой расчет, будничные факты. Романтический поступок был наш, а сухой расчет происходил от банка, выдавшего ипотеку на лондонскую квартиру.

Года за полтора или даже два до описываемых событий из банка пришло письмо, извещавшее, что к апрелю 2015 года, то есть, незадолго до моего 75-летия, нужно погасить задолженность по ипотеке. Решение формальное — предельный возраст для займа. Неважно — работаете вы или нет.

Сердце екнуло.

Хорошо сказать — погасить, а там в долг взято столько, что...

Отдать такую сумму совершенно не реально. Единственный выход — квартиру отремонтировать и выставить на продажу. Рассуждаем дальше: продали, с банком расплатились, и что дальше?

Можно, конечно, жилье снимать, но получается унылый круг — ходить на работу, чтобы оплачивать квартиру, в которой жить, чтобы ходить на работу, чтобы оплачивать квартиру.

К тому же, если честно, работать стало тяжело.

В новом здании, куда Русская Служба переехала весной 2012 года, построили так называемый «открытый план». Понятие «план» меня преследовало всю жизнь.

В Советском Союзе это было главное, основополагающее слово. План надо было выполнять всем — заводам, фабрикам, прачечным, концертным залам. За выполнение плана боролись филармонии, мясокомбинаты и танцевальные площадки. План надо было не просто выполнять, а делать это с опережением, обгоняя время. Повсюду висели плакаты: «ПЯТИЛЕТКУ В 4 ГОДА!»

Потом придумали еще «встречный план». Скажем, правительство решает — выпустить 100 тракторов, а рабочий коллектив, посоветовавшись, говорит — нет, 100 тракторов мало, мы предлагаем встречный план в 150 тракторов!

Такая социалистическая небывальщина привела к тому, что народ даже коноплю стал называть «план». Вспоминаю свой скромный поэтический опыт:

*Над фестивальной поляной
дымок струится конопляный
там представители всех стран
раскурят вместе встречный план...*

И вот теперь опять этот «план», на этот раз — «открытый». Для тех, кто это счастье никогда не испытывал, опишу в нескольких словах.

Представьте себе большое помещение без комнат и коридоров. Например, на нашем этаже — это 2 тысячи квадратных метров. Уходящие вдаль ряды столов с компьютерами, а за ними сидят дети разных народов. Африканцы-франкофоны, украинцы, русские, латинос (на испанском), англичане.

Всем все видно и слышно. Глаза в глаза, локоть к локтю, палец о палец. Не скроешь ничего — кто когда пришел, когда ушел. Идет ли в дальнем углу собрание, или на свой день рождения коллега торт принес. Во время школьных каникул, когда ребенка некуда деть, мамы их на работу приводили. Я с ними любил играть, придумывал им задания.

Большой, веселый и дружный коллектив. Человейник. Пчелиный улей, который все время гудит задорным жужжанием жизни.

Невольно вспоминал я свои курсантские дни. Нас, молодых первокурсников, разместили в огромный кубрик, зал, куда помещалось человек пятьсот.

Койки в два яруса. На моей нижней койке сетка продавлена, матрас свисает гамаком, полутемно. Кубрик гудит — казалось бы, спать невозможно. Но — залезешь в свою нору, укроешься до носу одеялом и — чудное успокоение охватывает душу. Гуди, гуди, кубрик, а я посплю.

В бибисейском «открытом плане» спать бы, может и получилось, но писать и думать — нет. Конечно, со временем я научился отключаться, уходить в себя, не слышать ничего вокруг, но нервное напряжение подспудно росло.

К тому же, в 2012 году я отметил юбилей — 50 лет с того дня, как заболел живот. Помню и место и день. Североморск, база Северного Военно-морского флота. Я — мичман-практикант. Недавно лечился, принимал большие дозы советского тетрациклина.

Я належке бегу по морозу в офицерскую столовую, в желудке что-то как будто обрывается, из него под большим давлением идет воздух. И так — последующие полвека. По совету докторов перестал есть сладкое, белый хлеб. С 1982 года не ем мяса. Пью очень умеренно.

От стресса в животе становится хуже, иной раз так прихватит, что ищешь — где бы прилечь на несколько минут. Появляется невольный вопрос — сколько мне еще эту ляжку тянуть?

К тому же, Корпорация взяла курс на закрытие радио. Постепенно все программы упразднили, моя передача (БибиСева) оставалась почти единственной, последней из могикан, пережитком славных времен, которые и помнят нынче только по частушке — «есть обычай на Руси на ночь слушать Би-би-си».

Правда, меня не трогали, никак не намекали, но было ясно, что колесо истории скоро доедет сюда, может подмять и раздавить, так что лучше самому освободить пространство.

Вопрос — куда двигаться?

Мы немало путешествовали, и каждый раз я в шутку спрашивал Лелика — хотела бы ты здесь жить на пенсии? Каждый раз получалось — нет, не хотела бы. Много людей, бетонных строений.

На досуге я стал разглядывать Европу со спутника, выискивая большие зеленые массивы, нетронутую природу. Есть немало прекрасных мест — леса в Германии, горные просторы Швейцарии, но на эти места нужен иной бюджет.

Глаз остановился на юге Болгарии, рядом с греческой границей. Родопские горы, древнеисторическая Фракия. В интернете пишут — тут дешевые дома. Сел искать, и нашел.

Недостроенный дом в тихой деревне, на самой границе. В Грецию можно пешком ходить, если хочешь, по несколько раз в день. И цена подходящая, даже очень.

Я распечатал фотографию этого дома и пририсовывал к нему балконы, навесы от солнца с крупными надписями на французский лад. Фантазировал.

В августе 2014-го полетели в Пловдив, в аэропорту взяли напрокат машину. Чтобы Лелик не нервничал, я забронировал номер в 4-звездочном отеле в горах у озер (Mountain Lake Hotel).

Наш дом был километрах в двадцати. Наутро поехали на разведку. Обычно смотрины дома делают с агентом или с владельцем, но мы решили посмотреть инкогнито.

Поначалу все было красиво, культурно. Ровная дорога через леса и горы, указатели на пограничную деревню. На подъезде к дому картина слегка потускнела. Дорога кончилась, так что последние полкилометра пришлось идти по козьей тропе.

Живых душ в деревне было три человека. Один из них, беззубый старик, гостеприимно протянул нам кружку с водой из деревенского колодца. Кружка была на цепи.

Дом оказался в половину меньше, чем на рекламной фотографии. Пробиваться к нему пришлось через высокий бурьян. Тут года два не ступала нога человека. Представить себя в этом доме и в этой деревне как-то не получалось.

Мы вернулись в гостиницу. Мимо нее проходила широкая гладкая дорога. Решили прогуляться. Неподалеку стоял новый дом с большой зеленой лужайкой, семейный отель. На балконе растяжка: «АПАРТАМЕНТЫ ЗА ПРОДАЖБА» (продаются квартиры).

Мне приглянулась верхняя, с большим балконом под самой крышей. Вид, должно быть, оттуда отменный. «Пойдем, посмотрим?» Испуганный Лелик кивнула головой.

Администратор, миловидная женщина, проводила нас, открыла двери. Квартира была «в кирпиче», просторная, две ванных, отличный вид с балкона. Видно было, что за подвесными потолками скрывается дополнительное пространство.

Решение приняли за 5 минут.

Семейный отель и наша квартира (по центру) под крышей

Нас поразила чистота воздуха, питьевой воды, забираемой из горного ручья, солнце, качество света, виды на громадные скалы, пышное разнотравье, которое не стригут газонокосилкой, дикий лес. Кроме того, рядом лыжный курорт. Неподалеку, в конце прогулочной дороги — подъемник.

Рядом с домом — два озера, большое и поменьше, на лугу паслись белые лошади, как потом оказалось — породистые арабские скакуны.

«Хотела бы ты жить тут на пенсии?» — спросил я Лелика, как обычно.

«Аск!» — задорно сказала Лелик языком молодежного жаргона.

Вернулись домой, в Лондон. Я вступил переписку с сыном хозяина, он знал английский. Позже выяснилось, что сам хозяин, по имени Севда, неплохо говорит по-русски, и я вполне мог бы общаться с ним напрямую. В тот момент удобнее было по-английски, поскольку это язык бизнеса, коммерции и, главное дело, язык покупки недвижимости.

Мы послали небольшой залог, чтобы заверить в серьезности наших намерений, объяснили, что денег на покупку пока нет, но они появятся после продажи лондонской квартиры.

Друзья одолжили нам денег на ремонт и всю осень 2014-го мы делили квартиру с малярами, плиточниками, ковровщиками и монтажниками кухни. К середине декабря все было готово.

Мне несколько раз приходилось продавать и покупать недвижимость. Обычно это делалось через местные агентства. Они присылали фотографа, составляли описание и включали в свои бюллетени, которые стопками лежали на столах или рассылались подписчикам. За эти услуги агенты брали до 1,5% от сделки.

С тысячи — 15 фунтов, с миллиона — 15 000. Наша квартира, конечно, и на полмиллиона не тянула, но все тысяч 6 агентам пришлось бы отдать. При нашем тощем бюджете надо было экономить.

В последние годы появились интернет-агентства. Они брали небольшую фиксированную сумму, поскольку не были связаны ни с какой работой. Они не фотографировали, не составляли описания, не печатали бюллетени и не рассылали их клиентам. Эти агентства просто ставили недвижимость на свой сайт.

В нашем семейном коллективе из трех человек двое — дизайнеры, один — мастер букв. К концу января мы сами нафотографировали квартиру во всех ракурсах, закатах и восходах, зарегистрировали веб-сайт, красиво разместили тексты и выставили на сайте одного из популярных интернет-агентства.

«Зачарованный лес» сразу за домом

Народ сначала кликал, потом залайкал, а вскоре, по договоренности через сайт, пришел и первый покупатель. Точнее, покупателем он так и не стал, задержавшись на первой стадии — зрителя. А вот второй зритель стал покупателем.

Это была молодая китайка, работавшая в крупном международном банке. Она выросла в бедной семье, в тесном жилище, и теперь, осматривая наши 4-метровые потолки, сверкающую лаком белую кухню и ковры персикового цвета, представляла, как она пригласит сюда мать.

Бюджет у нее поначалу не получался, она очень нервничала, писала нам емейлы по сорок раз в день и втянула нас в свой психоз. Пришлось скидывать цену, что нормально, потом еще раз и еще.

К середине декабря все было готово.

Наконец, обменялись контрактами, деньги за квартиру от адвоката покупателя поступили нашему адвокату, и, спустя некоторое время, сделка была завершена. Банк забрал свой кредит, адвокат удержал за услуги и прислал по почте письмо с вложенным в него чеком.

Сумма, с одной стороны, внушительная. С другой — в Англии на нее ничего приличного не купишь. Но на болгарскую квартиру хватало.

Мы переехали в съемную квартирку на нашей же лестничной площадке, где у Лелика была рабочая студия, книги, картины, папки с бумагами, одежда из шкафов завалили одну из комнат чуть не до потолка.

Надвигался день рождения, «июлька». Традиция «июлек» зародилась в 1989 году, когда юные слушатели «Рок-посевов» собрались на стихийный слет. Первая встреча с фанами была летом 1990 года в Москве, от нее идет отсчет. Нынче планировалась 25-я и последняя масштабная встреча.

На вечер 9 июля был объявлен торжественный прием в Королевском клубе The Royal Overseas League. Дресс-код (форма одежды) — парадная, так называемый «black tie», то есть, во фраке.

Фрак, по мысли организаторов (во главе с Алексеем Татищевым), символизировал путь, пройденный фанами от рваных джинсов у дымных костров Подмоскovie до белой манишки и бабочки с фраком в Королевском клубе Лондона.

Зал был украшен футболками, которые почти каждый год придумывали наши дизайнеры. Получилась очень памятная, я бы сказал, историческая встреча.

К середине декабря все было готово

The Royal Over-seas Club. С Андреем Макаревичем (сзади виден Александр Титов с супругой)

В начале августа, ровно год спустя после поездки-разведки поехали платить за квартиру. С помощью хозяина, Севды, открыли счет в банке. Мой английский банк перевел на новый счет деньги. Фунты стерлингов.

Говорю об этом, потому что нам повезло. Фунт в то лето стоял высоко, за него давали 1.38 евро. Годом позже мы бы потеряли тысяч тридцать. Договорились о деталях — белый цвет стен и потолков, паркет из дуба, камин, формы светильников.

И еще повезло. За навесными потолками открылось пространство под крышей. Туда удалось встроить небольшое помещение, примерно 10 кв. м. с деревянной лестницей. Там сейчас мастерская Лелика.

Вернулись в Лондон, и весь остаток августа паковались, укладывали добро по картонным коробкам. Легендарные 12 кубометров.

4 сентября 2015 года, в Пушкинском доме в Лондоне было прощание с Би-би-си, с друзьями и коллегами. Продюсеры подготовили фрагменты памятных радиопередач.

Мне торжественно вручили классический черный плоский микрофон. Такие стояли в студиях Буш-хауса несколько послевоенных десятилетий и, по моему мнению, остаются непревзойденными по качеству воспроизведения звука.

Подарили также именную книжечку в синем коленкором переплете с золотым тиснением, куда коллеги написали всякие хорошие слова и пожелания на прощанье.

Прощание это было, по сути, радиопередачей, которая транслировалась через сайт Би-би-си. Ведущим был мой приятель и коллега, Александр Кан. С благодарственным словом выступила глава Всемирной Службы, Франческа Ансуорт.

Прощание с Би-Би-Си. С Аликом Каном

Вот и все. 38 с половиной лет. В книге жизни перелистнулась страница. Из триады квартира-зарплата-машина, оставалась только машина, старый «Мерседес», на котором было решено пересекать Европу.

Через несколько дней пришел грузовик. Два грузчика с пухлыми животами перетаскали наши ящики и коробки. Несколько вещей были тяжелыми, они надрывались на узкой лестнице. Я не выдержал и преподнес им по 50 фунтов каждому. Не хватало нам еще проклятий от рабочего класса в такой важный момент жизни! Я верю в победу доброй воли.

Впереди лежал путь, полный неизвестности. Жизнь начиналась в 75.

Болгарский уран

Мы повстречались на лесной дороге. Стекавший с горы ручей здесь разливался, образуя болотце. Упитанный мужчина средних лет смешно поднимал ноги, пытаясь не вступить в размокшую глину. Он обратился к нам на болгарском.

«Только English или русский» — ответили мы ему. «А! — обрадовался встречный, — вы русские!» и принялся рассказывать о себе, как человек, который истосковался по общению.

Лесная тропа у “хижи”

Он уже на пенсии, получает 250 евро в месяц, половину денег тратит на своих кошек. Их у него 40. Где они живут? «У меня большая хижа, 60 комнат».

Болгарское слово «хижа» (сходное с русским «хижина») — это горный приют для защиты от непогоды для пастухов или альпинистов в горной местности, вдали от городов или сел. Обычно это маленький домик в одну-две комнаты. А тут — 60.

То, что наш новый знакомый называл словом «хижа» оказалось большим зданием в лесу. Это — бывший санаторий для шахтеров, но шахтеров не простых. Эти люди добывали уран.

Говорю в прошедшем времени, потому что в 1992 году решением правительства вся добыча урана была прекращена. К тому моменту Болгария была на четвертом месте в мире и производила 645 тонн радиоактивного металла в год.

На 48 шахтах работало 13 тысяч человек, еще 30 шахт были в разработке. Обогащительные комбинаты в Бухово (под Софией) и в Елешнице (близ Банско) производили концентрат, так называемый «желтый кек», для отправки в СССР.

В нашей местности часто повторяют историю о том, как грузовик вез урановую руду из горной добычи в Герзовице (под Смоляном), а за грузовиком ехали инспекторы со счетчиком Гейгера и замеряли радиацию.

В районе горных озер радиация со счетчиков исчезла. Пропала.

Владельцы местных гостиниц охотно пересказывают эту историю в своих рекламных брошюрах, как пример необычайных лечебных свойств климата этого края.

Инспекторы со счетчиками ездили не напрасно — радиоактивной грязи было много.

Мне удалось найти доклад группы физиков Софийского университета и Болгарского Института ядерных исследований, составленный в 1991 году, где подробно описана национальная картина радиационного заражения.

На основании этого доклада и приняли решение о прекращении добычи урана.

Логика событий понятна — Советский Союз распался, секретность снята, политического давления больше нет. Нет гонки вооружений, нет спроса на «желтый кек». Пора приводить болгарское Отечество в порядок.

Урановые руды тут обнаружили немецкие геологи в 1938 году, но добывать уран начали только после войны в 1947-м в обстановке строжайшей секретности.

Процесс трудоемкий, хлопотный. В руде содержится не больше одного процента урана, а чаще всего — еще меньше.

Руду дробят, потом гидрометаллургическим способом получают из нее концентрат, порошок желтого цвета.

Остаются отходы. Они радиоактивны букетом излучений тория, урана, радия.

Вспоминается тут Маяковский, его стихотворение «Разговор с фининспектором о поэзии».

*Поэзия — та же добыча радия
В грамм — добыча, в год — труды
Изводишь единого слова ради
Тысячи тонн словесной руды*

Напечатано в 1926 году. Поэт явно смотрел в ядерное будущее.

В 1960-е годы появился метод «подземного выщелачивания». Внешне все выглядит элегантно. Над месторождением бурят узкие скважины, в них подают воду под большим давлением для гидроразрыва пласта. В образовавшиеся подземные трещины подают раствор серной кислоты, он выходит на поверхность и подается в экстрактор.

Нет ни взрывов, ни шума, ни грохочущих грузовиков с породой. Есть, однако, другое — утечка радиоактивной жидкости, которая постепенно проникает в почвенные воды и отравляет все вокруг, прочно и надолго.

Радиацию часто называют «безмолвным убийцей», она невидима, не имеет ни запаха, ни вкуса. Думаю, что у болгарских шахтеров возникали проблемы со здоровьем, во всяком случае, наш лесной санаторий для чего-то построили.

За прошедшие почти четверть века здание обветшало, достигло стадии полураспада. Стены потрескались, оконные рамы выпали, крыша протекла.

В голове невольно возникают картины былого величия: СССР, как оплот против мирового империализма. Ядерные боеголовки ракет. Атомные электростанции. Уран и плутоний. «Желтый кек» из братской Болгарии.

Базис развалился, а надстройка осталась как бы в воздухе висеть. Из всей цепи остался лишь лесной призрак бывшей здравницы. Ведомство, которому она подчинялась, исчезло.

Тот, кто был когда-то директором, так там и остался. Своими руками что-то чинит, латает.

По-прежнему крепко стоят зеленые железные ворота в стиле воинской части 70-х годов, как и раньше, ровно гудит трансформатор в отдельном здании подстанции

В глухом бору бродят кошки, лают сторожевые собаки. Ветераны сюда не приезжают. Говорят, уже и не осталось никого.

А как же наш знакомый? Он ведь тоже из горнодобытчиков?

Местные только рукой машут: «а он,- говорят, — в шахту никогда и не спускался».

Лесной призрак бывшей здравницы

Орфей и Эвридика

Малые города гордятся своими знаменитыми гражданами и стремятся увековечить их память. В центре Смоляна (юг Болгарии, население 30 тыс.), в километре друг от друга, стоят два масштабных бронзовых памятника Орфею и Эвридике с фигурами по 4 метра.

Я немало поездил по Советскому Союзу и понимаю, что, скажем, памятник Ленину в Павлодаре или Нижневартовске вовсе не означает родственных связей Ильича с этими городами.

Поэтому вопрос — какое отношение имеют герои первой советской рок-оперы «Орфей и Эвридика», написанной в 1975 году композитором А. Журбиным и драматургом Ю. Дмитриевым, к болгарской глубинке?

Опера, помнится, гремела аншлагами по всей стране и к 2003-му году вошла в Книгу Рекордов Гиннеса (было тогда сыграно 2350 спектаклей). За эти 28 лет публика хорошо усвоила, что Орфей — это Альберт Асадулин, Эвридика — Ирина Понаровская, а Харон, перевозчик душ умерших через реку Стикс — заслуженный артист Богдан Вивчаровский, игравший эту роль больше 30 лет и потому тоже ставший Гиннесовским рекордсменом.

Авторы рок-оперы (правда, поначалу она называлась «зонг-опера», поскольку слово «рок» было еще не в чести), в застойном 1975 году взялись за эту тему не случайно.

Материал был идеологически безопасный, обкатанный — тут и опера Монтеверди «Орфей» (1607 год), опера Глюка «Орфей и Эвридика» (1762 год), сатирическая оперетта Жака Оффенбаха «Орфей в аду» (1858 год), балет Джоржа Баланчина «Орфей» на музыку у Стравинского (1948 год), а также многочисленные книги, пьесы, фильмы.

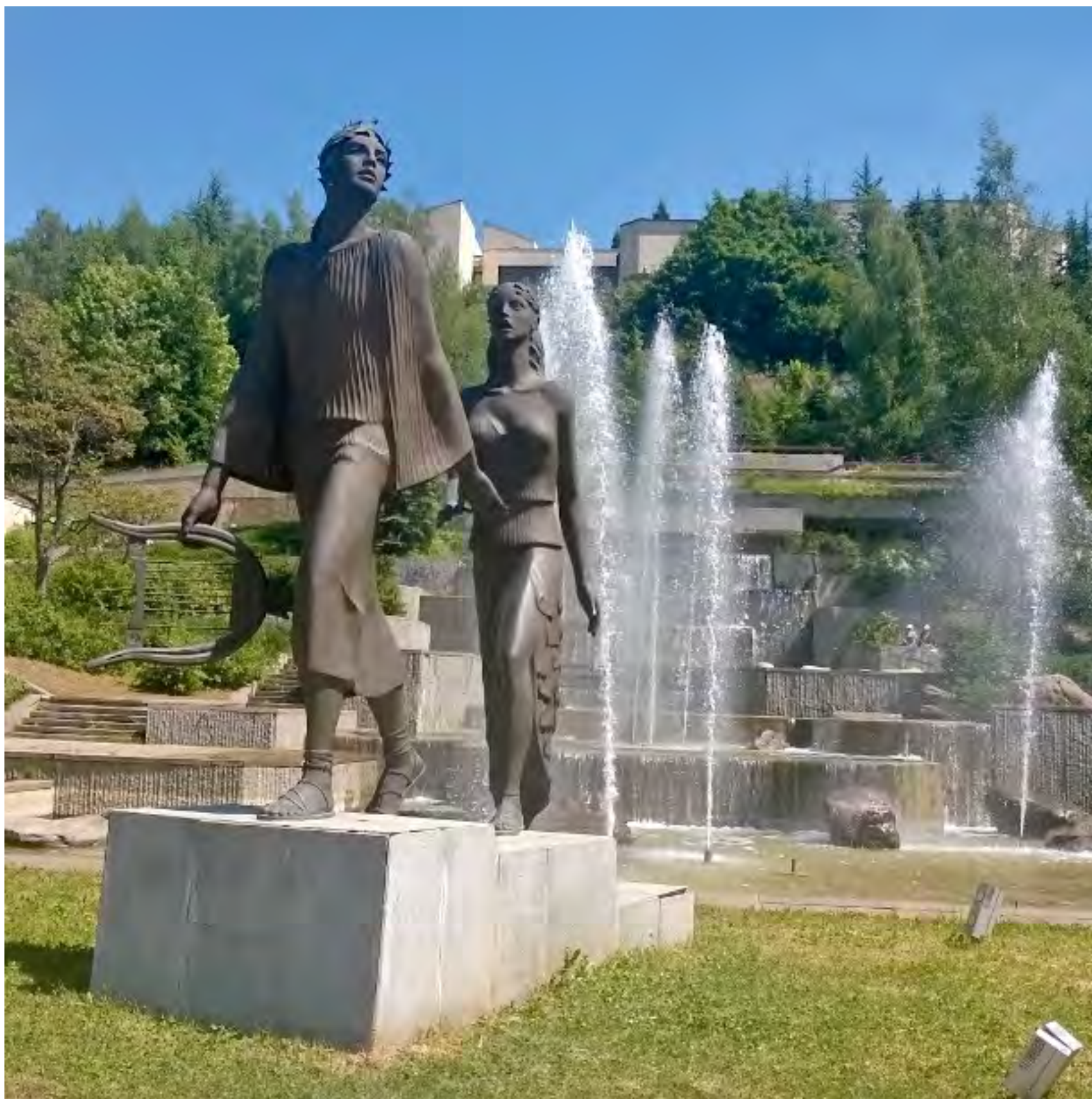
Первым историю любви Орфея и Эвридики описал Публий Овидий Назон, древнеримский поэт, соединивший своей жизнью две эпохи. Родился в 43 году до новой эры, пересек разделительную черту времен и умер в 17 году нашей эры. Знать об этом он, понятно, не мог, поскольку отсчет лет «от Рождества Христова» появился только через семь веков.

Овидий собрал мифы и легенды, герои которых превращались в животных, в растения или горы и сочинил поэму из 15 книг под названием «Метаморфозы».

Он описывает аргонавтов, плывущих в Колхиду (нынешняя Абхазия) за золотым руном. Среди них — Орфей, сын речного бога и музы песнопений. Он играет на кифаре (золотой лире) и очаровательно поет. Точнее — не очаровательно, а «зачаровательно», поскольку от его волшебных звуков все сущее вокруг зачарованно застывает.

Орфей — родом из Фракии. Это для нас архиважно. Древняя Фракия, очерченная на исторических картах, совпадает с югом нынешней Болгарии, а Родопские горы, в которых разыгрывалась мифологическая трагедия — прямо у нас под окнами.

Отвесный утес, хорошо видный с балкона, так и называется — «Орфеевы скалы».

Орфей и Эвридика в центре Смоляна

На болгарской земле люди жили тысячелетиями. В местных археологических музеях можно увидеть немало древнейших раскопок.

Скажем, старейший доисторический город в Европе нашли близ города Провадия, в этой укрепленной крепости в 4700 году до нашей эры жило примерно 350 человек. Золотой клад, найденный под Варной — старее всего, что раскопали у шумеров или египтян. Он датируется 4600 годом до н.э.

Историки также поражаются умением фракийцев находить месторождения полезных ископаемых, а главное — добывать из них металлы без вреда природе.

Поэтому я полагаю, что золотая лира Орфея была тогда — вещь вполне технически возможная. Играть его учил сам Аполлон. Звуками арфы и голоса Орфей мог менять течение рек, передвигать каменные глыбы.

Орфеевы скалы

О девушках и говорить нечего. Юная и прекрасная Эвридика была дриадой, лесной нимфой. Орфей влюбился в нее, Эвридика ответила взаимностью, они поженились.

Счастье их длилось недолго. На зеленом лугу Эвридика собирала весенние цветы, ядовитая змея ужалила ее в ногу и она умерла на руках подруг.

Орфей был в отчаянии, от его горестных песен рыдало все вокруг. Певец не мог смириться с потерей любимой. Он решил отправиться в подземное царство, к замогильным призракам мертвых и просить бога Аида вернуть ему жену.

Орфей спустился в мрачную пещеру Тенара, подошел к священной реке Стикс. Тишина, вокруг только тени умерших. Плеск воды, лодка, а в ней — Харон, перевозчик душ через реку. На просьбу Орфея он ответил суровым отказом, но, в конце концов, не смог устоять перед искусством.

Даже трехглавый пес Цербер, охранявший вход на тот свет, высунул все свои языки и пропустил.

У трона царя Аида Орфей пел о любви, о муках разлуки, о своей тоске по Эвридике. Жена Аида, Персефона, была вся в слезах.

Выражаясь современным языком, подземное царство тщательно засекречено. Живущие на Земле могут о нем догадываться, но подробностей они знать не должны. Возврата оттуда нет.

И все же, Орфею удалось невозможное. Ему вернули Эвридику, правда, только в виде колышущейся тени, сказали, что она обретет плоть и вернется к жизни при одном условии — не смотреть. Не подглядывать. И уж, конечно, не пытаться обнять супругу.

В проводники дали бога Гермеса. Переправились через Стикс, стали выходить из темноты пещеры. Орфей, не слыша шагов позади себя заволновался — не потерялась ли Эвридика?

Наконец, не выдержал, оглянулся и увидел, как ее тень неслышно растаяла в воздухе.

Орфей горевал семь дней и ночей, но потом все же вышел на свет.

Шли годы, Орфей забросил свою лиру, на женщин даже не желал смотреть.

Эти женщины, во время хмельного праздника Вакха, в припадке коллективной злобы и убили Орфея.

Душу его Харон перевез через Стикс и в царстве мертвых теней Орфей, наконец, воссоединился с Эвридикой.

Для вас, дамы и господа, все это — лишь древний миф, популярная легенда.

А у меня перед глазами каждое утро — Орфеевы скалы и вечные горы.

А под ними, где то в глубине, надо полагать — пещера Тенара, река Стикс, лодочник Херон и трехголовый Цербер.

Читая Любена Каравелова

Время шло, мы обрастали знакомыми, начали общаться. Болгары старше тридцати обычно понимают русский, многие прилично говорят. Молодежь изъясняется по-английски, но бывает, что твой собеседник ничего, кроме родного языка не знает.

Пора учить болгарский, хотя бы из уважения к местам, ставшими нам домом.

Опыт изучения иностранных языков у меня есть. В свое время брался за немецкий, итальянский, даже эстонский в школе учил.

Помню, тогда же решил научиться говорить по-английски. В 1955 году, после смерти Сталина, вышел первый англо-русский разговорник, составленный С.В. Неверовым. Стоил он 6 дореформенных советских рублей (инженер получал 1200).

Никогда не забыть мне первые фразы, почерпнутые из этой карманной книжки: «Я приехал в составе английской делегации на празднование Первого мая» или «Мы прибыли в Советский Союз по приглашению Антифашистского Комитета Советской Молодежи».

Короче, как-то не заладилось тогда у меня с английским. Моя сестра, кстати, много лет спустя отыскала этот разговорник и со вкусом зачитывала его гостям.

Говорить же я научился в Высшей Мореходке, в английском драмкружке. Выученные роли, произнесенные со сцены, как будто открыли невидимый замок, и иностранная речь вдруг полилась свободно.

Новый язык — это как новая роль, над ней нужно кропотливо работать, добиваясь перевоплощения. В данном случае, мне предстояло стать болгаринком.

Я решил учиться как младенец. Годовалое дитя ведь не знает об отсутствии в болгарском языке падежных форм глагола, о девяти глагольных временах и четырех наклонениях.

Ребенок слушает, повторяет, а главное — постепенно воспринимает язык как нечто целое, единое, прорастающее в его памяти без грамматических правил, на чистой интуиции.

В нашем городском супермаркете продают все — от персиков до гаечных ключей. Есть и корзина с литературой. Там, среди ярких переводных бестселлеров и углядел я невзрачную книгу в бумажной обложке:

БЪЛГАРСКА КЛАСИКА

ЛЮБЕН КАРАВЕЛОВ

БЪЛГАРИ ОТ СТАРО ВРЕМЕ

На следующий день, утром вышел на балкон, под солнце, начал читать вслух, благо буквы те же.

Слова тоже многие знакомы.

В свое время на основе болгарского Кирилл и Мефодий создали церковнославянский язык, а оттуда до сих пор многое осталось: «аминь, благий, глагол, всуе, ипостась, лепота, свара, челядь, язва».

От языка — сразу в голове картинки. Скажем, советский канцелярит для меня — это унылые бетонные хрущобы, красный кумач лозунгов, 6 дачных соток.

От болгарской прозы повеяло забытым деревенским укладом, общими славянскими корнями, незлобивыми шутками, которые я слышал от своего русского деда.

Любен Каравелов — первый профессиональный болгарский писатель, крупный деятель национального возрождения. Родился в 1834 году, учился в Пловдиве. В 1857 году поступил в Московский Университет, провел в России больше 10 лет. Писал по-болгарски, по-сербски и по-русски.

«Болгары старого времени» написана 1872 году, как мне кажется, под сильным влиянием Н.В. Гоголя. Юмор такой же.

Герой повести, Хаджи Генчо — сельский учитель. Автор неустанно нахваливает нам его достоинства: ученость, трудолюбие, доброту.

Каравелов, как Гоголь, пишет со скрытой усмешкой, потому что за восторженными эпитетами встает образ мелкого деспота, православного ханжи и скопидома, который любит подношения и нещадно таскает за уши учеников.

Вопрос — как я это понял?

В интернете нашел и купил русский перевод текста, а также аудиокнигу в исполнении актера Звезделина Минкова.

Звезделин красивым баритоном учит меня произношению, показывает — где делать ударения.

Русский перевод разъясняет смысл, а сама книга дает мне возможность вообразить себя болгаринном на полчаса.

Каждое утро я читаю одни и те же страницы, вчитываюсь в повесть, и она проступает все яснее, как из тумана.

Встречается, однако, немало сюрпризов, потому что порой слова знакомы, а смысл у них другой.

Скажем, слово «майка» — это не нижнее белье без рукавов, а — «мама», «мать».

«Драка» — это не рукоприкладство, а колючие кусты.

«Направо» — это «прямо»

«Гора» — это «лес».

«Диня» — это «арбуз».

«Булка» — это «невеста».

«Стол» — это «стул».

«Точилка» — это «скалка».

«Кака» — это «старшая сестра».

Имена Петя, Вася, Ваня — исключительно женские.

Читаю повесть с улыбкой на лице, проникаясь симпатией к славянским обычаям, языку и устоям.

Впрочем, если быть педантом, то болгары, носители всех этих славянских традиций, сами славянами не являются.

Есть несколько теорий их происхождения — это были воинственные кочевые племена из прикаспийских степей, либо из закаспийских территорий нынешнего Казахстана.

Некоторые историки ведут линию дальше, в Персию, считая их иранцами.

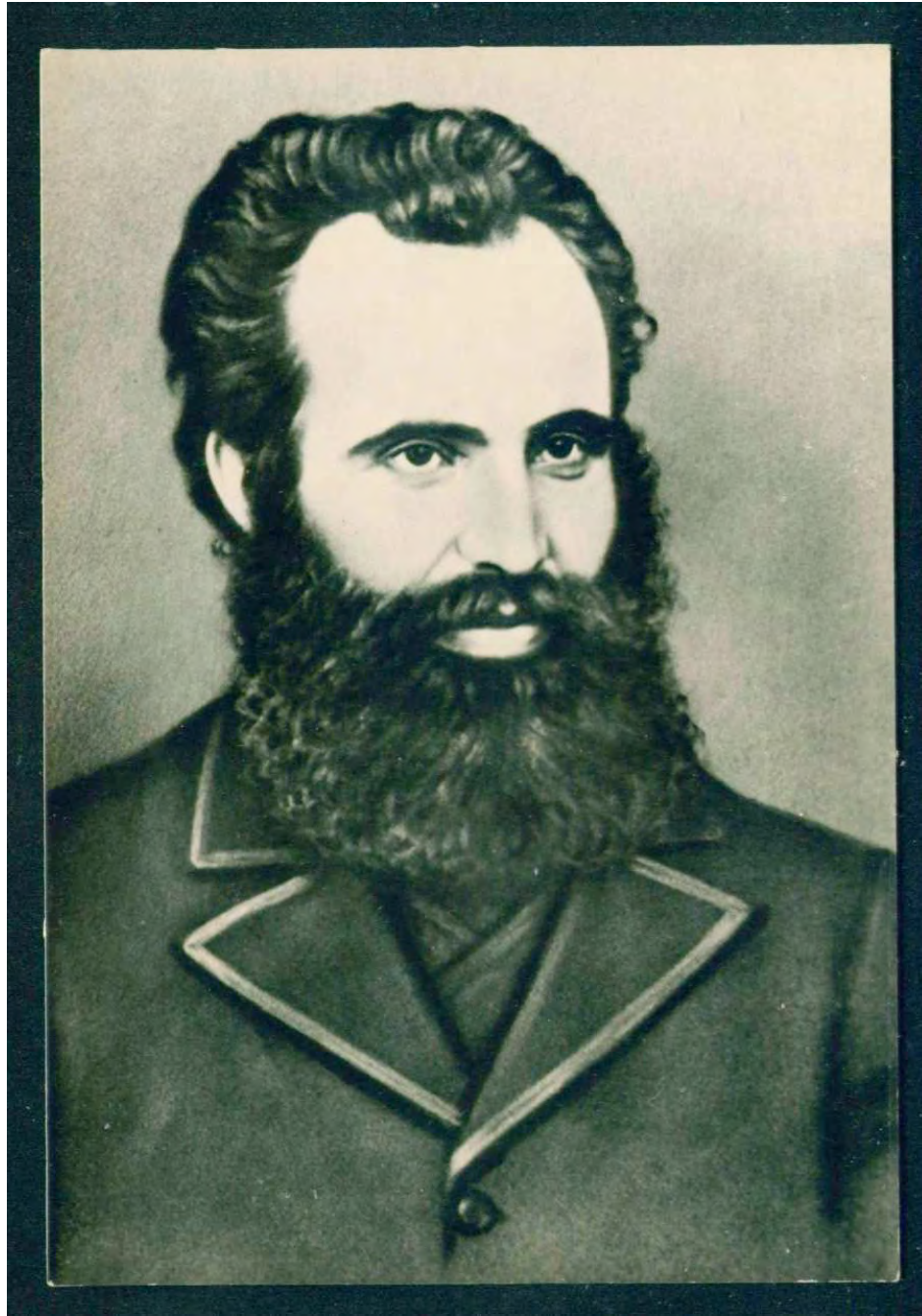
В разное время примыкали к гуннам, скифам. Были на военной службе у Византийских императоров. В 635 году предводитель болгар (тогда их называли гунно-кундуры), хан Курбат, создал Великое Болгарское Царство на территории Крыма и нынешнего Краснодарского края.

После его смерти пять сыновей не выполнили завет отца о единстве, Царство распалось, сыновья разбрелись по свету. Один ушел на Волгу, второй на юг Италии, третий сын, Аспарух со своей ордой пошел на Дунай, где в 650 году создал свое Болгарское царство.

У местных славян государства не было, им пришлось подчиниться. Из аспаруховых болгар, остатков греко-говорящих фракийских племен и славян сложилась болгарская нация.

Гунно-кундуры победили оружием, но славяне победили языком. Все перешли на славянскую речь и славянский уклад жизни. На это ушло почти 200 лет.

Наследственность — вещь устойчивая. Внешне современные болгары похожи на своих предков. Взгляните, например, на сохранившийся дагерротип Любена Каравелова — черная, как смоль, борода лопатой, пронзительный взор. Ни дать ни взять — какой-то ассирийский правитель или персидский царь.

Любен Каравелов

Впрочем, тут я вступаю на опасный путь, потому что нация определяется не внешностью, а общностью языка, территории, экономической жизни и психического склада, который проявляется в общности культуры.

Так нас учил товарищ Сталин.

Потомство жеребца Асуана

Рядом с нашим домом в Родопских горах — зеленый луг, на лугу — круглый загон для лошадей. На этом открытом манеже наш сосед, Атанас, катает верхом, когда есть клиенты.

Это бывает только летом, в разгар туристического сезона, недолго, месяца два. В остальное время Атанас заготавливает лошадям сено, сушит им батоны центнерами, как на армейский батальон, или просто сидит на солнышке.

Людей тут немного, мимо не пройдешь. Мы познакомились, разговорились (Атанас, как многие болгары старше тридцати, говорит по-русски). Он предложил мне сесть на белую кобылу, благо она была оседлана, и сделать несколько кругов по манежу.

После этого я, как порядочный мужчина, просто обязан был поинтересоваться именем лошади, ее происхождением и возрастом. Грациозное существо арабской породы, зовут Мабрука, пять лет. Есть еще одна белая лошадь, Марбела. Имя их начинается с буквы «М», поскольку их прадед — знаменитый жеребец «Момент», а в наименованиях потомков надо сохранять первую букву пращура.

Момент восходит по родословной к легендарному Асуану... Впрочем, расскажу по порядку.

В 1963 году закончилось строительство Асуанской плотины в Египте. Строили ее советские специалисты. На открытие в Каир приехал Никита Хрущев. Президент Египта, Насер, повез генсека на лучший конный завод «Эль Загра».

Хрущев любил охоту, но к верховой езде был равнодушен, однако красота чистокровных породистых арабских скакунов подействовала и на него.

Делегация остановилась у вольера жеребца Рафаата. Не влюбиться в этого коня было просто невозможно. Гамаль Абдел Насер любовался впечатлением, произведенным на гостей.

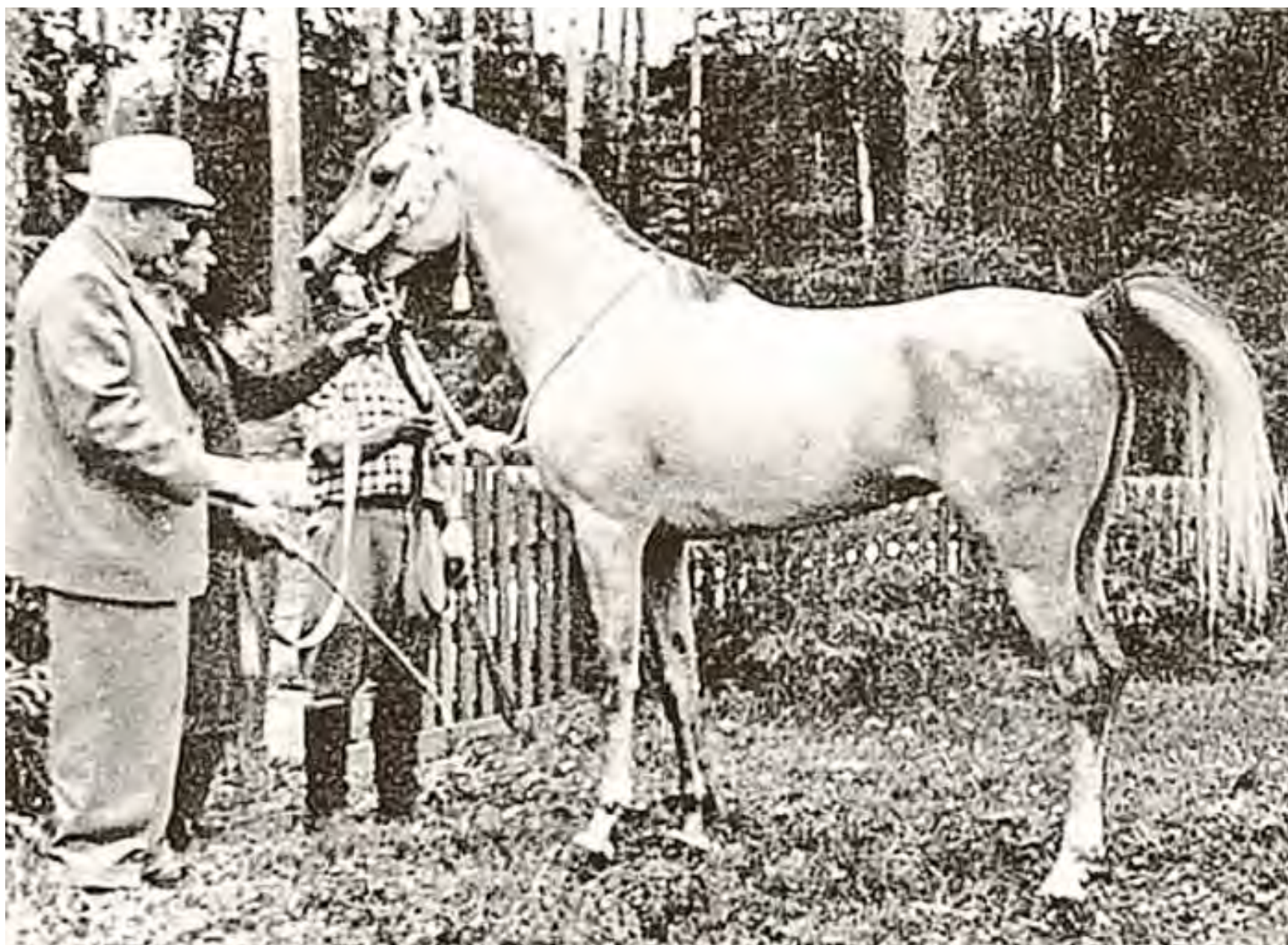
Никита Сергеевич умел хитрить по-крестьянски. Не подавая виду, он простодушно сказал Насеру: «А чего вы мне их показываете? Взяли бы и подарили!»

Насер не мог отказать в просьбе советским братьям, поэтому взял и подарил. Вернее, передал. В зачет государственного долга Египта по строительству Асуанской плотины.

Понятно, что в Советский Союз конь Рафаат приехал под новым именем — Асуан. Асуана отвезли на Терский конезавод (под Минеральными Водами), где он прожил 28 лет и оставил многочисленное потомство, 300 лошадей арабской породы. 180 этих, так называемых «русских арабов» стали международными чемпионами.

Я, Мабрука и Атанас

Хрущев и Асуан

Один из потомков Асуана, жеребец по имени Момент, первый «мальчик» в семье, родился в 1969 году.

В 1972 году Леонид Ильич Брежнев собирался с визитом в братскую Болгарию. Что бы такое преподнести товарищу Живкову? Давайте подарим нашего породистого арабского скакуна!

На заседании ЦК решили — не дарить, а продать. За символическую цену в 10 тысяч левов.

Так Момент оказался в Болгарии, на конезаводе Кабиук. Вскоре потомки Момента уже продавались на международных аукционах по баснословным ценам, и пять лет спустя, в 1977 году, Москва запросила коня назад, так сказать, взаймы.

Через 4 года, в 1981 году, Момент вернулся в Болгарию и его вскоре продали на аукционе в Голландии за полмиллиона долларов (вскоре перепродал в Америку за полтора миллиона).

В 1989 Живков ушел в отставку, советский социализм рухнул. Конезавод превратили в акционерное общество, началась коррупция, бесхозяйственность, и коневодство пришло в упадок.

За эти годы от Момента народился жеребец Майпол, от Майпола — Метроном, а от Метронома — кобыла Мабрука, на которой я проехал несколько кругов по манежу.

Когда я сидел в седле, то в моем сознании, отягощенном исторической памятью, всплывали кадры кинохроники. Маршал Жуков на Красной Площади принимает парад Победы верхом на белом жеребце.

Кстати, жеребца звали Символ, он вырос на Терском заводе, поэтому — вроде как дальний родственник нашим Родопским лошадям.

А с лошадками мы подружились. Отправляясь на прогулку, обязательно останавливаемся с ними поговорить, рвем траву посочнее, там, где им самим не дотянуться, кормим с руки.

Мабрука обычно подходит первой. Она в табуне — главная, обойти ее никто не смеет.

Дружба коня с человеком.

Характеры у лошадей разные, совсем как у людей. И болезни лошадиные тоже на человеческие похожи. Инфаркты, инсульты.

Но это — в конце жизни. А так — здоровье лошадиное. После многокилометрового забега ветеринар мерит пульс животного — он должен быть не больше 63 ударов в минуту. 65 ударов — уже признак слабости и болезни.

Скаковых лошадей делят на категории. Одну звезду им присуждают за дистанцию в 80 километров аллюром. Две звезды — за 120 километров (лошадь скачет 8 часов подряд), три звезды — за 160 километров.

Такой скакун стоит порядка полмиллиона евро.

Наш приятель Атанас, как профессиональный лошадиник, как увидит красивого коня, сразу возмечтает его купить. Однако, катая детей два месяца в году, больших денег не заработаешь.

Так все и катится, потихоньку. Лошади стареют, зимой здесь снег, мороз, в дощатой конюшне холодно. Прошлую зиму пережили без потерь, а новую — кто знает?

Вспомним, что первый арабский скакун, Сметанка, был привезен в Россию графом Орловым в 1775 году. Он успел дать потомство, но в подмосковном поместье больше года прожить не смог. Климат не тот.

114 лет спустя, в 1889 году граф Строганов и князь Щербатов привезли из Сирии и с Аравийского полуострова 6 жеребцов и 25 кобыл арабской породы. Их привезли не в Подмоскovie, а в предгорья Северного Кавказа, в долину, защищенную от ветров, где были уже построены конюшни.

Строгановское предприятие и стало после революции Терским конезаводом, объектом номер 169 (для военной тайны).

Здесь стоит бронзовый памятник Асуану, здесь же — его могила.

Жеребца похоронили в 1991 году со всеми почестями — в расшитой попоне и в полный рост.

Марков и Живков

Переезжая жить в новое место, особенно туда, где каждый на виду, человек должен познакомиться, объяснить — кто он, откуда, что делает.

Нам повезло. В Родопской глубинке все знают Англию и Би-би-си. Все помнят радио, которого уже давно нет — Болгарскую Службу из Лондона.

Точнее, все знают и помнят Георгия Маркова. Марков — национальный герой Болгарии.

Узнав, что я много лет работал на Би-би-си, спрашивают — знал ли я его? Скромно отвечаю что — знал. Мы сидели в соседних комнатах на 5 этаже Буш-хауса.

7 сентября 1978 года, Георгий Марков, поставил, как обычно, машину на стоянке за рекой и шел на работу. На мосту Ватерлоо столкнулся с каким-то господином, одетым как буржуй с карикатуры — сюртук, котелок, зонтик. Господин как будто нечаянно ткнул Маркова зонтом, извинился с сильным акцентом и исчез.

Церковь Св. Марии на Стрэнде в 1978 году. Напротив, за деревьями- Буш-хаус, куда ехал на автобусе Марков. (Я проработал там 35 лет).

Вечером у Георгия поднялась температура, врачи прописали жаропонижающее, а через три дня он умер. Маркову было 49 лет.

В то время Марков передавал по радио свои воспоминания «Мои встречи с Живковым» в 14 частях. Для Би-би-си они показались неподходящими, слишком резкими для

традиционного бибисейского баланса — но руководство разрешило Маркову отдать записи на радио «Свобода».

Марков был вхож в семью Живковых, он дружил с его дочерью Людмилой, тогдашним министром культуры, был редактором крупного издательства. Ему было что рассказать, и Марков в выражениях не стеснялся.

Георгий Марков незадолго до гибели

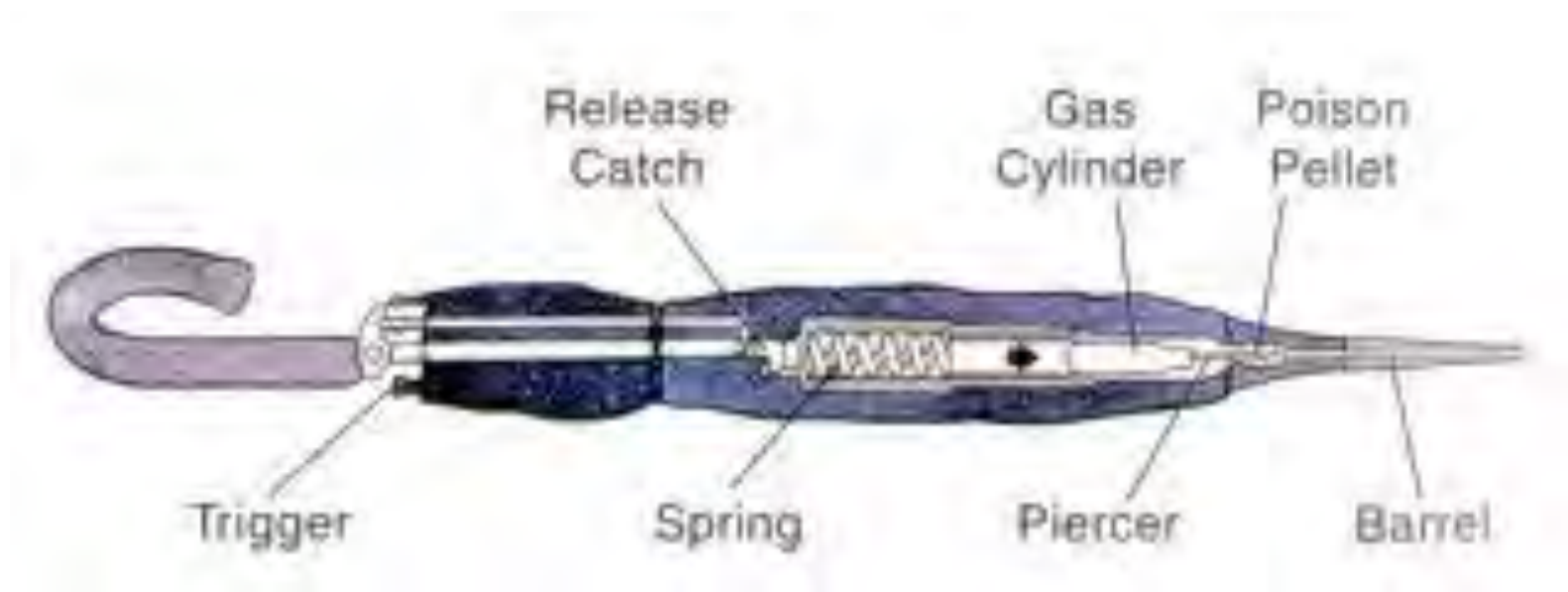
Почти все коллеги Маркова, включая и нас на Русской службе, тут же заподозрили недоброе.

К высокому начальству устремились журналисты из крупных газет, и тогдашний контролер по Восточной Европе сказал им тогда сакраментальную фразу: *The possibility of a foul play is very remote indeed* (Возможность грязной игры весьма маловероятна), добавив от себя лично, что он только что вернулся из Болгарии, где его принимали самым сердечным образом.

В то время я с двумя диссидентами, по старой советской привычке, издавал стенную газету под названием «Самодур» (сам себя дурю, но пишу что хочу). Она висела в большой комнате Русской службы. По такому случаю мы поместили фотографию с американской хлопковой плантации конца XIX века, на которой черные батраки играют в карты, и один передает другому босой ногой туза под столом, делая невинные глазки.

Под этой фотографией мы поместили слова контролера: «*The Possibility of a foul play is very remote indeed*».

Через несколько дней все британские и мировые газеты написали, что Георгий Марков был убит хитрейшим способом: из зонтика со встроенным в него сверхтонким пневматическим ружьем в него внедрились невидимую глазом иридиевую пиллюлю диаметром меньше миллиметра. В ней были просверлены микроскопические отверстия, наполненные сильнодействующим ядом, рицином.

Поначалу врачи распознать этого не смогли, пиллюлю нашел патологоанатом при вскрытии.

Помню, что Скотленд-ярд прислал к нам детектива, огромного дядьку. Он проводил целые дни у нас на этаже, играл с сотрудниками в шахматы и даже, как говорили, закрутил роман с ведущей болгарской поп-программы. Это продолжалось полгода.

В 1989 году Живков ушел в отставку, железный занавес беззвучно рухнул и постепенно на свет стали выходить кое-какие подробности.

В архивах болгарской службы безопасности нашли документы за подписью Живкова, после убийства Маркова он лично наградил 14 своих сотрудников и одного советского сотрудника КГБ.

Бывший генерал КГБ Олег Калугин в октябре 1993 года приезжал в Лондон на телепередачу Би-би-си «Панорама». Прямо в аэропорту его арестовали, и глава антитеррористического отдела Скотленд-Ярда Кристофер Бэрд допрашивал его два дня.

Калугин рассказал, что в начале 1978 года глава МВД Болгарии, генерал Стоянов обратился в КГБ. Он получил личное приказание Живкова уничтожить Маркова в Лондоне, просил помочь.

Обратились к Андропову, тот дал указание. В лабораторию №12, где производилось секретное оружие, пошла заявка. Там предложили несколько вариантов — ядовитый гель, вызывающий инфаркт (так пытались убить Солженицына в начале 70-х) или отравленную рицином пулю.

Олег Калугин

Резидентура в Вашингтоне закупила несколько стандартных зонтиков, они были отправлены дипломатической почтой в Москву. Готовый продукт полковник КГБ Голубев лично отвез в Болгарию.

Оружие проверили на лошади (она погибла), затем на приговоренном к смерти заключенном (он не погиб). Оружие отправили на доработку.

Следующее испытание сделали в Париже, стрельнули пулькой в перебежчика, бывшего полковника болгарской службы безопасности, Владимира Костова. Костову повезло, французские врачи сумели его спасти и потом предоставили англичанам образец пули.

Кстати, анализ яда делали американцы.

В 1993 году Скотленд-Ярд обратился в Болгарию, там были готовы активно сотрудничать. Тогда и всплыло имя агента, Франческо Гулино. Итальянец, житель Копенгагена. В свое время Гулино попался на контрабанде наркотиков и был завербован.

Болгарские коллеги сообщили, что на имя Франческо Гулино в 1978 году было выдано несколько паспортов, что в день убийства Маркова Гулино был в Лондоне, что на следующий день он вылетел в Рим, встречался с куратором из болгарской разведки и получил 2000 английских фунтов.

В Копенгаген вылетели следователи Скотленд-Ярда, они встретились с Гулино. Тот признался, что действительно работал на болгарскую службу безопасности, но отрицал свое участие в убийстве Маркова. За отсутствием прямых улик датские власти не дали согласия на его арест.

Памятник Георгию Живкову на площади «Журналист» в Софии

В 2013 году, за давностью лет, дело Маркова было закрыто.

По некоторым сообщениям Франческо Гулино все еще жив, поселился в Австрии, в маленьком городке, торгует антиквариатом. Его часто видят на местной барахолке.

11 ноября 2014 года, в столице Болгарии, Софии, на площади «Журналист» был официально открыт памятник Маркову. Присутствовал президент Плевнелиев и два бывших президента, Желев и Стоянов.

Стоянов в свое время посмертно наградил Георгия Маркова высшим орденом, звездой «Стара Планина» на подвязке, за исключительные заслуги перед страной.

Монумент Георгия Маркова высотой в 2 метра, на постаменте надпись:

ЖИВИТЕ ЗАТВАРЯТ ОЧИТЕ НА МЪРТВИТЕ

МЪРТВИТЕ ОТВАРЯТ ОЧИТЕ НА ЖИВИТЕ

«Живые закроют глаза мертвым, мертвые откроют глаза живым».

Фестиваль «Перелик» или Джаз на соломе

У меня есть теория, что на планете Земля каждый день года проходит какой-нибудь фестиваль, а иногда даже не один

Если выбрать направление искусства, скажем — джаз, составить себе расписание джаз-фестивалей на мировом пространстве, то можно колесить потом по земному шару с одного фестиваля на другой, изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год, и так до бесконечности.

Такой ненасытный любитель музыки в конце июля должен прилететь в столицу Болгарии, Софию, сесть на машину, ехать 150 километров по автостраде на Пловдив, потом держать на Асеновград, и далее, по горной серпантине еще 90 километров — на Смолян. Не доезжая до Смоляна, отвернуть на Девин, примерно через шесть километров будет поворот на Перелик.

Перелик — это перевал на самой высокой горе окрестных Родопских хребтов, он находится на высоте 2171 метр. Здесь в последнюю субботу июля проходит ставший уже традиционным эко-джаз-фестиваль «Перелик» с дополнительным названием The Sound of Silence — «Звук тишины».

Мы поселились в этих краях в октябре, я переждал снежную зиму, бурлящую ручьями весну, и по первому летнему теплу поехали на Перелик. Асфальт кончается за несколько километров до перевала, дальше идет насыпная дорога из крупного щебня, по которой заботливый водитель свою машину гонять не станет.

Заботливый водитель — это я. Старый «Мерседес», герой повествования, был бережно оставлен на обочине. Мы пошли пешком. На месте будущего фестиваля нам предстала картина из русской песни: «Среди долины ровныя, на гладкой высоте». Видны были мачты, на которых крепится навес фестивального шатра и так называемый «медвежий дом».

Когда-то некий романтик поставил этот дом на вершине, с которой открывается эпический вид на лежащую внизу долину и город Смолян (высота 990 метров над уровнем моря). Сейчас дом был закрыт, в дверные щели и окна было видно, что внутри он наполнен тюками сена.

В городе висели афиши, что фестиваль состоится 30 июля в восемь вечера, вход бесплатный. В тот день заботу о семейной машине пришлось оставить и ехать по разбитой дорожной щебенке со скоростью пять километров в час. Приехали, нас направили на стоянку на скошенной траве, в длинном ряду уже стоявших там автомобилей.

Фестивальный зал из тюков соломы

Тюки сена из дома теперь вынесли наружу, из них построили стены фестивального зала и ступени амфитеатра внутри. Я облюбывал место на возвышении. Мы уселись на соломе, на принесенной с собою подстилке, и обзрели аудиторию.

На такой высоте градусов на 10 холоднее, чем внизу, особенно вечером. Проблему отопления решили в средневековом стиле. В больших железных чашах горели костры, открытые камины, дым уходил в подвешенные трубы.

Спонсоры фестиваля, производители внедорожников одной известной марки с четырьмя кольцами, выставили свою продукцию на обозрение. В ларьках продавали пиво и нехитрую закуску. По дороге, в облаках пыли, подъезжали новые кавалькады.

Начало задержали на час, и не потому, что недисциплинированный зритель опаздывал к началу. Потом стало понятно, что люди приезжают в горы посидеть у открытого огня, попить пива и местной ракии, заглянуть в вечность, смотря на звезды и, конечно, послушать джаз.

Джаз был тоже местного разлива, составы из Сербии, Пловдива и Софии. С софийскими джазменами выступал американский пианист Райан Хенслер. Родное посольство обеспечило ему дипломатическую поддержку, сам господин посол США в Болгарии, Эрик

Рубин, проделал путь из Софии (маршрут смотри выше) до горного перевала Перелик и торжественно был препровожден на балкон из соломенных тюков, где сидели особо важные персоны из республиканского и местного начальства, гости из Греции и так далее.

Я серьезно увлекся джазом почти 60 лет назад, за эти годы наблюдал эволюцию жанра от четкой музыки свинговых оркестров и би-бопа до анархии авангарда. То, что звучало на фестивале, было не столько джазом, сколько представлением о нем в Сербии, Софии и Пловдиве.

Первичной радости жизни раннего новоорлеанского стиля или глубокой блюзовой тоски в этой музыке искать не стоит. Современный джазмен стоит в оппозиции к популярной культуре, к року, классике и далее по списку. Уникальность его эстетической платформы заставляет искать форм, каких не найдешь у музыкальных соседей.

Рождаются звуки, которым самое место на вершине горы, в холодной ночи у пылающих костров, на пороге звездной вечности.

Даже если не очень понятно, то послушать можно.

В конце концов, такое случается раз в два года.

Мрамор острова Тассос

Для начала — кое-что о жизни в горах.

Воздух здесь разреженный, атмосферное давление понижено. Вода кипит не при 100 градусах, как у моря. Например, на нашей высоте в 1525 метров, кастрюлька закипает на отметке в 94 градуса. Яйцо в «мешочек» надо варить не 3 минуты, а как минимум 4.

В горах всегда холоднее, чем в долине. В городе, ниже нас на 500 метров, всегда теплее градусов на 6, а у моря — на все 10. В летний зной, когда все живут в обнимку кондиционером, у нас — райская свежесть и прохлада. Но после зимы, если честно, тепла не хватало.

Ко дню рождения Лелика, в конце мая, родился лозунг с эрративной лексикой: «В ГРЕЦИЮ, В ГРЕЦИЮ, ГРЕЦЦА, ГРЕЦЦА!»

Греция рядом. Есть два маршрута — короткий, через горы, Златоград-Ксантия-Керамоти (174 км) и в объезд, на Кирково-Комотины-Керамоти (228 км). Первый идет по красивейшим местам, где нет никого, и понятно — почему. 150 верст по извилистому серпантину (кстати, недавно построенному) укачают любого космонавта.

Поехали в объезд. Еще в прошлом году, чтобы добраться до автострады, приходилось ехать 90 км по раздолбанной дороге, объезжая ямы, сетуя на болгарскую нищету.

За эти полгода из Евросоюза пришли деньги на развитие инфраструктуры, нагнали бульдозеров, экскаваторов и грузовиков, крепкие мужчины в светящихся желтых жилетах муравьиным роєм безропотно взялись за дело, и вот — результат. Сливочное шоссе, с бордюрами и поребриком. Швейцария отдыхает.

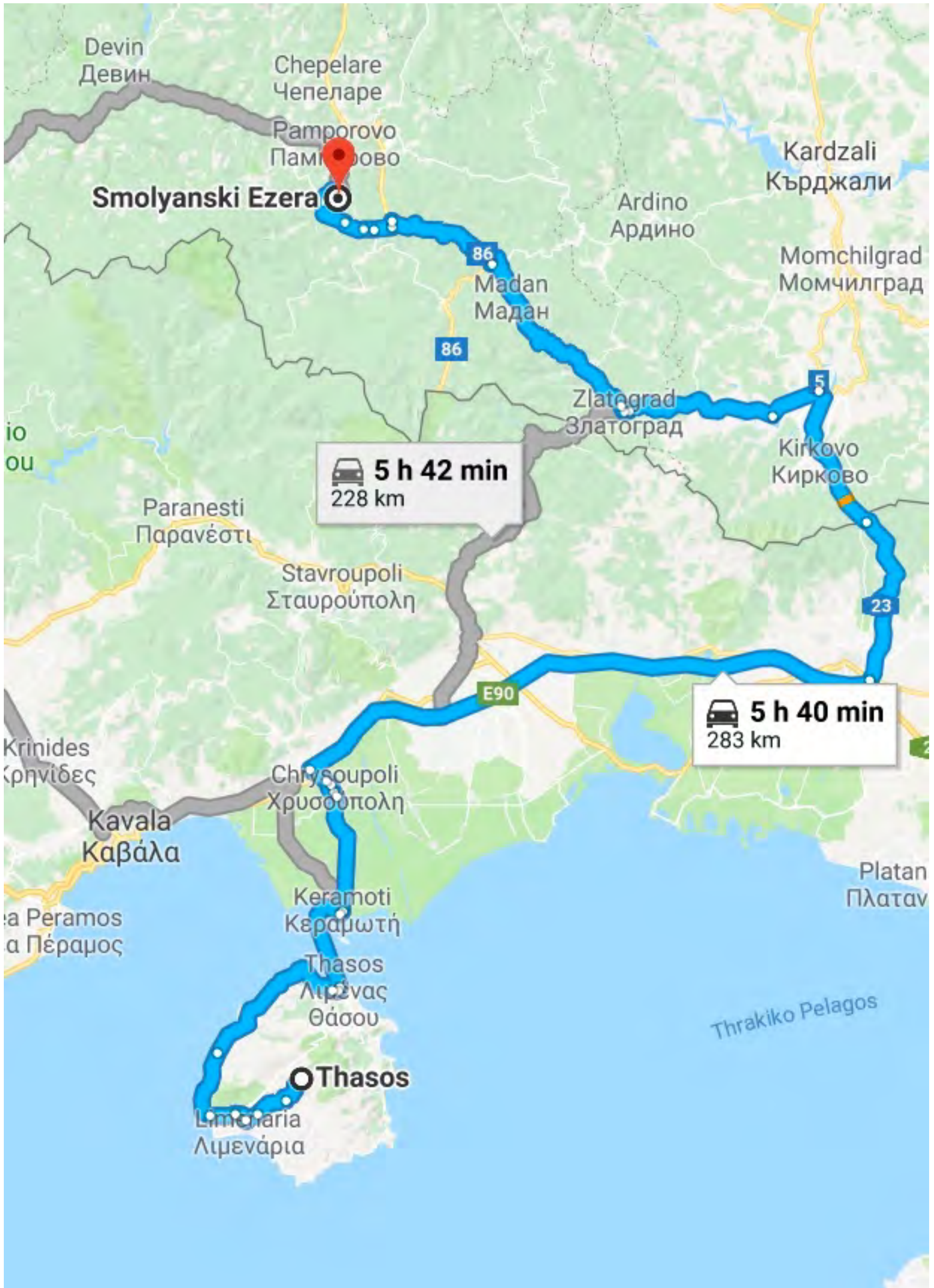
Ехали, пели песни, на разные лады повторяли мантру: «ГРЕЦЦА, ГРЕЦЦА, В ГРЕЦИЮ, В ГРЕЦИЮ!» Подъехали к границе. Машина у нас английская, с правым рулем. На обычном месте водителя сидит Лелик.

Она подала документы, нам сделали знак передвинуться к греческому окошку. Оттуда высунулся строгий чиновник. Глядя в наши паспорта, спросил — куда вы едете?

«Мы едем... В ГРЕЦИЮ!!!» — объявила Лелик с лучезарной улыбкой. Офицер, бедный, даже поперхнулся, но потом взял себя в руки и поднял шлагбаум.

А ехали мы в маленький портовый городок, Керамоти, откуда каждые полчаса ходит паром на остров Тассос. Остров — совсем рядом, 6 морских миль. Билет стоит 3.5 евро, на машину — 20, итого — 27.

В Греции все окутано мифами. Все помнят похищение Европы Зевсом, который прикинулся быком. У Европы был брат, Тассос, который как будто бы, основал на этом острове первое поселение. В честь него так и называют.

На подходе к Тасосу

На подходе, еще с парома, видны светлые обгрызенные склоны гор. Это — каменоломни, где добывают знаменитый мрамор Тассоса. Синее небо, синее море и белоснежный мрамор, который глыбами навален в портовый волнолом. Извините, граждане, но ничего дешевле и проще под рукой просто не оказалось!

Остров Тассос 4 года был русским, после разгрома российской эскадрой турецкого флота в Чесменском сражении в 1770 году. Потом, когда война окончилась и случился «Крымнаш» (1775 г.), Тассос снова отошел к Османской Империи.

Летом, в разгар сезона сюда приезжать не стоит. Сильная жара, высокие цены. В конце мая народу еще совсем мало, мы сняли студию с видом на море (комната с маленькой кухней и туалетом-душевой) за 35 евро в день.

Бронировали по интернету, адрес был указан точный, я бы даже сказал, очень точный. Географические координаты: широта 40.624501656362575 и долгота 24.54628810286522.

Волнолом из белого мрамора

Попробуйте найти, у меня ничего не получилось. Полтора часа колесили, спрашивали у всех местных, потом узнали, что у хозяина есть в соседнем городе Лименария гостиница, там и надо искать.

Нашли. Хозяин, по имени Янис, сказал, что ждал нас целый день и даже звонил мне на мобильный, что вчера был сильный ветер и указатель на нашу студию снесло, потому и не найти. Он сел на мотоцикл и эскортировал нас на место.

Теплые дни только начинались, купаться рано, но загорать уже можно. Через дорогу — бухта Трипити Бэй и два пляжа, малый и большой. Между ними — мыс, поросший соснами. Ограждение упало, воротца ржавые, открыты настежь.

У нас есть игра — находить идеальное место для гипотетической дачи. А тут — шикарная точка для виллы из белого мрамора. Спросили у Яниса — чей участок. Хозяин, пожилой человек, живет недалеко от Керамоти, купил его давно и ничего не может с ним делать. Ни строить, ни продать, ни даже сдать внаем.

Суровый греческий закон: доступ к морю принадлежит демосу, народу, то есть всем. Полоса в 30 метров от воды — общая, строить на ней нельзя. Никому и никогда.

Шикарная точка для виллы из белого мрамора.

Есть, правда, уловка. Разрешено все, что не заглубляется в землю, что стоит на колесах. Поэтому на такой участок можно поставить караван или передвижной дом на колесах, но это, сами понимаете, не вилла из белого мрамора. Она бы очень украсила пейзаж, дарила бы радость людям (живущим в этой вилле).

На одном кафе в порту видели объявление: «греческий завтрак: чашка кофе, 10 сигарет, 1 газета». Из таких шуток складывается мнение о стране, будто бы там все сидят по кафе и не работают.

На малом пляже два «мущины», с восхода до заката, вынимали из моря большие камни, которые могут повредить ножку туриста, и складывали их в кучи на берегу. За два дня натаскали столько, что убрали эти кучи экскаватором.

Если верить археологам, то первую шахту для добычи охристого оранжевого камня первые поселенцы острова прорыли еще за 13 тысяч лет до нашей эры. Стало быть, люди здесь живут 15 тысяч лет.

Не случайно все это. Не случайно.

Люди здесь живут 15 тысяч лет.